

АНТИНОМИИ



yearbook.uran.ru/
ifp.uran.ru/ezh/about/

2022

Том 22
Выпуск 2

Вячеслав Васечко

Нормы судейской этики
в свете максим
римских юристов-классиков

Мария Марей

О власти государства
и свободе подданных:
политические проекты
неославянофилов

Норик Галстян

К вопросу об «антимонопольном»
регулировании
политической конкуренции:
конституционно-правовые аспекты

Леонид Фишман

Антивакцинаторские настроения
в России:
уникальное мракобесие или
выдающаяся постправда?

Наталья Варламова

Права человека
в психологической теории права
Л.И. Петражицкого:
реконструкция и критическая
интерпретация

Константин Рыжков

Единообразное толкование
и применение норм права
в гражданском и арбитражном
процессе: факторы влияния





Российская Академия Наук

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ И ПРАВА
Уральского отделения
Российской академии наук

АНТИНОМИИ

Том 22

Выпуск 2

Екатеринбург – 2022

Издание посвящено 300-летию Российской академии наук

Главный редактор

Виктор РУДЕНКО, главный научный сотрудник Института философии и права УрО РАН
(Екатеринбург, Россия), академик РАН, д-р юрид. наук, проф.

Редакционная коллегия

Философия

Хоакин Х. АЛАРКОН, проф. Университета г. Мурсии (Мурсия, Испания), д-р философии; **Владимир ДИЕВ**, директор Института философии и права Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия), д-р филос. наук, проф.; **Юрий ЕРШОВ**, д-р филос. наук, проф. (Екатеринбург, Россия); **Владислав ЛЕКТОРСКИЙ**, главный научный сотрудник Института философии РАН (Москва, Россия, председатель), академик РАН, д-р филос. наук, проф.; **Михаил МАЛЫШЕВ**, проф. Автономного университета штата Мехико (Толука, Мексика); **Шон САЙЕРС**, почетный проф. философии Кентского университета (Кент, Великобритания); **Елена СТЕПАНОВА**, главный научный сотрудник Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), д-р филос. наук; **Елена ТРУБИНА**, проф. Уральского федерального университета (Екатеринбург, Россия), д-р филос. наук; **Ань ЦИНЯНЬ**, проф. философии Народного университета Китая (Пекин, КНР).

Политическая наука

Ольга МАЛИНОВА, проф. МГИМО-Университета (Москва, Россия), д-р филос. наук, проф.; **Виктор МАРТЬЯНОВ**, директор Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), к. полит. наук, доц.; **Петр ПАНОВ**, главный научный сотрудник Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН (Пермь, Россия), д-р полит. наук, проф.; **Юрий ПИВОВАРОВ**, научный руководитель ИНИОН РАН (Москва, Россия), академик РАН, д-р полит. наук, проф.; **Ольга ПОПОВА**, зав. кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия), д-р полит. наук, проф.; **Сергей ПОЦЕЛУЕВ**, проф. кафедры теоретической и прикладной политологии Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия), д-р полит. наук; **Томас РЕМИНГТОН**, проф. политологии Университета Эмори (Атланта, США), д-р политологии; **Камерон РОСС**, проф. политических наук Университета Данди (Данди, Великобритания), д-р философии; **Ольга РУСАКОВА**, зав. отделом философии Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), д-р полит. наук, проф.; **Ричард САКВА**, проф. Кентского университета (Кент, Великобритания), д-р философии; **Саския САССЕН**, проф. социологии Колумбийского университета (Нью-Йорк, США), д-р философии; **Кароль СИГМАН**, сотрудник Института политических и социальных исследований Национального центра научных исследований, д-р политологии (Париж, Франция).

Право

Алексей АВТОНОМОВ, директор Центра сравнительного права НИУ «Высшая школа экономики», (Москва, Россия), д-р юрид. наук, проф.; **Олег ЗАЗНАЕВ**, зав. кафедрой политологии Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань, Россия), д-р юрид. наук, проф.; **Михаил КАЗАНЦЕВ**, зав. отделом права Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), д-р юрид. наук; **Сергей КОДАН**, проф. Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург, Россия), д-р юрид. наук; **Александр КОКОТОВ**, судья Конституционного суда Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия), д-р юрид. наук, проф.; **Павел КРАШЕНИННИКОВ**, председатель комитета Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации (Москва, Россия), д-р юрид. наук, проф.; **Валентина РУДЕНКО**, старший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), к. юрид. наук; **Арmando СЕРОЛО ДУРАН**, проф. Университета г. Сан-Пабло (Сан-Пабло, Испания) д-р права, д-р полит. наук; **Наталья ФИЛИПОВА**, зав. кафедрой государственного и муниципального права Сургутского государственного университета (Сургут, Россия), д-р юрид. наук.

Журнал с 2011 г. включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук. Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), «КиберЛенинку», базу данных Russian Science Citation Index на платформе Web of Science (RSCI), а также входит в международные базы данных EBSCO; Ulrich's Periodicals Directory; Directory of Open Access Journals (DOAJ); International Impact Factor Services (IIFS).

Учредитель и издатель

Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук

Журнал издается с 1999 года. В 1999–2018 годах выходил под названием «Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук». С 2019 года журнал издается под названием «Антиномии». Подписной индекс 43669 через Подписное агентство «Урал-Пресс» (контакты ближайших офисов на сайте www.ural-press.ru).

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации средств массовой информации ПИ № ФС77-75331 от 5 апреля 2019 г. ISSN 2686-7206 (Print); ISSN 2686-925X (Online)

Адрес учредителя, издателя и редакции: 620108, Россия, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16.

Тел./факс: 7 (343) 374-33-55. E-mail: admin@instlaw.uran.ru

Интернет-сайт журнала: <http://yearbook.uran.ru>



Статьи распространяются на основе публичной лицензии Creative Commons



Russian Academy of Sciences

INSTITUTE OF PHILOSOPHY AND LAW
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

ANTINOMIES

Volume 22

Issue 2

Yekaterinburg 2022

The edition is dedicated to the 300th anniversary of the Russian Academy of Sciences

Editor-in-Chief

Viktor RUDENKO – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia).

Editorial Board

Philosophy

Joaquin H. ALARCON – University of Murcia (Murcia, Spain); **Vladimir DIYEV** – Institute of Philosophy and Law, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia); **Yuri ERSHOV** (Yekaterinburg, Russia); **Vladislav LEKTORSKY** – Institute of Philosophy, the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); **Mikhail MALYSHEV** – Autonomous University of Mexico (Toluca, Mexico); **Sean SAYERS** – University of Kent (Kent, Great Britain); **Elena STEPANOVA** – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia); **Elena TRUBINA** – Ural Federal University (Yekaterinburg, Russia); **An QINIAN** – Renmin University of China (Beijing, China).

Political Science

Olga MALINOVA – MGIMO University (Moscow, Russia); **Viktor MARTYANOV** – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia); **Petr PANOV** – Perm Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Perm, Russia); **Yuri PIVOVAROV** – Institute of Scientific Information on Social Sciences, the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); **Olga POPOVA** – Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia); **Sergey POCE-LUEV** – Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia); **Thomas REMINGTON** – Emory University (Atlanta, USA); **Cameron ROSS** – University of Dundee (Dundee, UK); **Olga RUSAKOVA** – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia); **Richard SAKWA** – University of Kent (Kent, UK); **Saskia SASSEN** – Columbia University (New York, USA); **Carole SIGMAN** – Institute for Humanities and Social Sciences, National Center for Scientific Research (Paris, France).

Law

Alexei AVTONOMOV – Center for Comparative Law, Higher School of Economics (Moscow, Russia); **Oleg ZAZNAEV** – Kazan Federal University (Kazan, Russia); **Mikhail KAZANTSEV** – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia); **Sergey KODAN** – Ural State Law University (Yekaterinburg, Russia); **Alexander KOKOTOV** – Constitutional Court of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia); **Pavel KRASHENINNIKOV** – State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation (Moscow, Russia); **Valentina RUDENKO** – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia); **Armando ZEROLO DURAN** – University of San Pablo (San Pablo, Spain); **Natalia FILIPPOVA** – Surgut State University (Surgut, Russia).

Since 2011, the journal is included into the List of leading research journals for publication of scientific results of doctorate theses. It is indexed and referenced in RSCI, Ulrich's Periodicals Directory; Directory of Open Access Journals (DOAJ); International Impact Factor Services (IIFS); it is included to the RSCI database on the Web of Science platform.

Founder and Publisher:

Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

The journal is published since 1999. In 1999–2018 it was published under the title "Research Yearbook, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences". Since 2019, the journal is published under the title "Antinomies". Subscription index 43669 via Subscription agency «Ural-Press» (contacts of the nearest offices to be found on the website www.ural-press.ru).

Registered as the periodical journal by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications.

(The Certificate of Registration ПИ № ФС77-75331, April 05, 2019)

ISSN 2686-7206 (Print); ISSN 2686-925X (Online)

Contacts: S. Kovalevskaya st., 16, Yekaterinburg, Russia, 620108.

Tel/fax: 7 (343) 374-33-55. E-mail: admin@instlaw.uran.ru

Web-site: <http://yearbook.uran.ru>



The articles are distributed under
a Creative Commons public license

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

<i>Васечко В.Ю.</i> Нормы судебной этики в свете максим римских юристов-классиков	7
--	---

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА

<i>Марей М.Д.</i> О власти государства и свободе подданных: политические проекты неославянофилов	21
<i>Галстян Н.А.</i> К вопросу об «антимонопольном» регулировании политической конкуренции: конституционно-правовые аспекты	40
<i>Фишман Л.Г.</i> Антивакцинаторские настроения в России: уникальное мракобесие или выдающаяся постправда?.....	62

ПРАВО

<i>Варламова Н.В.</i> Права человека в психологической теории права Л.И. Петражицкого: опыт критической интерпретации	73
<i>Рыжков К.С.</i> Единообразное толкование и применение норм права в гражданском и арбитражном процессе: факторы влияния.....	96

C O N T E N T S

PHILOSOPHY

- V. Vasechko.** Judicial Ethical Standards
in the Light of Roman Classic Lawyers' Maxims.....7

POLITICAL SCIENCE

- M. Marey.** On the Power of State and Freedom of Citizens:
Neo-Slavophiles' Political Projects21
- N. Galstyan.** On the "Antimonopoly" Regulation
of the Political Competition: Constitutional-Legal Aspects..... 40
- L. Fishman.** Anti-Vaccination Sentiments in Russia:
Unique Obscurantism or Outstanding Post-Truth?62

LAW

- N. Varlamova.** Human Rights in the Leon Petrażycki's
Psychological Theory of Law:
Reconstruction and Critical Interpretation73
- K. Ryzhkov.** Uniform Interpretation and Application of the Rules
of Law in Civil and Arbitration Proceedings: Factors of Influence96

ФИЛОСОФИЯ PHILOSOPHY



Васечко В.Ю. Нормы судейской этики в свете максим римских юристов-классиков. DOI 10.17506/26867206_2022_22_2_7 // Антиномии. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 7–20.

УДК 340.15:174

DOI 10.17506/26867206_2022_22_2_7

Нормы судейской этики в свете максим римских юристов-классиков

Вячеслав Юрьевич Васечко

Институт философии и права Уральского отделения РАН

г. Екатеринбург, Россия

E-mail: vyacheslavpetro@narod.ru

*Поступила в редакцию 07.10.2021, поступила после рецензирования 17.03.2022,
принята к публикации 18.03.2022*

В статье дается сравнительная характеристика ныне действующего Кодекса судейской этики Российской Федерации и классических максим латинских юристов II–III вв. Сформированный в греко-римской культуре образ «хорошего судьи» (judex bonus) трактуется как вариант и ипостась более общей и фундаментальной идеальной модели «мужа добра» (vir bonus), развитой в перипатетизме и стоицизме. Автором делаются содержательные выводы из той очевидной предпосылки, что одних лишь позитивных законов, в частности регламентирующих юридический статус судьи, недостаточно для надлежащего и эффективного отправления правосудия. Позитивное законодательство, безусловно, нуждается в нравственно-этической надстройке, в нормах иного смысла и уровня, контролирующих образ мышления, мировоззрение и повседневное поведение судьи. В статье прослеживается связь современных этических норм профессионального судейского



© Васечко В.Ю., 2022

цеа с морально-юридическими формулами почти двухтысячелетней давности. На конкретных примерах отмечается то обстоятельство, что современные нормы семантически, а нередко и буквально воспроизводят отдельные понятия, суждения и принципы, известные правоведам еще с античных времен (например, честность, добросовестность, независимость, беспристрастность, компетентность, забота о постоянном совершенствовании действующего законодательства и другие этические качества, которыми должен обладать судья-профессионал). Особо выделено значение норм, регламентирующих внеслужебные отношения и контакты судьи, с точки зрения потребности в профилактике и искоренении возникающих в этой связи коррупционных нарушений и нравственно-правовых деформаций. Обращено внимание на то, что как древняя, так и современная юридическая мысль признает известную условность, неполноту и ограниченность всякого наличного свода законов, равно как и некоторого этического кодекса. На этом основании определяются ориентиры дальнейшего совершенствования и обновления Кодекса судейской этики Российской Федерации в плане продуманных антикоррупционных усилий, актуализирующих и переосмысляющих потенциал древних латинских максим.

Ключевые слова: Кодекс судейской этики Российской Федерации, латинские юридические максимы, римское право, судья, совершенствование правоохранительной системы, позитивный закон, естественная справедливость, коррупция

Judicial Ethical Standards in the Light of Roman Classic Lawyers' Maxims

Vyacheslav Yu. Vasechko

Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia

E-mail: vyacheslavpetro@narod.ru

Received 07.10.2021, revised 17.03.2022, accepted 18.03.2022

Abstract. The article provides a comparative characteristics of the current Code of Judicial Ethics of the Russian Federation and the classical maxims of Roman lawyers of the 2nd and 3rd centuries. Formed in the Greco-Roman culture, the image of a “good judge” (*judex bonus*) is interpreted as a variant and hypostasis of a more general and fundamental ideal model of the “man of good” (*vir bonus*), previously developed in Peripatetics and stoicism. Substantive conclusions are drawn from the obvious premise that positive laws alone, in particular those regulating the legal status of a judge, are not sufficient for the normal and effective administration of justice. Positive legislation certainly needs a moral and ethical superstructure, norms of a different meaning and level, namely controlling the way of thinking, mindset and everyday behavior of the judge. The link between modern ethical norms of the professional judicial community and the moral and legal formulas of almost two thousand years old is shown. Specific examples are given to prove that modern norms semantically and often literally reproduce certain concepts, judgments and principles used by jurists since ancient times (for example, honesty, conscientiousness, independence, impartiality, competence, concern for the constant improvement of current legislation and other ethical qualities that a professional judge should necessarily possess). The

importance of the norms regulating non-official relations and contacts of a judge from the point of view of the need for prevention and eradication of corruption deviations and moral and legal deformations arising in this regard is emphasized. Attention is drawn to the fact that both ancient and modern legal thought recognizes a certain conditionality, incompleteness and limitation of any available set of laws, as well as some ethical code. On this basis, guidelines for further improvement and updating of the Code of Judicial Ethics of the Russian Federation in terms of thoughtful anti-corruption efforts that actualize and rethink the potential of ancient Latin maxims are determined.

Keywords: the Code of Judicial Ethics of the Russian Federation; Latin legal maxims; Roman law; judge; improvement of the law enforcement system; positive law; natural justice; corruption

For citation: Vasechko V.Yu. Judicial Ethical Standards in the Light of Roman Classic Lawyers' Maxims, *Antinomies*, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 7-20. (in Russ.). DOI 10.17506/26867206_2022_22_2_7.

Римское право на протяжении многих веков было и остается источником, обогащающим, оценивающим, корректирующим как наличную законодательную и правоприменительную практику, так и те юридические теории, которые эту практику обосновывают и осмысляют. Уже в Древнем Риме мало для кого являлось секретом, что лица, получившие от общества или от правителей весьма широкие властные полномочия, часто отнюдь не склонны действовать в интересах справедливого и беспристрастного правосудия, а, напротив, превращают свои должности в средства обогащения, делания карьеры и удовлетворения сугубо эгоистических страстей и запросов. Дошедшие до нас изречения типа *dat veniam corvis, vexat censura columbas* («карающая власть щадит воронов, но обрушивается на голубей») (Барсов 2003: 86) или *summum jus, summa injuria* («высшее право – высшее бесправие») (Бабичев, Боровский 1997: 775) – наглядное тому свидетельство.

Ведущие римские юристы, включая выделенную в Валентиниановом законе о цитировании (427 г.) и перешедшую в Дигесты Юстиниана первую пятерку авторитетов (Папиниан, Павел, Гай, Ульпиан, Модестин), не раз проявляли озабоченность по поводу существовавших в их времена нарушений при отправлении судопроизводства и того, что впоследствии получило наименование коррупции (Темнов 1996а: 41-42; Черниловский 1989: 7). Во многих классических юридических терминах мы легко можем опознать хорошо известные нам из сообщений СМИ (а порой от родственников, друзей, знакомых и из своего собственного опыта) вещи: *reculatus* – злоупотребление должностного лица доверием, присвоение казенных денег (Никифоров 1979: 192), *extortion* – вымогательство, совершаемое кем-либо под предлогом исполнения служебных обязанностей, *crimen repetundarum* – взяточничество, учиненное государственным чиновником, *argumentum argentarium* – денежный довод, то есть попросту взятка, подкуп, *attentat* – ненадлежащее действие судьи, *sub colore officii u sub colore juris* – ситуация, когда имярек совершает незаконные действия под прикрытием своего

официального положения (Темнов 1996b: 85, 87, 161, 350, 374), и др. (см. также: Васечко 2019: 333-335).

Неудивительно, что многие латинские максимы (сформулированные в дескриптивной, оценочной либо в нормативной форме) намного пережили свое время, продолжая и сегодня выполнять когнитивные и регулирующие функции. Причем касается это в первую очередь не позитивных норм (за исключением, может быть, сферы частного права), а естественно-правовых и нравственных. Среди максим римских юристов-классиков значительное место занимают максимы, касающиеся поведения судьи как лица, которое призвано претворять в жизнь высокие идеалы добра и справедливости, делать их фактом бытия, нормой повседневной жизни. Именно от профессиональных и нравственных качеств судьи как центральной фигуры процесса судопроизводства и от его поведения непосредственно зависит правовой климат социума, а опосредованно – и всякий другой (политический, экономический, культурный, нравственно-психологический): *nihil infra regnum subditos magis conservat in tranquillitate et concordia quam debita legum administration* – ничто лучше не удерживает подданных государства в спокойствии и согласии, чем надлежащее исполнение законов (Темнов 1996b: 277). А если судья, мягко говоря, не выглядит в глазах обычного гражданина эталоном нравственной чистоты, то перспективы для такой страны довольно мрачные: *sublata veneratione magistratum, respublica ruit* – утрата уважения к судьям разрушает государство (Никифоров 1979: 246).

Максимы, характеризующие *iudex bonus* (хорошего судью), реализуют более общую установку античной социально-гуманитарной мысли – стремление сконструировать модель идеального человека. Помимо прочего, данная модель связана с определенным этическим кодексом – реестром личностных качеств, которые индивид должен сформировать у себя как с помощью общества, так и самостоятельно. Наиболее известны модели Аристотеля («Никомахова этика»), а также Сенеки («Нравственные письма к Луцилию»), использующего выражение *vir bonus* – человек (или муж) добра (Сенека 1986: 257, 270, 289, 309-310, 332-334, 414). В определенном смысле *iudex bonus* – это конкретизация и ипостась *vir bonus*, так как совершенный человек, живя в обществе, должен нести те или иные обязанности, играть какую-то социальную роль, и потому добродетели человека как такового требуют дополнения в виде добродетелей, свойственных избранной им профессии.

Вполне закономерно, что наличия одних лишь позитивных законов, в том числе формально регламентирующих юридический статус судьи, недостаточно. Для эффективного отправления правосудия необходимо дополнить эти законы нормами иного уровня и иного смысла, контролирующими в первую очередь образ мышления судьи, его мировоззрение и поведение, и это ясно ощущалось уже римскими юристами. В современном мире необходимость такой нравственной «надстройки» над позитивным законодательством также налицо, о чем свидетельствует функционирование системы юстиции самых разных стран. Применительно к России это выражается в том, что наряду с Законом РФ «О статусе судей в Российской Федерации» (последняя редакция которого действует с 25 октября 2019 г.) (Закон Рос-

сийской Федерации № 3132-1, 1992), где были детально прописаны юридические права и обязанности судьи, отечественное судейское сообщество приняло в 2004 г. Кодекс судейской этики (далее – Кодекс), который был с изменениями переутвержден в декабре 2012 г. VIII Всероссийским съездом судей (Кодекс судейской этики, 2012). Особенность последнего состоит в том, что помимо конкретизации и развития требований к судье, определенных в Законе РФ «О статусе судей в Российской Федерации», он содержит положения чисто нравственного свойства и устанавливает правила поведения судьи как при осуществлении профессиональной деятельности, так и во внеслужебных отношениях (см.: Кобликов 2012: 158-159). Внимательное чтение и анализ данного документа со всей очевидностью показывают, что латинские юридические максимы, возраст которых измеряется без малого двумя тысячами лет, продолжают работать и по сей день. Перед нами, по сути дела, современный кодифицированный вариант *judex bonus* с четким описанием тех этических качеств, которыми должно обладать лицо, профессионально занимающееся отправлением правосудия.

Если не все, то, во всяком случае, многие из требований, предъявляемых к современному российскому судье, находят свои аналоги в формулировках, известных в Риме первых веков нашей эры. «Честное и добросовестное исполнение каждым судьей своих обязанностей», о котором говорится уже в Преамбуле Кодекса, есть почти дословное повторение латинского *de fide et officio judicis non recipitur quaestio* – добросовестность и честность судьи не подвергаются сомнению (Темнов 1996b: 124). Принцип независимости судьи (см. также: Закон Российской Федерации № 3132-1, 1992: ст. 9, 10), заявленный в Преамбуле и развитый в ст. 8 Кодекса, можно рассматривать как конкретизацию и подтверждение максимы *justitia debet esse libera, quia nihili iniquius venali justitia* – правосудие должно быть свободным, ибо нет ничего более несправедливого, чем продажное правосудие (Никифоров 1979: 141-142). Принцип нравственной справедливости, не сводимой к формальному, сугубо правовому смыслу (см.: Кобликов 2012: 122; Корсаков 2008; Костогрызов 2019), также присутствующий в Преамбуле и проходящий красной нитью через весь Кодекс, постоянно подчеркивался римскими юристами: *judex ante oculos aequitatem semper habere debet* – судья всегда должен иметь справедливость перед своими глазами (Темнов 1996b: 224); *aequum et bonum est lex legum* – справедливость и благо есть закон законов (Барсов 2003: 23); в целом же они считали, что *id quod semper aequum ac bonum est jus dicitur* – право есть то, что всегда является справедливым и добрым (Бартошек 1989: 404); *jus est ars boni et aequi* – право есть наука о том, что хорошо и справедливо (Барсов 2003: 186). Следует отметить, что прилагательное *aequum*, традиционно переводимое в данном контексте как «справедливое», в других контекстах вернее переводить как «равное», и не случайно, что и этому принципу – принципу равенства – посвящена отдельная (десятая) статья Кодекса.

То бесспорное обстоятельство, что «судья должен осуществлять профессиональную деятельность в строгом соответствии с законом, опираясь на внутреннее убеждение и не поддаваясь влиянию кого бы то ни было»

(Кодекс судейской этики, 2012: ст. 8, п. 3), также подчеркивалось юристами-классиками, признававшими, что не чьи-то мнения и интересы, а именно действующее законодательство – главный ориентир судьи при вынесении приговора: *judicis est jus dicere non dare* – обязанность судьи – отправлять правосудие, а не издавать законы (Темнов 1996b: 226). Вот почему наилучшим судьей римские юристы считали того, который берет на себя меньше всего – *optimus iudex qui minimum sibi* (Темнов 1996b: 297), то есть не претендует на то, чтобы бесосновательно и самоуверенно позиционировать себя выше законодателя. И их максима *id tantum possumus, quod de jure possumus* – мы можем делать лишь то, что можем делать законно (Барсов 2003: 158) – это не странный, бессодержательный (и к тому же тавтологично звучащий) трюизм, как может кому-то показаться на первый взгляд, а настоятельное руководство к действию для того, чье «делание» заключается именно в вынесении справедливых приговоров.

«Судья, – гласит Кодекс судейской этики, – при исполнении своих обязанностей по осуществлению правосудия должен исходить из того, что судебная защита прав и свобод человека и гражданина определяет смысл и содержание деятельности органов судебной власти» (Кодекс судейской этики, 2012: ст. 4, п. 1). Эта нравственно-этическая норма с учетом того, что в защите нуждаются прежде всего пострадавшие люди и граждане (оказавшиеся в куда более тяжелом или сравнительно худшем положении, чем окружающие), также явственно перекликается с классическими максимами: *justitia nemine neganda est* – нельзя никому отказывать в правосудии (Барсов 2003: 186), причем, как подчеркивал Ульпиан, никогда нельзя отказывать попавшим в беду, пусть нередко частично и по их собственной вине: *praetor hominibus vel lapsis vel circumscriptis subvenit* – судья помогает людям, которые ошиблись или были обмануты (Бартошек 1989: 418). Пункты ст. 15 Кодекса, где устанавливаются полномочия судьи, связанные с развитием права и законодательства (например: «Судья вправе участвовать в мероприятиях, направленных на развитие права и совершенствование законодательства, судебной системы и правосудия» (Кодекс судейской этики, 2012: ст. 15, п. 1), суть не что иное, как рецепции еще одной древней этической установки: *boni iudicis est ampliare justitiam* – обязанность хорошего судьи – принимать решения, способствующие развитию правосудия (Темнов 1996b: 91).

Постоянное совершенствование ныне действующей законодательной системы, изменение смысла одних статей, исключение вторых или, наоборот, включение третьих предполагает регулярное знакомство работника-юриста с новациями, которые имеют место в данной сфере. Это является предметом п. 4 ст. 11 Кодекса, где к судье предъявляется требование поддерживать свою квалификацию на высоком уровне и расширять профессиональные знания, совершенствовать практический опыт и использовать возможности как самостоятельного обучения, так и систематической переподготовки в государственной системе повышения квалификации. Но на это же, собственно, обращали внимание и юристы Античности и когда подчеркивали, что *iudex habere debet... salem sapientiae ne sit insipidus* – судья должен обладать свойством мудрости, чтобы он не был глуп (Никифоров

1979: 132), и когда отмечали, что *factum a iudice quod ad eius officium non spectat non ratum est* – действие судьи, которое не входит в его компетенцию, является ничтожным (Темнов 1996b: 163), и когда предупреждали, что *ignorantia iudicia est calamitas innocentis* – невежество судьи есть бедствие для невинного (Темнов 1996b: 192). Разумеется, самоуправство судьи необязательно может иметь причиной именно его невежество, отсталость от жизни, но, так или иначе, свободная ориентация в текущем законодательстве всегда остается его обязанностью. Что же касается не вполне ясной вне контекста максимы *est boni iudicis ampliare jurisdictionem* – хороший судья должен понимать свою юрисдикцию расширительно (Темнов 1996b: 148), то в ней предполагается, что для такого широкого понимания надо как минимум точно знать, какие конкретно границы компетенции устанавливает действующий официальный закон для данного субъекта, вершащего правосудие.

Как известно, в Древнем Риме нередким было затягивание судебных процессов, которые могли длиться долгие годы. Естественно, это не с лучшей стороны характеризовало судей и резонно становилось объектом внимания и критики юристов-теоретиков. Отсюда, в частности, возникли термин *amplius*, который служил для обозначения судьи-волокильщика, слишком много времени тратившего на рассмотрение дела и постоянно откладывавшего слушания (см.: Никифоров 1979: 19), и максима *ausuria verborum sunt iudice indigna* – буквоедство ниже достоинства судьи (Темнов 1996b: 87), осуждавшая юридическое крючкотворство, затягивание судопроизводства придирами к неточностям или шероховатостям в письменных документах. Особо подчеркивалось, что *iustitia debet esse... celeris, quia dilation est quaedam negation* – правосудие должно быть скорым, ибо промедление есть вид отказа (Никифоров 1979: 141-142). Судья по Кодексу, и эта коррупционная проблема не потеряла сегодня своей актуальности: «Судья должен исполнять свои профессиональные обязанности... обеспечивая необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав, обеспечивая справедливое рассмотрение дела в разумный срок», – гласит п. 6 ст. 10. В следующей статье Кодекса это требование конкретизируется: «Судья должен... проводить судебные заседания, не допуская назначения рассмотрения нескольких дел на одно и то же время, неоднократных и безосновательных отложений судебных разбирательств, в том числе в связи с их ненадлежащей подготовкой» (Кодекс судейской этики, 2012: ст. 11, п. 3).

Немалое число латинских максим фиксирует внимание на связях, в которые вступает правоохранитель с различными людьми во внеслужебной деятельности. История сохранила множество емких формул, в которых римские юристы (а также писатели, философы, ораторы) критически оценивали поведение иных жрецов Фемиды: *dona clandestina sunt semper suspicios* – тайные дары всегда вызывают подозрение (Темнов 1996b: 139); *consortio malorum me quoque malum facit* – общение с дурными людьми и меня делает дурным (Никифоров 1979: 41); *quamvis aliquid per se non sit malum, tamen si sit mali exempli, non est faciendum* – хотя нечто может быть

и неплохо само по себе, но если это подает дурной пример, этого не следует делать (Темнов 1996b: 330) и т.д. Очевидно, что *commodum ex injuria sua non habere debet* – никто не должен получать выгоду от совершения им правонарушения (Темнов 1996b: 102), и в первую очередь это относится к знакомым, приятелям и родне имеющих большие властные полномочия лиц, к которым принадлежат и члены судейского корпуса. Близкие связи, а тем более дружба с сомнительными личностями не могут не деформировать жизненные установки судьи и не отражаться на принимаемых им решениях, подталкивая его к потворству нечистоплотным субъектам, к действиям в духе пресловутого принципа «друзьям – всё, остальным – закон»: *dispensation est vulnus, quod vulnerat jus commune* – изъятие из закона есть вред, ибо оно вредит общему праву (Темнов 1996b: 135).

Вполне закономерно, что в свете непрекращающейся борьбы с коррупцией тема регламентации внеслужебной деятельности судьи основательно развивается в рассматриваемом Кодексе. Наиболее подробно она раскрывается в ст. 6, которая регламентирует взаимоотношения судьи с различными категориями граждан: «Судья должен... избегать всего, что могло бы умалить авторитет судебной власти и причинить ущерб репутации судьи», «судья не должен использовать свой статус в целях получения каких-либо благ, услуг, коммерческой или иной выгоды для себя, своих родственников, друзей, знакомых...», «судья не должен совершать каких-либо действий либо давать повод другим лицам совершать такие действия, которые позволяли бы сделать вывод об оказании влияния на осуществление судьей его полномочий и усомниться в независимости и беспристрастности судьи» (Кодекс судейской этики, 2012: ст. 6, п. 1, 3, 5). С этой темой тесно связаны и ст. 19 Кодекса, запрещающая судьям заниматься предпринимательской деятельностью (п. 1), и ст. 20, определяющая порядок вознаграждения, получаемого судьей в связи с осуществлением внесудебной деятельности. Очевидно, что чем шире масштаб вовлечения индивида в занятия, не связанные непосредственно с исполнением профессиональных судейских обязанностей, тем сложнее ему действовать независимо, объективно и беспристрастно и тем вероятнее соблазны и «тайных даров», и «общения с дурными людьми», и «изъятия из закона», и многого другого, о чем некогда писали классики римской юриспруденции.

Важным обстоятельством, которое роднит Кодекс судейской этики с нормами римских юристов, на наш взгляд, является осознание ограниченности имеющегося в данный момент свода законов, необходимости его постоянного совершенствования, а также признание того, что в любом случае нельзя охватить все могущие стать предметом судебного разбирательства казусы. Отсюда – апелляция при вынесении приговора к иным источникам, нежели официально оформленные и текстуально закрепленные нормы. У древних римлян это обычно принимало форму фиксации несовпадения требований, которые буквально диктуют *jus* (право) и *lex* (закон), с естественной справедливостью – *aequitas naturalis* или просто *aequitas*. «*Licet hoc jure contingat, tamen aequitas dictat...*» («хотя это и по праву, однако справедливость требует...»), – делает многозначительную оговорку Ульпи-

ан (цит. по: Бартошек 1989: 380). «*Naec aequitas suggerit, etsi jure deficiamus*» («это желательно по справедливости, хотя (четкое) правовое предписание и отсутствует»), «*in omnibus, maxime tamen in jure aequitas spectanda est*» («во всех делах, особенно же в праве, нужно помнить о справедливости»), – вторит ему Павел (цит. по: Бартошек 1989: 380). Явно в укор многим тогдашним и будущим жрецам Фемиды Павел также прозрачно намекает на особ, которые стремятся подмять закон под себя, использовать его для решения своих личных проблем: «*Ne cui dolus suus, per occasionem juris civilis, contra naturalem aequitatem prosit*» («злой умысел никому не должен пойти на пользу под предлогом права, вопреки естественной справедливости») (цит. по: Бартошек 1989: 392). Не остается в стороне от этой темы и Марцелл, указывая, что «*ubi aequitas evidence poscit, subveniendum est*» («там, где этого явно требует справедливость, нужно помочь») (цит. по: Бартошек 1989: 380), и возлагая основную ответственность за данную помощь в первую очередь на тех, кто облечен властью закона.

Общий принцип, которым призван руководствоваться юрист-практик в случае возникновения правовых коллизий, мы встречаем у Ульпиана: «*In omnibus aequitas naturalis praeferenda est rigori juris*» («во всех делах естественная справедливость предпочтительнее строгости права») (цит. по: Бартошек 1989: 380). Данную идею о безусловном приоритете общечеловеческого над корпоративным, естественного над искусственным, сути над формой следует считать одним из важнейших достижений римской юридической мысли.

В Кодексе проблема этического выбора, который должен сделать российский судья, оказавшийся в трудной, нестандартной, неоднозначной ситуации, причем сделать так, чтобы не поступиться высокими принципами гуманности и справедливости, рассматривается в разных аспектах. В частности, указывается на неполноту, несовершенство, ограниченность самого этого Кодекса: «В тех случаях, когда какие-либо вопросы судейской этики не урегулированы Кодексом судейской этики, судья должен следовать общепринятым принципам нравственно-этического поведения в обществе, а также международным стандартам в сфере правосудия и поведения судей» (Кодекс судейской этики, 2012: ст. 2, п. 3). Строго говоря, это означает, что в тех случаях, когда точного и недвусмысленного ответа в тексте Кодекса судья не обнаруживает, ему остается руководствоваться своей совестью и собственными представлениями о должном, правильном и справедливом – хотя бы потому, что «общепринятые принципы нравственно-этического поведения в обществе» и «международные стандарты в сфере правосудия и поведения судей» суть слишком расплывчатые, многозначные и противоречивые концепты, которые в лучшем случае могут предложить лишь несколько альтернативных вариантов решения нравственной дилеммы. Последнее слово остается за собственным я судьи, на которого ложится и вся ответственность за избранное решение.

Есть в Кодексе и другой вариант выхода из этически проблемной ситуации. За судьей, «испытывающим затруднения в определении того, будет ли его поведение в конкретной ситуации отправления правосудия либо во

внесудебной деятельности соответствовать требованиям профессиональной этики и статусу судьи», закрепляется право «обратиться с соответствующим запросом в Комиссию Совета Судей Российской Федерации по этике за разъяснением, в котором ему не может быть отказано» (Кодекс судейской этики, 2012: ст. 2, п. 5). Но это, разумеется, следует рассматривать как крайний случай – хотя бы потому, что штат российских судей составляет порядка 30 тыс. человек (на 2020 г. – 25 443 судьи судов общей юрисдикции плюс 4493 судьи арбитражных судов (см.: Стулов 2019), и федеральная комиссия по судейской этике просто физически не в состоянии разбираться в моральных проблемах каждого отдельно взятого судьи. Обязанность, равно как и право, находить баланс между буквой и духом закона, между справедливостью формально законной и справедливостью естественной, общечеловеческой остается прерогативой того индивида, которого государство и общество наделили соответствующими полномочиями.

Касаясь вопроса о праве судьи действовать нешаблонным, неординарным способом в тех случаях, когда невозможно привлечь к ответственности согласно букве закона заведомо порочных и тем более безусловно совершивших (по мнению судьи) противоправные действия субъектов, нельзя не вспомнить ст. 13 Кодекса – «Взаимодействие со средствами массовой информации». Функция судьи здесь не только «объективное, достоверное и оперативное информирование общества о деятельности суда» (ст. 13, п. 1) в рамках установления обратной связи между правоохранительной системой и общественным мнением. Честный, нелицеприятный рассказ судьи о тех трудностях, с которыми ему довелось столкнуться при разборе конкретного кейса, особенно когда речь идет о делах резонансных, серьезно помогает и «формированию правосознания граждан», и «укреплению доверия к суду», и «повышению авторитета правосудия» (ст. 13, п. 2). Выяснение причин, которые позволили кому-то ловко ускользнуть от карающей длани закона, посредством вынесения их на публичное обсуждение – как в профессионально-юридической среде, так и за ее пределами – является и желательным, и необходимым, поскольку «судья вправе давать пояснения либо комментариев к принятому им решению, высказывать мнение о сложившейся практике применения норм материального и/или процессуального права» (ст. 13, п. 4). Открытая дискуссия, которая почти наверняка развернется по поводу обозначенной в данном непростом случае проблемы, так или иначе поможет определить пути выхода из аналогичных ситуаций в будущем.

Ориентиром и в то же время ограничителем для современного *judex bonus* остается максима *ampliare justitiam* – принимать решения, содействующие развитию правосудия. И самокритика, и критика индивидом чужих судебных решений и процессуальных действий должны быть таковы, чтобы не происходило тотальной дискредитации существующей правовой системы в глазах общественности и чтобы в социуме не распространялся дух анархического беспредела. Отсюда и озабоченность риском формирования в средствах массовой информации искаженного представления о работе судов и судей, и право судьи на личное обращение в правоохранительные органы с целью защиты чести и достоинства (равно как и в средства массовой информации –

для публичного ответа на критику) (ст. 13, п. 5), и четкая рекомендация судьям проявлять сдержанность и осмотрительность в ответах на публичную критику (ст. 13, п. 6). Высшая цель – совершенствование и оптимизация работы всей правоохранительной системы – должна оправдывать те средства, которые используют судьи как при вынесении отдельных решений или приговоров, так и при оценке действий, мотивов и рефлексий своих коллег.

В свете того, что утвержденный в декабре 2012 г. Кодекс (как и его предшественники – Кодекс образца 2004 г. и еще более ранний Кодекс чести судьи РФ 1993 г.) ни в коем случае не претендует на то, чтобы служить полным, окончательным и неизменным сводом этических норм российского судьи, будет небезынтересной попытка наметить возможные пути его дальнейшего обновления. И здесь нам также могут помочь классические формулы, особенно те из них, которые пока что не фигурируют (или представлены не слишком очевидно) в тексте ныне действующего Кодекса.

Светилами римского права немало говорилось о том, что нельзя подпускать к осуществлению судейских обязанностей нечистоплотных (и не столько в физическом, сколько в моральном плане) людей. Вспомним, к примеру, максимум: *impuris minibus nemo accedat curiam* – пусть никто не приближается к суду с нечистыми руками (Темнов 1996b: 196). И, пожалуй, самым явным и недвусмысленным внешним индикатором этой нечистоплотности, внутренней поврежденности индивида выступает его лживость: *fraus et jus nunquam cohabitant* – обман и правосудие никогда не уживаются (Барсов 2003: 135). Думается, что включение в Кодекс (например, в ст. 9 «Принцип объективности и беспристрастности» или в ст. 11 «Компетентность и добросовестность судьи») ясного указания на то, что преднамеренное искажение фактов несовместимо с отправлением правосудия и что судья, публично уличенный во лжи (по крайней мере, во время участия в конкретном судебном разбирательстве), лишается морального права занимать свою должность, заметно оздоровило бы обстановку в судейском корпусе. Пока судьи, пойманные на умышленном дезинформировании и намеренном обмане (участников какого-либо процесса, журналистов, общественности), остаются безнаказанными и продолжают спокойно оставаться на своих местах, трудно надеяться на то, что их коллеги будут воздерживаться от аналогичных действий.

Как на то отмечал Марцелл, *«perspicendum est judicanti, ne quid aut durius aut remissius constitutatur, quam causa deposcit»* («судья должен стараться решать дело не строже и не мягче, чем требует данный случай») (цит. по: Бартошек 1989: 402). Схожую мысль высказывал и Цельс: *«Bonus iudex varie ex personis causisque constituet»* («хороший судья принимает решения по-разному, с учетом особенностей дела и участвующих в нем лиц») (цит. по: Бартошек 1989: 402). Очевидно, что речь здесь идет о взвешенности, сбалансированности, оптимальности выносимых судьей решений, о его способности мыслить гибко, максимально учитывая конкретные обстоятельства. Экспликация в Кодексе данных понятий (близких по смыслу, как нам представляется, содержанию ст. 11) послужила бы хорошим стимулом для освобождения мышления судей от шаблонов и стереотипов, от формализма и весьма распространенного и соблазнительного стремления укрыться за

буквой закона, от нежелания вникнуть в специфику, понять уникальность каждого рассматриваемого дела.

Boni iudicis est litis dirimere; et interest reipublicae ut sint fines litium – хороший судья доводит дело до конца; и в том интерес государства, чтобы дело доводилось до конца (Никифоров 1979: 28), кроме того, *interest reipublicae ne maleficia remaneant impunita* – в интересах государства, чтобы преступники не оставались безнаказанными (Темнов 1996b: 220). Иными словами, правосудие не должно останавливаться на полпути, и в определенных случаях судья должен быть наделен моральным правом на самые энергичные действия, и в том числе на действия, выходящие за рамки его непосредственных служебных обязанностей. Безусловно, в этой ситуации судья вправе рассчитывать на моральную поддержку коллег по профессиональному цеху. Десятая статья Кодекса («Принцип равенства»), в которой говорится об «обеспечении равного отношения ко всем лицам, участвующим в деле», как раз и могла бы служить необходимым форматом для внесения соответствующей этической нормы.

Наконец, как полагали римские юристы, *receditur a placitis juris potius quam injurae et delicta maneat impunita* – лучше отойти от установленных законов, чем допустить, чтобы правонарушения и преступления оставались безнаказанными (Никифоров 1979: 225), а там, где рутинные юридические процедуры оказываются бессильными против зла, нужно проявить находчивость и смекалку, действуя креативно и нестандартно: *ubi cessat remedium ordinarium ibi decurritur ad extraordinarium* – когда обычный способ защиты права бесполезен, используется необычный способ (Темнов 1996b: 383). Определить, в чем конкретно будет заключаться этот «экстраординарный способ» и как именно он будет использован, – и суверенное право лица, наделенного необходимыми полномочиями, и его безусловная обязанность. Но в любом случае индивид, идущий на такие достаточно рискованные и чреватые малопредсказуемыми последствиями действия, должен быть уверен, что его усилия встретят понимание, одобрение и поддержку в судебном сообществе. Поэтому официальное закрепление за судьей такого права (пусть не в позитивном Законе РФ «О статусе судей Российской Федерации», а хотя бы в этическом Кодексе), без сомнения, добавит смелости, убежденности и активности тем, кто непосредственно столкнулся с недостатками, несовершенством и ограниченностью существующей правоохранительной системы.

Итак, анализ дошедших до нас в письменных памятниках античной эпохи юридических суждений и максим обнаруживает, что проблемы, связанные с оптимизацией судейской работы, с профилактикой и преодолением коррупции, с которой нередко сопряжено выполнение этой ключевой социально-правовой роли, издавна находились в поле зрения наиболее авторитетных правоведов. Корифеи римской юридической мысли в своей критике старались не ограничиваться абстрактным морализаторством, но стремились прежде всего сформулировать такие нравственные и поведенческие правила, благодаря соблюдению которых на судейской должности оказывались бы не равнодушные марионетки и не порочные личности, а

bonum iudices – сознательные, убежденные, ответственные и в то же время широко, свободно и креативно мыслящие слуги закона.

Весьма современное звучание многих латинских максим, известных уже две тысячи лет, говорит как о невероятной живучести зафиксированных в них моральных дефектов, так и о необходимости постоянной и беспощадной борьбы с ними. Можно с уверенностью утверждать, что работа над дальнейшим совершенствованием официальных юридических документов, подобных рассмотренному здесь Кодексу судейской этики, и дальше будет вестись с учетом того идейно-теоретического и нормативно-практического потенциала, который оставило нам в наследство римское право.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бабичев Н.Т., Боровский Я.М. 1997. Словарь латинских крылатых слов. Москва : Терра. 960 с.

Барсов С.Б. (сост.). 2003. Вечные истины на вечной латыни. De verbo in verbum : Латинские изречения / сост. С.Б. Барсов. Москва : Центрполиграф. 448 с.

Бартошек М. 1989. Римское право: Понятия, термины, определения. Москва : Юрид. лит. 448 с.

Васечко В.Ю. 2019. Латинские юридические максимы как элементы правосознания и как форма нравственной оценки работы правоохранительной системы // Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции : сб. тр. по итогам Третьей Всерос. науч. конф. с междунар. участием / отв. ред. В.Н. Руденко. Екатеринбург. С. 332–348. DOI 10.17506/articles.anticorruption.2018.332348

Кобликов А.С. 2012. Юридическая этика : учебник. Москва : Норма : Инфра-М. 176 с.

Корсаков К.В. 2008. Нравственность и право – сообщающиеся средства общественного упорядочивания и очерчивания поведенческих границ // Вестник Уральского института экономики, управления и права. № 2. С. 27–31.

Костогрызов П.И. 2019. Общинное право // Антиномии. Т. 19, № 2. С. 67–86. DOI 10.17506/aip.2019.19.2.6786

Никифоров Б.С. (сост.). 1979. Латинская юридическая фразеология / сост. Б.С. Никифоров. Москва : Юрид. лит. 264 с.

Сенека Л.А. 1986. Нравственные письма к Луцилию / пер., послесл. и примеч. С.А. Ошерова. Кемерово : Кн. изд-во. 464 с.

Стулов О. 2019. Определена «цена» судебной системы России, 26.09.2019. URL: <https://legal.report/opredelena-cena-sudebnoj-sistemy-rossii/> (дата обращения: 16.06.2021).

Темнов Е.И. (сост.). 1996b. Латинские юридические изречения. Москва : Юристъ. 400 с.

Темнов Е.И. 1996a. Звучащая юриспруденция // Латинские юридические изречения / сост. Е.И. Темнов. Москва : Юристъ. С. 5–62.

Черниловский З.М. 1989. Предисловие // Бартошек М. Римское право: Понятия, термины, определения. Москва : Юрид. лит. С. 5–14.

Закон Российской Федерации от 26.06.1992 № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» (с изм. на 02.08.2019) (ред., действующая с 25.10.2019). URL: <https://base.garant.ru/10103670/> (дата обращения: 16.06.2021).

Кодекс судейской этики от 19.12.2012 г. : Утвержден VIII Всероссийским съездом судей 19.12.2012) (с изм. и доп.). URL: <https://base.garant.ru/70301432/> (дата обращения: 16.06.2021).

References

- Babichev N.T., Borovsky Ya.M. *Dictionary of Latin winged words*, Moscow, Terra, 1997, 960 p. (in Russ.).
- Barsov S.B. (comp.). *Eternal Truths in Eternal Latin. De verbo in verbum: Latin sayings*, Moscow, Tsentrpoligraf, 2003, 448 p. (in Russ.).
- Bartošek M. *Roman law: concepts, terms, definitions*, Moscow, Yuridicheskaya literature, 1989, 448 p. (in Russ.).
- Chernilovskiy Z.M. Preface, *M. Bartoshek, Rimskoe pravo: Ponyatiya, terminy, opredeleniya*, Moscow, Yuridicheskaya literature, 1989, pp. 5-14. (in Russ.).
- Code of Judicial Ethics of 19.12.2012: Approved by the VIII All-Russian Congress of Judges on 19.12.2012 (with amendments and additions)*, available at: <https://base.garant.ru/10103670/> (accessed June 16, 2021). (in Russ.).
- Koblikov A.S. *Legal ethics : Textbook*, Moscow, Norma, Infra-M, 2012, 176 p. (in Russ.).
- Korsakov K.V. Morality and Law – Communicating Means of Public Organizing and Outlining Behavioral Boundaries, *Vestnik Ural'skogo instituta ekonomiki, upravleniya i prava*, 2008, no. 2, pp. 27-31. (in Russ.).
- Kostogryzov P. Community Law, *Antinomies*, 2019, vol. 19, no. 2, pp. 67-86. DOI 10.17506/aipl.2019.19.2.6786 (in Russ.).
- Nikiforov B.S. (comp.). *Latin legal phraseology*, Moscow, Yuridicheskaya literature, 1979, 264 p. (in Russ.).
- Seneca L.A. *Moral Letters to Lucilius*, Kemerovo, Knizhnoe izdatel'stvo, 464 p. (in Russ.).
- Stulov O. *The “price” of the judicial system of Russia is determined*, 26.09.2019, available at: <https://legal.report/opredelena-cena-sudebnoj-sistemy-rossii/> (accessed June 16, 2021). (in Russ.).
- Temnov E.I. (comp.). *Latin legal sayings*, Moscow, Yurist", 1996, 400 p. (in Russ.).
- Temnov E.I. Sounding jurisprudence, *E.I. Temnov (comp.) Latinskie yuridicheskie izrecheniya*, Moscow, Yurist", 1996, pp. 5-62. (in Russ.).
- The Law of the Russian Federation of 26.06.1992 No. 3132-1 “On the Status of Judges in the Russian Federation” (as amended on 02.08.2019) (ed., effective from 25.10.2019)*, available at: <https://base.garant.ru/10103670/> (accessed June 16, 2021). (in Russ.).
- Vasechko V.Yu. Latin Judicial Maxims as Elements of Legal Consciousness and a Form of Moral Evaluation of Enforcement System, *V.N. Rudenko (ed.) Aktual'nye problemy nauchnogo obespecheniya gosudarstvennoy politiki Rossiyskoy Federatsii v oblasti protivodeystviya korrupsii: sb. tr. po itogam Tret'ey Vseros. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem*, Yekaterinburg, 2019, pp. 332-348. DOI 10.17506/articles.anticorruption.2018.332348 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Вячеслав Юрьевич Васечко

доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения РАН, г. Екатеринбург, Россия;
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-1808-4404>;
ResearcherID: K-2505-2018;
SPIN-код: 3610-5534;
E-mail: vyacheslavpetro@narod.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vyacheslav Yu. Vasechko

Doctor of Philosophy, Associate Professor, Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia;
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-1808-4404>;
ResearcherID: K-2505-2018;
SPIN-код: 3610-5534;
E-mail: vyacheslavpetro@narod.ru

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА POLITICAL SCIENCE



Марей М.Д. О власти государства и свободе подданных: политические проекты неославянофилов. DOI 10.17506/26867206_2022_22_2_21 // Антиномии. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 21–39.

УДК 321.01

DOI 10.17506/26867206_2022_22_2_21

О власти государства и свободе подданных: политические проекты неославянофилов

Мария Дмитриевна Марей

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»,

г. Москва, Россия

E-mail: mdyurlova@hse.ru

*Поступила в редакцию 21.01.2022, поступила после рецензирования 15.05.2022,
принята к публикации 25.05.2022*

В статье осуществляется анализ концепций государственного устройства, которые разрабатывали представители неославянофильства. Автор показывает, что в проектах неославянофилов можно найти предложения по реорганизации государственного управления как на самых низших, так и на высших уровнях. В статье рассматривается тема гражданских и политических свобод подданных в позднеславянофильских проектах и то, как возможность политических свобод в данных проектах соотносилась с самодержавной властью и целью существования государства. С точки зрения автора, вследствие слабой изученности социально-политических взглядов неославянофилов существует большой пробел не только в исследовании славянофильства как такового, но и того, как выстраивалась логика коммуникации при обсуждении общественных проблем. Данное исследование, являющееся



© Марей М.Д., 2022

попыткой теоретической систематизации взглядов позднего славянофильства, представляет собой часть большой работы, которую необходимо проделать в этом направлении.

Ключевые слова: неославянофильство, позднее славянофильство, государство, республиканизм, общество, свобода, политическая жизнь

On the Power of State and Freedom of Citizens: Neo-Slavophiles' Political Projects

Maria D. Marey

National Research University Higher School of Economics,

Moscow, Russia

E-mail: mdyurlova@hse.ru

Received 21.01.2022, revised 15.05.2022, accepted 25.05.2022

Abstract. The article analyzes the concepts of the state structure developed by the representatives of neo-Slavophilism. The author stresses that in neo-Slavophiles' projects, it is possible to find proposals for the reorganization of the public administration both at the lowest and highest levels. She discusses the subjects' civil and political freedoms in late Slavophilic projects and the correlation of these freedoms with autocratic power and the State's goals. Moreover, the author underlines a significant gap in Slavophilism studies especially in how the logic of communication was built when discussing social problems. Such a gap can be explained by the lack of studies of neo-Slavophiles' socio-political views. This article attempts to construct a theoretical systematization of the late Slavophilism's views; at the same time, it is part of extensive work that needs to be done in this field.

Keywords: neo-Slavophilism; late Slavophilism; state; society; liberty; political life; republicanism

For citation: Marey M.D. On the Power of State and Freedom of Citizens: Neo-Slavophiles' Political Projects, *Antinomies*, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 21-39. (in Russ.). DOI 10.17506/26867206_2022_22_2_21.

Приступая к исследованию политических проектов представителей так называемого неославянофильства (или позднего славянофильства), необходимо хотя бы кратко прояснить, что мы понимаем под неославянофильством, а также уточнить, каких общественных деятелей России последней трети XIX в. мы относим к неославянофилам.

В современной науке «неославянофильство» и «позднее славянофильство» являются достаточно условными и не вполне устоявшимися терминами, которые часто используются для обозначения целого ряда разнородных направлений общественной мысли, начиная с историософии Н.Я. Данилевского и заканчивая идеями правомонархических политических организаций начала XX в. И в этом их судьба сходна с судьбой термина «славянофильство». Один из видных исследователей славянофильства Н.И. Цимбаев писал, что после 1861 г. происходит фактическое распадение славянофильского кружка, сопровождающееся идейным кризисом славянофильства и

растворением его в общем потоке либерального движения (см.: Цимбаев 1986: 89). По его мнению, важно отделять тех, кого традиционно причисляют к славянофилам, от тех, кто ими на самом деле является, – после 1870 г. те, кто так называли себя, были, по сути, не истинными славянофилами, а лишь эпигонами.

Термин «позднее славянофильство» до сих пор часто используется для того, чтобы особо подчеркнуть, что период конца 70–90-х гг. XIX в. является временем угасания и постепенной маргинализации славянофильства¹.

Однако не все исследователи с этим согласны². В частности, в нашей статье мы рассматриваем позднее славянофильство как одно из общественно-политических течений конца XIX – начала XX в. Термины «неославянофильство» и «позднее славянофильство» используются нами как синонимы. Ими обозначаются описательные понятия, характеризующие идеи следующих персоналий: Александра Алексеевича Киреева, Дмитрия Николаевича Шипова, Дмитрия Алексеевича Хомякова, Федора Дмитриевича Самарина и Сергея Федоровича Шарапова. По словам К.А. Соловьёва, который в своих работах часто обращается к исследованию славянофильства, «анализируя их (славянофилов. – М.М.) интеллектуальные построения, следует иметь в виду, что речь идет не о партийной идеологии, предполагающей общий консенсус и безусловную монолитность. Идеи программы славянофилов этого времени нельзя свести воедино, игнорируя их очевидные интеллектуальные особенности. Каждая из них предлагает особый путь адаптации славянофильских идей к условиям модернизационных процессов начала XX века» (Соловьёв 2010: 10). Неославянофильство – это приспособление идей «отцов-основателей» славянофильства к изменившимся условиям при сохранении верности истокам, то есть триаде «православие, самодержавие, народность». На протяжении XIX в. происходило становление славянофильства как теории. Русское общество менялось, менялась внешняя и внутренняя политика, а значит, идеям, лежащим в основе славянофильства, была необходима конкретизация в соответствии с требованиями времени. Проекты неославянофилов, о которых пойдет речь в статье, стали попытками такой конкретизации.

Проекты политических преобразований, которые развивались неославянофилами в их общественной и политической деятельности, во многом противоречивы и не всегда согласуются между собой. Однако эти противоречия обусловлены не столько тем, что неославянофилы не видели логических нестыковок своих теорий, сколько тем, что перед ними стояли разные теоретические и практические задачи. Многое из того, о чем писали поздние славянофилы, не вписывалось ни в существующую политическую систему, ни в те проекты реформ, которые планировались

¹ См., напр., обзор работ, посвященных позднему славянофильству: (Сергеев 2009а; Сергеев 2009b). В числе прочего С.М. Сергеев отмечает, что исследователям приходится доказывать само существование славянофилов в 1880–1890-х гг.

² Подробнее об этом см., напр.: (Дудзинская 1983; Панова 1998; Золотарёв 2004; Шелохаев 1999).

властями и осуществления которых требовали сторонники либеральных преобразований. Поэтому одной из задач настоящего исследования станет выявление общих для поздних славянофилов идейно-политических и правовых оснований.

* * *

Для лучшего понимания того, как неославянофилы мыслили государство и государственную власть, необходимо учитывать, что для них сама ценность государства определялась значимостью идей, лежащих в его основании: «Соответственно, правовые формы должны способствовать реализации этих идей, сами по себе они имеют вторичное значение, и введение того или иного правового механизма не станет однозначным решением стоящих перед страной проблем» (Соловьёв 2009: 66). Это утверждение в той или иной мере справедливо для всех представителей позднего славянофильства и во многом определяет их отношение к самодержавной монархии.

Политическая доктрина **Александра Алексеевича Киреева** (1833–1910) – генерала от кавалерии, общественного деятеля, публициста, адъютанта великого князя Константина Николаевича – представляла собой учение о таком общественном устройстве России, которое предполагало также особый государственный порядок. В работе «Краткое изложение славянофильского учения» (1896) А.А. Киреев задавался вопросом: «В чем заключаются идеалы, которым служило и будет служить Славянское Общество? Какие это идеалы? Это те же самые, перед которыми преклоняется и русский народ: *Православие*, понимаемое как сумма его этических взглядов, *Самодержавие* как выражение его взглядов политических, – и то и другое неразрывно и органически связанное с русскою *Народностью*, которая служит им сферой действия, и которой *они* служат высочайшим выражением!» (Киреев 2012а: 30). «В самодержавии... – писал он далее, – мы видим ту силу, которая собрала раздробленную Россию. <...> Мы не только не желаем в каком бы то ни было направлении умаления самодержавной власти, не желаем никакого ограничения ее прав конституционными учреждениями, – напротив, мы желали бы ее усиления, и именно в отношении ее способности узнавать действительные нужды и желания народа; мы верим, что для сего ей следует быть в постоянном реальном общении с “землей”, с народом. Однако если бы при известных обстоятельствах самодержавная власть сочла уместным достоверно узнать мысль народа, посоветоваться с ним, как то бывало не раз на Земских Соборах, мы, славянофилы, желали бы, чтобы самодержавная власть не поступалась при этом своими правами в пользу каких бы то ни было сословий или партий» (Киреев 2012а: 31).

По сути, это квинтэссенция его политико-правовых взглядов, которая, однако, требует разъяснения.

По мнению Киреева, наилучшая для России форма управления – это самодержавие. Под самодержавием он понимал полную, совершенно независимую от давления извне, единую и нераздельную верховную власть. Он

выделял три вида самодержавия: «...1) самодержавие типа бюрократического (der Polizeistaat¹) с формулой “L’Etat – c’est moi”²; 2) самодержавие типа славянофильского с формулой “много умов и одна воля”; 3) самодержавие типа западного с формулой “много умов и много волей” (современный парламентаризм разных видов и степеней)» (Киреев 2012а: 49). При этом парламентаризм, парламентскую монархию Киреев считал чуждой для России системой устройства власти, и ее критике отведено немало места в его работах.

Однако Киреев не только критиковал современную ему систему государственного управления, но и имел некую позитивную политическую программу. Он писал, что в истории Российского государства нет такой характерной черты западной истории, как завоевание власти и борьба за нее: «Наши Государи нас не завоевывали, они были нами избираемы и утверждаемы добровольно; для установления и утверждения своего авторитета они не имели нужды становиться к народу во враждебные отношения. Поэтому у нас не было и повода к тем постоянным распрям и революциям из-за власти (сначала между государем и феодалами, а затем и между сословиями), которые служат характерной чертой западной истории» (Киреев 2012а: 64). Следовательно, самодержавная монархия в России имеет прочные основания. Рекомендациям по их укреплению были посвящены поздние работы Киреева.

Русский народ, по мнению А.А. Киреева, отказался от политического бремени в пользу самодержавной монархии. Участие в политической жизни – это не то, что нужно народу, политика для него не самоцель, а только средство, и «политическое состояние» – не последнее состояние, которого достигает общество, последнее – это союз государства и церкви. Итак, Россия – это церковь в государственной оболочке, и именно церковь выступает носителем тех самых идеалов, которые являются основой и законов, и всей системы государственного управления. «Самодержавие терпимо и благотворно (лучшая форма правления), – писал Киреев в дневнике, – когда оно соединено с Церковью (органически)... <...> Царю – власть, народу – мнение, но и то и другое под влиянием Церкви, носительницы религиозной истины и несокрушимых вечных идеалов» (цит. по: Сергеев 2009а). Считая правовой порядок формой «узаконенного эгоизма», Киреев писал, что ему нужно противопоставить христианское начало, проводя его в общественную жизнь. Церковь – носитель воли Божией, высших этических идеалов. Правительство легитимно, а его действия законны, если власть является «носителем нравственного прогресса». Таким образом, по мнению А.А. Киреева, власть государя основана не на правовых установлениях, а на этико-религиозных нормах, признаваемых всем обществом.

На Западе же и в политике все «основано на борьбе», является ее результатом. Власть завоевывается и теряется, и то, что на Западе называется парламентаризмом, – это только «перемирие между врагами» (Киреев

¹Полицейское государство (нем.).

²"Государство - это я" (фр.).

2012с: 226). Киреев считал, что для России такой путь губителен, однако, даже следовало по нему некоторое время (с периода установления бюрократического государства), Россия может вернуться на верный путь, перейти к славянофильскому типу государства. «Мы переживаем историческую минуту; мы пришли к распытию; мы должны избрать тот или другой путь – или опрокинуться в конституцию, в правовой порядок и погибнуть, перестать быть великой, святой Русью, или “вернуться домой”» (Киреев 2012b: 393). Под этим «возвращением домой» имелась в виду самодержавная монархия с совещательным органом в виде Земского собора.

Само существование самодержавной монархии в концепции Киреева оправдывалось целью, лежащей в ее основании, – стремлением воплотить в жизнь нравственные принципы русского православия. Монархия не должна быть ограничена законом, а только церковью и представлениями монарха о народном благе (которые он корректирует в ходе совещания с Земским собором). Необходимо отметить, что такое понимание Киреевым интересов народа, его заключение об отсутствии в России борьбы и противоречий между сословиями соответствовали скорее его идеальному представлению о слиянии народа и монарха в единую православную симфонию, чем реальному положению дел, а также основывались на славянофильских идеалах «юридически бесформенного» государства, в котором нравственные начала ставятся выше права и закона.

Народ позиционируется Киреевым как важный элемент общественной жизни, как «совещательный ум», который, однако, не участвует в государственном управлении. Здесь Киреев повторяет славянофильский тезис о так называемой аполитичности русского народа. В его концепции фокус внимания смещается с общества как самостоятельной ценности на религиозно-нравственные идеалы, носителем которых выступает народ. Киреев пишет, что для русского народа государственные дела не представляют особенного интереса, а действия правительства волнуют народ только в том случае, когда касаются его духовных интересов, его веры.

Однако это не означает, что народ остается безразличным к действиям правительства, он хочет, чтобы его желания были услышаны, чтобы его интересы учитывались. «Русскому народу нужно правительство сильное и зрячее, при котором он бы мог свободно стремиться к самоусовершенствованию, к развитию своих этических, эстетических и научных сил, не тратя их на политиканство (посвятить себя политике значило бы, по мнению нашего народа, *принять средство за цель*)» (Киреев 2012с: 236). При этом Киреев подчеркивает, что славянофилы не навязывают свое видение истории другим народам и народностям. Подлинный, «правильный» национализм, по его мнению, состоит в признании за каждой народностью, достигшей стадии политического самосознания и проявившей способность к самостоятельному существованию, права на самостоятельность.

Учреждение Земского собора, законосовещательного органа, – один из ключевых пунктов проекта Киреева. В Земском соборе генерал видит наиболее эффективный инструмент постоянного совещания монарха со своими подданными. В соответствии с исторически сложившейся органи-

зацией русского общества этот орган должен быть сословным. Напомним, что власть государя, по мнению Киреева, основана не на правовых установлениях, а на этико-религиозных нормах, признаваемых всем обществом. Для того чтобы «быть в курсе» этих норм, знать желания и чаяния народа, монарху необходимо постоянно советоваться с подданными, и эти совещания должны иметь форму земских соборов. Следует отметить, что Киреев противопоставляет Земский собор одновременно и тирании абсолютизма, и засилью бюрократии. На Земский собор нет необходимости созывать всех подданных, достаточно только представителей сословий, выразителей их мнений и идей.

В Земский собор должны входить представители крестьянства, духовенства, дворянства, они не должны быть назначаемы (иначе к ним не будет доверия), им гарантируется свобода выражения мнения при обсуждении любых вопросов, причем результаты обсуждения подлежат обязательному опубликованию. Вместе с тем Киреев неоднократно подчеркивал, что Земский собор – это способ, необходимый монарху, чтобы узнать мнение народа, посоветоваться с ним при необходимости, но не более того – в основе данного законосовещательного органа лежит формула «много умов и одна воля». У Земского собора нет ничего общего с западноевропейским парламентом, поскольку он не имеет власти, а обладает только совещательным голосом. Казалось бы, при таких условиях значение и влияние Земского собора должны быть минимальными. Однако, по мнению Киреева, самодержавие в России изначально основывалось не на насилии, а на общественном консенсусе, власть всегда стремилась к диалогу с народом, и именно для этих целей в XVI в. стали созываться земские соборы.

А.А. Киреев видел в общественном мнении инструмент диалога общества с властью и, при всех оговорках, полагал, что общество все-таки имеет право контролировать правительство и влиять на политический процесс.

* * *

Взгляды на государственное устройство другого представителя позднего славянофильства, **Дмитрия Николаевича Шипова** (1851–1920) – одного из лидеров земского движения, общественного деятеля, гласного Волоколамского уездного и Московского губернского земств, председателя Московской губернской земской управы, мы проанализируем, пояснив его понимание термина «самодержавие», а также значения самодержавной монархии и местного самоуправления для гармоничного развития отечественной государственности. Кроме того, необходимо особо остановиться на его понимании должного процесса политических преобразований как эволюции. Д.Н. Шипов считал, что каждый участник данного процесса должен со своей стороны приложить максимум усилий для разрешения возникающих конфликтов. Политическая борьба, с точки зрения Шипова, не является целью и нормой политической жизни. Пользуясь терминологией Карла Шмитта (см.: Шмитт 2000: 53–54), можно сказать, что Д.Н. Шипов настаивал на деполитизации и нейтрализации внутригосударственной жизни.

Кроме того, принципиально важной для него являлась логика политического процесса: осуществление властью заявленных преобразований, последовательное воплощение в жизнь провозглашенных идей. Реакцию, контрреформы, противоречие слов и дел в государственном управлении Шипов считал гораздо большей бедой, чем радикальные преобразования, в первую очередь потому, что подобная политика подрывает авторитет власти, лишает ее доверия со стороны общества (см.: Шипов 2007: 346). Поэтому он считал для себя правильным поддерживать проводимые реформы, если они были последовательными и содействовали государственному развитию и свободе, даже если не разделял идеи, которые лежали в их основе.

Шипову также была близка формула «самоуправляющаяся местно земля с самодержавным царем во главе». По его мысли, в основе русского самодержавия лежала идея моральной солидарности государя и народа, при этом самодержавие никогда не отождествлялось с абсолютизмом (см.: Шипов 2007: 171), а самодержавная власть вполне отвечала «жизнепониманию русского народа» (Шипов 2007: 198). Шипов считал, что общее благо более достижимо при самодержавии, чем при парламентском государственном устройстве, поскольку предполагал более вероятным наличие нравственного начала, чувства долга и представления о благе государства в самодержавии, чем в случайным образом выбранных представителях общества, которые будут заботиться в первую очередь о собственных интересах, а не об общем деле.

Важным идейным содержанием концепта «самодержавие» для Шипова было взаимное доверие и единение самодержавца и народа, которое в прошлом находило выражение в земских соборах. Опора на народ, сближение с народом могли и в настоящее время помочь царю укрепить пошатнувшийся авторитет власти. Задачу государственной власти Шипов видел в организации такого сближения, при этом он указывал, что обсуждение этого сближения должно осуществляться не только властью и бюрократией, а проходить при участии общества.

В основе государства, по мнению Шипова, лежат принципы права и власти. Их наличие также объясняется христианским пониманием несовершенства человека, который, с одной стороны, наделен свободной волей, а с другой – недостаточно развит в нравственном отношении, чтобы обойтись без государственного принуждения. Исходя из этого, право понимается Шиповым как «устанавливаемые государством правовые нормы», которые «имеют целью ограничить общество от посягательств со стороны злой воли людей» (Шипов 2007: 167). При этом содержание правовых норм признается исторически обусловленным, не имеющим абсолютного значения и меняющимся во времени и в зависимости от экономических, политических условий и нравственного состояния общества, а само право – временным феноменом, юридически выражающим нравственный закон. «Государство, – писал Шипов, – не может не быть учреждением правовым, но право, нормирующее жизнь государства, всегда должно стремиться к постепенному установлению в государстве высшей правды и справедливости, призывающей всех людей к доброжелательному единению и к проявлению

деятельной любви. Правовое государство должно всегда ставить себе целью создание условий государственной жизни, наиболее соответствующих этическим запросам человечества» (Шипов 2007: 146-147).

Не отвергая право полностью, но признавая за ним только служебную роль, Шипов мыслит в русле славянофильского представления о праве как не имеющем самостоятельной ценности вне нравственного содержания его норм. Однако пока существует государство, его законы должны исполняться и охраняться властью – это нужно и для защиты свободы личности, и для того, чтобы все участники политического процесса знали «правила игры». На наш взгляд, такое понимание права явилось одной из причин того, что Шипов настаивал на реализации принципов, провозглашенных в Манифесте 17 октября 1905 г.: если уж монархом установлены новые правила организации политического процесса, он не может отменить их и сделать вид, что таких правил не было. Подобные поступки подрывают авторитет власти, вносят сумятицу в общество и неизбежно приводят к волнениям, которые могут перерасти в революцию.

Власть как второй принцип, лежащий в основе государства, трактуется Шиповым функционально: «Главнейшая задача государственной власти заключается в охранении установленного в государстве правового порядка, выражающегося в действующем законодательстве, и в ограждении, путем применения принуждения и материальной силы, государственного строя, общественной безопасности и личных прав всех граждан от посягательств злой воли людей» (Шипов 2007: 168). Шипов настаивал на том, что правильное для России общественное устройство зиждется на таком внутреннем устройстве человека, при котором основой его политической деятельности выступает чувство долга, его личная ответственность как члена общества: «Человек по воле Провидения и по свойству своей природы, как материальной, так и духовной, предназначен жить в обществе себе подобных и, состоя членом общества, он должен сознавать свою ответственность в устройении жизни общественной, являющейся плодом коллективного разума и коллективной воли всех людей» (Шипов 2007: 165). Целью каждого участника политической жизни должна стать не реализация частных интересов, а создание общего блага. Только при такой осознанной, проникнутой чувством нравственного долга совместной работе граждан и властей развитие государства станет гармоничным, а из общественной жизни постепенно будет устранено то, что разделяет людей: всевластие бюрократии, классовые интересы и т.п.

При этом Шипов признавал, что принуждение к подобной деятельности может быть только внутренним, право и закон здесь бессильны. Однако в настоящее время человечество, в силу своего несовершенства, не может обойтись без государственного принуждения. Шипов полагал, что в современном мире «государство – необходимое и неизбежное условие общественной жизни, но оно является не самодовлеющей целью своего существования, а должно служить лишь средством, содействующим осуществлению высшей цели всего человеческого бытия» (Шипов 2007: 142). «Государственный строй и установленный в нем правопорядок, – писал

он, – должны исходить из признания равенства людей и обеспечения каждой личности полной свободы в своем духовном развитии и в своих действиях, не причиняющих ущерба и не производящих насилия по отношению к своим ближним в христианском значении этого слова» (Шипов 2007: 142). Таким образом, граждане должны заботиться о благе государства, которое, в свою очередь, должно содействовать (а в некоторых случаях не мешать) их свободному развитию.

Важным элементом этого развития, по мнению Шипова, является право граждан участвовать в местном самоуправлении, а также в принятии решений на более высоком уровне (уровне высших органов власти), если последствия этих решений непосредственно их касаются. По сути, земские учреждения в его представлении – это единая система органов местного самоуправления, которая обладает правом решать все вопросы уездной и губернской жизни.

В основе общественно-политических взглядов Д.Н. Шипова, помимо идеи общего блага, которое должно быть целью и внутригосударственной политики, и политической активности граждан, лежит идея о необходимости обеспечения свободы граждан, их защиты от произвола государства (особенно в лице представителей бюрократии), чему в первую очередь призвана способствовать развитая структура земств, имеющих широкий спектр полномочий.

* * *

По мнению **Дмитрия Алексеевича Хомякова** (1841–1919) – «наследственного славянофила», философа, педагога, церковного и земского деятеля, писателя и публициста, самодержавие (или единодержавие) встречается в истории всех народов «в раннюю их пору», но оно постепенно «ослабевает, расшатывается и заменяется другими усложненными формами государственного строя, по мере того как народы переходят от первобытной жизни к той, в которой материальные интересы богатства, могущества, чистой культуры и т.п. начинают отстранять на второй план интересы, так сказать, “прирожденные”, т.е. веры и быта, на ней основанного» (Хомяков 2011: 155). В России же «знали, что царь и народ едино; и поэтому между головой и членами государства была живая органическая связь, устранявшая всякую мысль о противовесах» (Хомяков 2011: 158).

Петровская реформа, заменившая естественную для России форму самодержавия западным абсолютизмом, привнесла «власть ради власти, автократорство ради самого себя, самодовлеющее» (Хомяков 2011: 159). Этот порок не был свойственен тому типу самодержавия, которое, с точки зрения Хомякова, соразмерно русскому народу, – власти, основанной на православной вере и потому ограничивающей себя представлениями о вселенской правде, о благе и правде.

Д.А. Хомяков считал, что самодержавие есть активное самосознание народа, сконцентрированное в одном лице. Главное достоинство русского самодержавия заключается в личной нравственной ответственности власти.

Вместе с тем, по мысли Хомякова, основная ценность самодержавия не в его собственных достоинствах, а в том, что оно является «симптомом духовного строя народа»: «Самодержавная форма правления возможна только у того народа, который почитает наиценнейшими не могущество, не утонченность политической системы, не принцип “обогащения”, а свободу быта и веры, свободу жизни, для достижения которой государство только орудие, и такое, прилепиться к которому – значит сделать средство целью. Раз же оно сделалось целью, оно, конечно, поработит себе человека и отвлечет его от той свободы, которая дорога человеку неизвращенному и которая есть прирожденная его потребность. Когда народ видит в государстве лишь средство, то, конечно, то, что он государством охраняет, для него важнее и дороже охраняющего. Что же может быть это высшее, что он государственной оградой только охраняет? Конечно – только вера, сохраняемая отвлеченно в душе и выражаемая конкретно в жизни – быт» (Хомяков 2011: 188).

По мнению Хомякова, самодержавие устраняет некоторые дурные стороны и недостатки представительного правления. И хотя Хомяков полагал, что и представительное правление может быть ответственным (этот принцип может быть выражен, к примеру, в ответственном министерстве), однако более подходящей для России ему виделась самодержавная форма правления.

Д.А. Хомякову созвучна мысль А.А. Киреева об аполитичности русского народа. По его мнению, государственные вопросы будут занимать народ больше, чем его быт, «бытовая вера», только если эта «бытовая вера» ослабнет: «Народ, живущий верой и бытом, твердо стоит на принципе Самодержавия, т.е. устранения от политиканства, в котором видит лишь “необходимое (или неизбежное) зло”, которое возлагает, как бремя, на избранное и жертвующее собою для общего блага лицо – Государя, за что и воздает ему и честь, и любовь, соразмерную с величием его царственного подвига, понимая всю оною тяготу, нисколько не умаляемую всеми внешними атрибутами блеска и роскоши, которыми оно облечено, как средоточие земного величия с его земной помпой» (Хомяков 2011: 189).

Таким образом, в идеальной ситуации подлинного самодержавия персона правителя мыслится Хомяковым действующей ради общего блага; власть воспринимается им как бремя и обязанность, а не как привилегия; самодержавная власть не переходит в абсолютизм, а народ воспринимает ее как органическую часть самого себя, как выражение своих нужд и чаяний. В этом случае какие-либо формальные (правовые) ограничения власти признаются излишними – вполне достаточно внутренних нравственных ограничений самого правителя: «...ему не придет никогда в голову мысль об ее (власти. – М. М.) формальном ограничении, пока он не поймет возможности того, что власть может от него отделиться, стать над ним, а не жить в нем. Власть вполне народная – свободна и ограничена в одно и то же время: свободна в исполнении всего, клонящегося к достижению народного блага, “согласно с народным об этом благе понятием”; ограничена же тем, что сама вращается в сфере народных понятий, точно так, как всякий человек

ограничен своею собственною личностью: в нем одновременно соединяются свобода и несвобода» (Хомяков 2011: 189-190).

Власть как бремя является для Хомякова краеугольным камнем христианского самодержавия. По мнению Хомякова, власть священна не как институт, он пишет о священности внутренней сущности самодержавия, его духовной, нравственной составляющей: «Священность власти как института вообще, не имеет отношения к вопросу о значении Самодержавия, как такового. Но Самодержавие священо, так сказать, из себя, и эта его священность как идея возможна лишь там, где и все и каждый видят во всяческой власти лишь бремя, а не вкусили “прелести” ее» (Хомяков 2011: 200).

Истинная самодержавная власть допускает общение с народом в форме земских соборов, однако они, по мнению Хомякова, далеко не всегда могут быть удачным средством решения внутригосударственных проблем, иногда являясь лишь симптомом болезни – слабости власти и оторванности ее от народа.

Одна из основных задач государства – сохранение религиозных основ русского общества. Как и Д.Н. Шипов, Д.А. Хомяков считал, что политические и правовые формы существования государства вторичны по отношению к тем задачам, для решения которых они созданы. Государство для него – это «явление мира сего, во зле лежащего, но не безусловно злое, а, наоборот, условно благое, в меру возможности быть чему-либо благому в среде человеческой... <...> ...православный видит в нем лишь неизбежное явление помутившейся жизни падшего человечества, и как к таковому он относится к нему с той сдержанностью, с которой надо относиться к тому, без чего обойтись нельзя...» (Хомяков 2011: 77-78).

Наилучшей формой государственного правления, которая позволяет православному человеку отрешиться от участия в политической жизни, с точки зрения Хомякова, является самодержавие. Однако Хомяков считал самодержавие оптимальной формой правления отнюдь не для всех стран, а именно для России, и выступал против искусственного навязывания чуждых народу форм политического устройства.

В отличие от других представителей неославянофильства, Дмитрий Алексеевич Хомяков не предлагал конкретных вариантов государственных преобразований и развивал теоретические представления своего отца Алексея Степановича Хомякова (1804–1860). Он выстраивал так называемую метафизику власти, основанную на единстве царя и народа и противостоящую механистическому пониманию государства как аппарата управления. Разрабатывая свою теорию самодержавия и исследуя его историю, Хомяков оставался идейно более близким к старшему поколению славянофилов, чем к своим современникам.

* * *

Федор Дмитриевич Самарин (1858–1916) – общественный, государственный и церковный деятель, публицист, гласный Московского уездного и Московского губернского земств, предводитель дворянства Богородского

уезда Московской губернии, в 1906–1908 гг. член Государственного совета Российской империи – считал, что государство может гармонично развиваться только при условии сохранения исторической преемственности и проведения необходимых преобразований, которые будут органичны историческому развитию и текущему состоянию страны. В письмах А.А. Кирееву Самарин писал, что теория разделения властей не кажется ему применимой в российской практике, однако, с другой стороны, самодержавию не обязательно должно быть с неизбежностью свойственно все то, что связывают с ним в России. По мысли Самарина, самодержавие не предполагает ни отождествления власти с правительством, ни права власть имущих произвольно вмешиваться в текущие дела ради собственной выгоды или сиюминутного интереса (см.: Киреев, Самарин 2005: 35).

По мнению Самарина, современное ему русское общество нуждалось в предоставлении большего количества прав и свобод, а также в законодательно гарантированном ограждении частных лиц от административного и судебного произвола. Он писал, что верховная власть, какой бы сильной и уверенной в своем могуществе она ни была, может оказаться в ситуации, когда она станет неспособна управлять страной, поскольку основная масса населения будет относиться к ней враждебно и ожидать перемен.

Одну из серьезнейших проблем Российского государства Самарин видел в том, что и общество (во всяком случае, образованная его часть), и бюрократия «убеждены, что с самодержавием несовместимы ни свобода совести, ни свобода личности, ни законный порядок управления». «Поэтому, – полагал он, – общество, по крайней мере, господствующее в нем течение, питает коренное предубеждение против исторически сложившейся у нас формы верховной власти, а бюрократия в свою очередь старательно внушает власти, что ее судьба тесно связана с существующим порядком, что она должна его отстаивать, не отступая ни пяди, и что все попытки устранить хотя бы самые непривлекательные его стороны направлены против самого принципа, на котором у нас зиждется весь государственный строй. Так поступает бюрократия вовсе не из каких-либо корыстных побуждений, а потому, что она совершенно разделяет в принципе господствующее в обществе воззрение, а по долгу службы считает себя обязанной поддерживать власть, которой она служит» (Киреев, Самарин 2005: 40).

Последовательно развивая мысль о том, что самодержавную власть нельзя ограничивать даже законосовещательными органами (земскими соборами), Самарин вместе с тем подчеркивал, что самодержавие нельзя смешивать с абсолютизмом, поскольку «самодержавие вполне совместимо с той долей личной и общественной свободы, которая теперь стала безусловно необходима нашему обществу и без которой оно не может жить сколько-нибудь нормально. Если бы этого удалось достигнуть, то... наше общество стало бы совсем иначе относиться к самодержавию и ко всему существующему политическому и общественному строю, оно бы помирилось с ним, вышло бы из состояния вечной, глухой оппозиции, проявляющейся по всякому удобному и неудобному случаю, сделалось бы способным к совместной с правительством работе, а тогда и сама власть

перестала бы относиться к обществу с тем до мелочности доходящим недоверием, которое так сковывает теперь развитие общественных учреждений и даже личной самостоятельности» (Киреев, Самарин 2005: 45).

Гарантированные самодержавием права и свободы личности, по мнению Самарина, дадут возможность нормализовать отношения между обществом и властью, которые «восстановятся лишь тогда, когда общество убедится, что те стеснения личной свободы, которые оно теперь испытывает, тот произвол, от которого оно так страдает и которым так тяготится, вовсе не вытекают из самого существа самодержавия и могут быть вполне устранены без перехода к так называемому конституционному строю, а верховная власть придет к сознанию, – и внушит это своим слугам, – что предоставление возможно более широкой личной свободы и обеспечение законности в управлении не только не противоречит ее интересам, но даже служит вернейшим залогом ее прочности и наилучшим обеспечением против всякого рода революционных стремлений» (Киреев, Самарин 2005: 40).

Самарин считал, что предоставив гражданам права и свободы, можно было бы разрешить существовавший кризис без революции и одновременно без учреждения представительных органов. «Если же будет продолжаться нынешнее печальное недоразумение, то мало-помалу недовольство будет захватывать все более широкие круги, будет проникать все глубже, и, наконец, та идеальная связь власти с народом, на которой все у нас пока держится, может порваться окончательно. Поэтому устранить все то, чем порождается общественное недовольство и чем питается смута, безусловно необходимо ради спасения того, что есть жизнеспособного в нашем государственном строе, для поддержания и укрепления той власти, которая выросла на народной почве и которая так много еще может сделать для блага нашего народа и всего Востока, если только освободится от предрассудков и преубеждений, на нее навязанных извне» (Киреев, Самарин 2005: 40).

Ф.Д. Самарин полагал, что самодержавие вполне совместимо с тем уровнем свобод, который требуется российскому обществу. Более того, он утверждал, что власть, которая гражданам таких свобод не предоставляет, перестает восприниматься обществом как самодержавная. Особо подчеркивал Самарин важную роль законодательного, правового регулирования свобод.

* * *

Взгляды **Сергея Федоровича Шарапова** (1855–1911) – писателя, экономиста, общественного и политического деятеля, издателя и публициста – на государство, самодержавную монархию, пути развития России отражены в его работах, вошедших в книгу «Россия будущего» (Шарапов 2011). В издательской деятельности С.Ф. Шарапова следует особо отметить вышедший под его редакцией «Московский сборник» (1887), куда, помимо его работ, вошли произведения Ф.М. Достоевского, И.С. Аксакова, А.А. Киреева и др., и сборник «Теория государства у славянофилов» (1898), в котором наряду с работами И.С. и К.С. Аксаковых и ряда других славянофилов была опубликована его статья «Самодержавие и самоуправление».

В статье «Самодержавие и самоуправление» Шарапов обосновывал необходимость возвращения России к сочетанию самодержавия с земским самоуправлением при ликвидации засилья бюрократии, препятствовавшей общению царя и народа (см.: Шарапов 2011: 39-49). Идеальное устройство России он представлял как соборное единение царя, народа и Русской православной церкви. «Идеал русского гражданского и политического устройства, выясненный славянофилами и вполне отвечающий народному представлению о личности, “мире” и Государе, таков:

Отдельное лицо, физическое или юридическое, – полный хозяин владеемого им клочка земли. Земщина в лице лучших излюбленных людей – полный хозяин своей области или города. Государь-самодержец – полный хозяин всей Русской Земли, в верховной полноте прав которого заключаются права как частных лиц, так и земств. Как частное лицо не может присвоить себе земских прав, ибо само целиком со всеми своими правами входит в земщину, так и земство не может ни с какой стороны посягнуть на права верховной власти, ибо со всеми своими правами тонет в безграничном объеме прав целого народа, воплощающихся в живой, свободной личности Царя, которому всецело принадлежит *действие*, внушаемое Его разумом и совестью и незримо направляемое и одобряемое всенародным общественным *мнением*. И над всем этим, все обнимая собою, включая и сравнивая в едином трепете о спасении души, единой молитве и единой ответственности перед Богом: и Царя с его самодержавием, и земщину с ее самоуправлением, и последнего крестьянина с его свободой и собственностью, – вышится Христова Церковь» (Шарапов 2011: 45-46).

В экономической статье «Бумажный рубль (Его теория и практика)» Шарапов писал, что российская государственность зиждется на утраченных Западом началах любви и доверия, составляющих в целом единое нравственное начало. Самодержавие, по его мысли, – это «порождение и представитель именно нравственного начала, начала полного доверия и любви и полной свободы действий» (Шарапов 2011: 87). В ситуации истинного и свободного самодержавия, без всяких формальных ограничений, мы получаем самое осторожное, самое консервативное правительство в мире: «Нравственная сила – такая великая сила, что наша верховная власть даже среди обстановки, сильно уклонившейся от идеалов старой допетровской Руси, в вопросах экономических чаще ошибается в смысле чрезмерной осторожности, чем риска» (Шарапов 2011: 87).

Для Шарапова также была значима нравственно-правовая составляющая самодержавия. В российском монархе он видел носителя высшей правды, вершителя земного суда, чье правление должно осуществляться не на основе буквы закона, а на основе совести и правды.

Политическим идеалом С.Ф. Шарапова была Россия с самодержавным царем, который опирается на сильную систему самоуправления: «По народному воззрению, Государь, давая законы, стоит сам сверх закона и своей свободной совестью и волей восполняет в отдельных случаях несовершенства закона. Но зато для всех подданных и слуг Государя существующий закон должен быть святыней и вот почему, если и возможно какое-нибудь

посягательство на священные права Государя, то никак не со стороны самоуправляющегося в своих местных делах населения. Именно потому-то и должно быть выделено в особую систему дело земское от дела государева, что в этом выделении, и только в нем, является залог полнейшей свободы, ненарушимости и неограниченности царского самодержавия» (Шарапов 2011: 43). Задачу правительства Шарапов усматривал в том, чтобы, с одной стороны, возродить истинно русские начала государственности, а другой – способствовать развитию местного самоуправления, придать импульс самоорганизации общества.

Критикуя влияние бюрократии на государственное управление, Шарапов считал, что его можно нейтрализовать, если местное самоуправление придет на помощь царю в управлении страной, а народные представители станут помощниками царя, будут стоять у самого престола и сообщать царю о местных нуждах.

В работах, жанр которых С.Ф. Шарапов определял как «политическая фантазия», он проводил мысль о том, что в России будущего вся конкретная управленческая работа должна быть возложена на муниципалитеты, а царь будет определять стратегию развития, основные направления деятельности, контролировать выполнение работы, при этом вмешиваться в дела местных органов власти он будет только в случае чрезвычайной ситуации. В ведении государства останутся верховная власть, законодательство, военное дело, царский суд, финансы, денежная система и публичный кредит, железные дороги, монополии, почта, телеграф и общий контроль.

В проектах Шарапова на уровне областей бюрократию предполагалось сохранить, но ей отводилась лишь техническая роль – источником власти она являться не должна. В ведение областей в России будущего, по мысли Шарапова, перейдут полиция, просвещение, земледелие и промышленность. Областному собранию будет предоставлено право издавать местные законы, устанавливать все прямые и косвенные налоги, а также акцизы, распоряжаться хозяйственными делами области, избирать представителей в общеимперские совещательные органы, взysкивать государственные налоги (см.: Шарапов 2011: 473-516).

Проекты Шарапова представляют интерес как предложение реформирования традиционных политических институтов в соответствии со славянофильскими воззрениями и либеральными ценностями для разработки альтернативного варианта обновления России. Политическая программа С.Ф. Шарапова и его реформаторские проекты государственного устройства, местного самоуправления и высших органов власти были призваны легитимировать и сохранить в России будущего абсолютную монархию.

* * *

Политические проекты неославянофилов остались только проектами, мечтами совместить самодержавную монархию с предоставлением гражданам широких прав и свобод – без принятия конституции и установления парламентаризма. По большому счету поздние славянофилы не были кон-

серваторами, поскольку отстаиваемые ими проекты земских преобразований и других административных реформ предполагали серьезные изменения в политико-правовом укладе страны.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что предоставление гражданам России широких прав и свобод рассматривалось неославянофилами не в контексте возможного участия в оппозиционной политической деятельности, а только с целью активного со-участия общественности в реформах на благо страны.

В трудах неославянофилов нашел отражение и развитие общих для всех славянофилов тезис (наиболее полно представленный в работах И.С. и К.С. Аксаковых) о свободе как свободе от политики, от необходимости участвовать в политической жизни, в решении вопросов, связанных с осуществлением властных функций, взгляд на проблему свободы сквозь призму христианского понимания человека. Согласно такому подходу работа в органах местного самоуправления (земстве) не предполагала автоматического участия в политической деятельности. Политика – принятие общезначимых решений и несение ответственности за них – рассматривалась неославянофилами как бремя власти. Свобода от политики должна гарантироваться самодержцем, добровольно принимающим на себя власть и морально-этические ограничения, препятствующие трансформации самодержавия в абсолютизм (исключением здесь будут разве что идеи С.Ф. Шарапова). Монарх также должен выступать гарантом соблюдения прав и свобод граждан, их защиты от произвола властей.

Одну из своих главных задач неославянофилы усматривали в воспитании общества, имея в виду и народ, и образованные слои населения, и аристократию. Детали этого проекта представлялись им достаточно смутно, но на первый план выдвигалось нравственное воспитание, пробуждение сознания и т.п. Это делало неославянофилов наследниками европейского Просвещения, и вместе с тем они были романтиками, мечтали о народе, осознающем себя и организующемся в общины (идеал общины они рисовали в картинах земских соборов допетровской России).

Неославянофилы подчеркивали несомненную и неоспоримую ценность самодержавия: как теоретического концепта и как политической практики, как формы государственного правления. Несмотря на то, что содержательное наполнение понятия «самодержавие» у них зачастую разнилось, в их взглядах можно найти нечто общее и важное: идею внутреннего самоограничения самодержавной власти, которое свойственно ей по природе и не может быть заменено формально-юридическими ограничениями. Поздним славянофилам было свойственно убеждение в том, что для самодержавного монарха представление об общем благе является не менее значимым, чем для них самих, а следовательно, и реформы, которые ими предлагались, должны были восприниматься не как стремление ограничить самодержавие, а только как желание участвовать в улучшении жизни общества (в той части, которая непосредственно их касалась).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Дудзинская Е.А. 1983. Славянофилы в общественной борьбе. Москва : Мысль. 271 с.
- Золотарёв Д.П. 2004. Позднее славянофильство и его роль в общественно-политической мысли России 60-х – 90-х гг. XIX века : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Воронеж. 265 с.
- Киреев А.А. 2012а. Краткое изложение славянофильского учения // Киреев А.А. Учение славянофилов. Москва : Ин-т рус. цивилизации. С. 28-89.
- Киреев А.А. 2012b. Россия в начале XX столетия // Киреев А.А. Учение славянофилов. Москва : Ин-т рус. цивилизации. С. 360-394.
- Киреев А.А. 2012с. Славянофильство и национализм: ответ В.С. Соловьёву // Киреев А.А. Учение славянофилов. Москва : Ин-т рус. цивилизации. С. 225-248.
- Киреев А.А., Самарин Ф.Д. 2005. Переписка А.А. Киреева и Ф.Д. Самарина // Нестор. Между двух революций. Санкт-Петербург. № 3. С. 11-103.
- Панова М.И. 1998. Идеи славянофильства в русской общественно-политической мысли в 1850-е гг. – 1917 г. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Москва. 211 с.
- Сергеев С.М. 2009а. Позднее славянофильство в контексте творческого традиционализма // Образовательный портал «Слово». 03.10.2009. URL: <http://www.portal-slovo.ru/history/41484.php> (дата обращения: 20.01.2022).
- Сергеев С.М. 2009b. Проблема позднего славянофильства // Образовательный портал «Слово». 03.10.2009. URL: <http://www.portal-slovo.ru/history/41483.php> (дата обращения: 20.01.2022).
- Соловьёв К.А. 2009. Кружок «Беседа». В поисках новой политической реальности, 1899–1905. Москва : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН). 287 с.
- Соловьёв К.А. 2010. Генерал Киреев и его дневник // Дневник А.А. Киреева. 1905–1910 / сост., авт. вступ. ст., коммент. и примеч. К.А. Соловьёв. Москва : Рос. лит. энцикл. (РОССПЭН). С. 3-17.
- Хомяков Д.А. 2011. Самодержавие (опыт схематического построения этого понятия) // Хомяков Д.А. Православие. Самодержавие. Народность. Москва : Ин-т рус. цивилизации. С. 148-215.
- Цимбаев Н.И. 1986. Славянофильство (из истории русской общественно-политической мысли XIX века). Москва : Изд-во Моск. гос. ун-та. 271 с.
- Шарапов С.Ф. 2011. Россия будущего / сост., предисл., примеч., имен. словарь А.Д. Каплина ; отв. ред. О.А. Платонов. Москва : Ин-т рус. цивилизации. 720 с.
- Шелохаев С.В. 1999. Общественно-политическая деятельность Д.Н. Шипова : дис. ... канд. ист. наук. Москва. 255 с.
- Шипов Д.Н. 2007. Воспоминания и думы о пережитом. Москва : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН). 679 с.
- Шмитт К. 2000. Духовно-историческое состояние современного парламентаризма // Шмитт К. Политическая теология : сборник : пер. с нем. / заключит. ст. и сост. А. Филиппова. Москва : Канон-Пресс-Ц : Кучково поле. С. 155-256.

References

- Dudzinskaya E.A. *Slavophiles in the Public Struggle*, Moscow, Mysl', 1983, 271 p. (in Russ.).
- Khomyakov D.A. *Autocracy. An essay on the concept's construction*, *Khomyakov D.A. Pravoslaviye. Samoderzhavie. Narodnost'*, Moscow, Institut russkoy tsivilizatsii, 2011, pp. 148-215. (in Russ.).

Kireev A.A. Brief summary of the Slavophile doctrine, *Kireev A.A. Uchenie slavyanofilov*, Moscow, Institut russkoy tsivilizatsii, 2012, pp. 28-89. (in Russ.).

Kireev A.A. Russia at the beginning of the 20th century, *Kireev A.A. Uchenie slavyanofilov*, Moscow, Institut russkoy tsivilizatsii, 2012, pp. 360-394. (in Russ.).

Kireev A.A. Slavophilism and Nationalism: a response to V.S. Soloviev, *Kireev A.A. Uchenie slavyanofilov*, Moscow, Institut russkoy tsivilizatsii, 2012, pp. 225-248. (in Russ.).

Kireev A.A., Samarin F.D. Correspondence of A.A. Kireev and F.D. Samarin, *Nestor. Mezhdru dvukh revolyutsiy*, St. Petersburg, 2005, no. 3, pp. 11-103. (in Russ.).

Panova M.I. *The Slavophilic ideas in the Russian socio-political Thought of the 1850-1917 : Dissertation*, Moscow, 1998, 211 p. (in Russ.).

Schmitt C. The Historical and Spiritual State of Modern Parliamentarism, *Shmitt K. Politicheskaya teologiya*, Moscow, Kanon-Press-Ts, Kuchkovo pole, 2000, pp. 155-256. (in Russ.).

Sergeev S.M. Late Slavophilism in the context of creative traditionalism, 03.10.2009, *Obrazovatel'nyy portal "Slovo"*, available at: <http://www.portal-slovo.ru/history/41484.php> (accessed January 20, 2022). (in Russ.).

Sergeev S.M. Late Slavophilism's problem, 03.10.2009, *Obrazovatel'nyy portal "Slovo"*, available at: <http://www.portal-slovo.ru/history/41483.php> (accessed January 20, 2022). (in Russ.).

Sharapov S.F. 2011. *Russia of the Future*, Moscow, Institut russkoy tsivilizatsii, 720 p. (in Russ.).

Shelokhaev S.V. *Dmitry Shipov's socio-political activity : Dissertation*, Moscow, 1999, 255 p. (in Russ.).

Shipov D.N. *Memories and thoughts*, Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2007, 679 p. (in Russ.).

Soloviev K.A. *A group "Beseda". In search of a new political reality. 1899–1905*, Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2009, 287 p. (in Russ.).

Soloviev K.A. General Kireev and his Diary, *K.A. Soloviev (comp.) Dnevnik A.A. Kireeva. 1905–1910*, Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2010, pp. 3-17. (in Russ.).

Tsimbaev N.I. *Slavophilism (from the history of Russian socio-political thought of the 19th century)*, Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta, 1986, 271 p. (in Russ.).

Zolotarev D.P. *Late Slavophilism and its role in the socio-political thought of Russia in the 60s - 90s of the 19th century: Dissertation*, Voronezh, 2004, 265 p. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мария Дмитриевна Марей

кандидат философских наук, ответственный секретарь журнала «Философия. Журнал ВШЭ», преподаватель Школы философии и культурологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия;
ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9251-4399>;
ResearcherID: V-1269-2018;
SPIN-код: 8329-1671;
E-mail: mdyurlova@hse.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Maria D. Marey

Candidate of Philosophy, Executive Secretary of the journal "Philosophy. Journal of the Higher School of Economics"; Lecturer, National Research University Higher School of Economics, Faculty of Humanities, School of Philosophy and Cultural Studies, Moscow, Russia;
ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9251-4399>;
ResearcherID: V-1269-2018;
SPIN-код: 8329-1671;
E-mail: mdyurlova@hse.ru



Галстян Н.А. К вопросу об «антимонопольном» регулировании политической конкуренции: конституционно-правовые аспекты. DOI 10.17506/26867206_2022_22_2_40 // Антиномии. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 40–61.

УДК 342.34

DOI 10.17506/26867206_2022_22_2_40

К вопросу об «антимонопольном» регулировании политической конкуренции: конституционно-правовые аспекты

Норик Ашотович Галстян

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

г. Москва, Россия

E-mail: ngalstyan@hse.ru

*Поступила в редакцию 22.12.2021, поступила после рецензирования 15.03.2022,
принята к публикации 18.03.2022*

Статья посвящена одному из аспектов правовой защиты политической конкуренции, связанному с внедрением «антимонопольного» регулирования политики по аналогии с регулированием рыночных отношений в экономической сфере. На основе анализа работ отечественных и зарубежных исследователей автор приходит к выводу о том, что для понимания механизма политической конкуренции допустимо использование экономического подхода. Вместе с тем прямое использование экономического подхода для регулирования конкуренции в политике затруднительно, поскольку связано с методологическими и правовыми проблемами такого регулирования, что требует определения дополнительных средств правовой защиты и обеспечения политической конкуренции. Перспективы регулирования политического рынка в Российской Федерации рассматриваются автором как с опорой на экономический подход, так и с учетом конституционно-правовой природы политической конкуренции и проблем нормативного регулирования политических отношений. В статье анализируется перспектива создания независимого «регулятора» на политической арене, а также возможность наделения существующих органов власти функциями по защите политической конкуренции. На сегодняшний день политическая конкуренция опосредованно является объектом административно-правового регулирования, которое, в свою очередь, охватывает лишь некоторые стороны избирательных процедур, составляющих незначительную часть всего объема конкурентных отношений в политике. В связи с этим не были сформулированы комплексный и системный подходы к обеспечению и защите политической конкуренции. Анализ конституционных положений ряда зарубежных стран показывает, что одним из средств поддержания баланса на политической арене может служить закрепление



© Галстян Н.А., 2022

конституционных гарантий для определенных политических акторов, являющихся участниками политической конкуренции.

Ключевые слова: политическая конкуренция, регулятор, монополизм, политический рынок, выборы, парламентаризм, модель власти

On the “Antimonopoly” Regulation of the Political Competition: Constitutional-Legal Aspects

Norik A. Galstyan

National Research University Higher School of Economics,
Moscow, Russia

E-mail: ngalstyan@hse.ru

Received 22.12.2021, revised 15.03.2022, accepted 18.03.2022

Abstract. The article analyzes one of the aspects of competition in politics’ legal protection related to the introduction of “antitrust” regulation in politics analogical to the economic sphere. The prospects for political market regulation in the Russian Federation are considered on the basis of an economic approach, also taking into account the constitutional nature of political competition and issues of legal regulation of political relations. As the author notes, it is permissible to use the economic approach for the purposes of understanding the mechanism of political competition, which is also confirmed by the works of Russian and foreign scholars. The possibility of introducing an “anti-monopoly regulation” in the political market by analogy with regulation of market relations in economics is considered as one of the directions for protecting political competition. The article analyzes the prospect of involving an independent “regulator” in the political field, and the possibility of endowing the existing authorities with the functions of protecting political competition. Nowadays, political competition is indirect object of administrative regulation, which covers only some aspects of electoral procedures constitutes an insignificant part of the total scope of competitive relations in politics. In this regard, political competition lacks comprehensive and systematic approach to ensuring and protecting. The author concludes that the direct use of the economic approach to the regulation of competition in politics is problematic, since it is associated with the methodological and legal issues of such regulation, which requires the identification of additional legal means of protecting political competition. The analysis of the constitutional provisions of several countries show that one of the means for maintaining a balance in the political arena could be the introduction of constitutional guarantees for certain political actors, which participate in the political competition.

Keywords: political competition; competition regulator; monopoly; political market; elections; parliamentarism; model of power

For citation: Galstyan N.A. On the “Antimonopoly” Regulation of the Political Competition: Constitutional-Legal Aspects, *Antinomies*, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 40–61 (in Russ.). DOI 10.17506/26867206_2022_22_2_40.

Введение. Политическая конкуренция, как неотъемлемый элемент демократического строя, характеризует состояние ключевых общественно-политических отношений, от качества которых зависит эффективность всей политической системы. Как отмечает американский исследователь Ларри Даймонд, конкурентность политического рынка напрямую отражает развитость демократических институтов, особенно в обществах, находящихся на стадии транзита власти (см.: Diamond 2002: 23). В России запрос на политическую конкуренцию продиктован тем, что в обществе растет понимание необходимости повышения эффективности публичной власти, а также глобальными тенденциями в сфере развития народовластия, многопартийности, противодействия политической коррупции и т.д. В этой связи особую актуальность приобретает поиск механизмов, способных обеспечить реальную политическую конкуренцию, прозрачность и открытость политического рынка.

О природе политической конкуренции. На протяжении последних десятилетий проблема политической конкуренции была не только в центре политологических исследований, но и вызывала все больший интерес у юристов. Вместе с тем нужно указать, что вследствие недостаточного понимания правовой природы политической конкуренции в отечественной юридической науке пока не сформировалось целостное представление о механизмах ее обеспечения и защиты. Несмотря на то, что в Конституции РФ и российском законодательстве политическая конкуренция прямо не упоминается, она находит свое проявление в ряде конституционных институтов, и прежде всего в институте сдержек и противовесов. Как отмечает И.Л. Кинзерская, политическая конкуренция представляет собой систему публичных сдержек и противовесов, «определяющую устойчивый характер развития политической системы и устанавливающую легитимные формы взаимодействия политических акторов в борьбе за власть» (Кинзерская 2009: 9). Будучи борьбой за власть, политическая конкуренция, на наш взгляд, охватывает куда более широкий круг вопросов, вытекающих из публично-правовых отношений. Элементы политической конкуренции проявляются во множестве сторон парламентской деятельности (например, в законотворчестве, инициировании парламентских расследований, участии в формировании правительства и иных органов власти), во взаимоотношениях главы государства с другими публично-властными институтами и т.д. Степень развития политической конкуренции, таким образом, позволяет оценить состояние как отдельных конституционных институтов, связанных с организацией власти, так и политической системы в целом.

Несмотря на сложную политико-правовую природу политической конкуренции, в России она не является самостоятельным объектом правового регулирования. Диаметрально противоположная картина наблюдается в сфере защиты экономической конкуренции. Так, п. 1 ст. 8 Конституции РФ гарантирует поддержку конкуренции и свободу экономической деятельности; отношения между государством (в лице регулятора) и иными субъектами в рамках экономической борьбы регламентируются отдельным федеральным законом (Федеральный закон № 135-ФЗ, 2006; далее – Закон о защите конкуренции), нарушение правил экономической конкуренции

влечет за собой предусмотренные законом формы ответственности. Таким образом, на сегодняшний день складывается комплексная система нормативного (в том числе конституционного) регулирования конкуренции в экономике, чего нельзя сказать об отношениях в рамках политической конкуренции, защита которой, вне всяких сомнений, относится к числу важнейших факторов поступательного развития политических отношений и политической системы в целом.

Как феномен политическая конкуренция, как и конкуренция в экономике, *является видом социальной конкуренции* (см.: Нисневич 2009b: 11), что позволяет говорить о наличии у этих видов конкуренции общих признаков и свойств, присущих конкуренции в общесоциальном смысле. В связи с этим при определении характеристик конкуренции в политике **допустимо опираться на экономический подход**. Такой позиции придерживается целый ряд отечественных ученых (см.: Макарин 2016: 29; Оспанов 2015: 23; Васильева 2012: 20; Олейнов 2009: 53). О *схожести конкурентных моделей в экономике и политике* писали такие видные американские экономисты, как Роберт Барро (Barro 1973) и Джордж Д. Стиглер (Stigler 1972). Причем последний отмечал, что политическая конкуренция имеет куда более длительную историю, чем конкуренция в экономике (Stigler 1972: 91).

Некоторые авторы обращают внимание на то, что политическая конкуренция и экономическая конкуренция *функционируют на единых началах*. В частности, они указывают, что **закон спроса и предложения**, являющийся фундаментальной основой поддержания баланса на товарном рынке, *действует и в рамках политической борьбы* (см.: Шилов 2013: 167, 169; Обухов 2011b: 66; Дилигенский 2000: 105). Зарубежные авторы уже на протяжении нескольких десятилетий рассматривают политические процессы (в первую очередь электоральные) *через призму рыночных отношений* (см.: O'Cass 1996: 37; а также Giebler et al. 2021; Wheatley, Mendez 2021; Khemani 2017; Bischoff 2006). Такой подход привел к возникновению так называемой теории политических рынков, основная идея которой сводится к тому, что принятие политических решений является результатом рационального взаимодействия между теми, **кто предъявляет спрос** на такие решения, и теми, **кто осуществляет их предложение** (см.: Афонцев 2014: 41). Исследовавший проблематику политического рынка известный французский социолог П. Бурдьё писал, что в политическом соперничестве рождается «политическая продукция»: проблемы, программы, концепции, события, из которых и должны выбирать обычные граждане, низведенные до положения потребителей (см.: Бурдьё 1993: 182). На товарном рынке, как следует из положения п. 7 ст. 4 Закона о защите конкуренции, именно соперничество (конкуренция) приводит к исключению или ограничению возможности каждого из конкурентов «в одностороннем порядке воздействовать на общие условия обращения товаров» (Федеральный закон № 135-ФЗ, 2006: ст. 4, п. 7). С учетом этого представляется, что **функционирование товарного и политического рынков осуществляется на основе единого (универсального) механизма**, создающего баланс на соответствующем рынке в целях недопущения его монополизации.

О понятии политического рынка. В рамках исследования конкуренции нельзя обойти стороной феномен рынка, поскольку понимание природы рынка позволяет раскрыть основные характеристики конкурентных отношений, в том числе и в сфере политики. Социолог М. Вебер неразрывно связывал понятия «рынок» и «конкуренция», определяя рынок как «совокупность социальных отношений, в центре которых находятся отношения обмена и конкуренции и которые регулируются нормами рыночного порядка» (Вебер 2016: 385). Опираясь на социально-экономический подход, В.В. Радаев характеризует рынок как «систему регулярного, преимущественно денежного, взаимовыгодного, добровольного и состязательного обмена благами» (Радаев 2006: 27). Итак, содержанием рыночных отношений является **взаимовыгодный обмен определенными благами** между участниками рынка, а признаками рынка выступают **регулярность, добровольность и состязательность**.

На сегодняшний день в отечественной научной литературе отсутствует единый подход к пониманию политического рынка, особенно в качестве правовой категории. Так, И.М. Модель и Н.Г. Привалов считают политический рынок **разновидностью квазирынка**, то есть «одной из форм координации общественных процессов, близкой по своим принципам и механизмам к хозяйственному рынку» (Модель, Привалов 2004: 203). Д.В. Нежданов и О.Ф. Русакова видят природу политического рынка в обеспечении коммуникативного процесса **обмена благами на основе принципа конкуренции** между различными политическими акторами, участвующими в принятии политических решений и в распределении властных ресурсов (см.: Нежданов, Русакова 2011: 162). Д.В. Обухов определяет политический рынок как неотъемлемую часть демократического общества, представляющую собой «рынок политических идей, программ, а также партий, движений и лидеров, выражающих эти идеи и программы» (Обухов 2011а: 39). Подытожив приведенные выше мнения исследователей, в качестве неотъемлемых признаков политического рынка можно выделить **регулярность, состязательность и наличие обмена, обеспечивающего распределение власти между конкурентами**.

В рамках политической конкуренции **обмен** представляет собой передачу власти (или ее части) от одного субъекта другому и осуществляется через борьбу за власть, что особенно актуально в контексте электоральных процедур. При таком подходе конкуренция понимается как борьба между «продавцами» политической продукции, то есть лицами, соперничающими за внимание со стороны потребителей (избирателей), которые, выражая свою волю, дают **мандат на власть** определенному конкуренту или группе лиц, участвующих в конкурентной борьбе. Между тем рассмотрение политического рынка исключительно в контексте избирательных отношений видится не в полной мере корректным, так как политическая деятельность не ограничивается электоральными процедурами. Обмен, будучи ключевым признаком товарного рынка, в политике представляет собой уникальное явление, к которому не могут быть применены аналогии из сферы экономики. С правовой точки зрения обмен предполагает оборот равноценных товаров, однако подлежащие обмену политические «товары»

по своей природе неравноценны, поскольку **не могут быть выражены в стоимостной или иной материальной форме**. Например, в электоральных процедурах голос избирателя выступает единственным возможным *легальным* способом приобретения политического товара.

Рассматривая политический рынок как более широкое понятие, необходимо отметить, что использование категории «конкурент» применительно ко всем процессам на политическом рынке может быть лишь условным. Так, возникающие при разделении властей отношения между ветвями власти, лежащие в плоскости конституционно-правового регулирования, не являются по своей сути конкурентными, поскольку не приводят к борьбе за ограниченный ресурс (в отличие, например, от электоральной борьбы). Конституционная модель власти не предполагает возникновения соперничества за власть между ее ветвями, так как в этих условиях власть выступает в качестве инструмента, благодаря которому все ветви власти сосуществуют как единый и целостный организм. Это связано с закреплением в Основном Законе **ограниченного круга субъектов**, уполномоченных осуществлять отведенные им властные функции в рамках разделения властей. В то же самое время, как и при классическом понимании конкурентной борьбы, система сдержек и противовесов препятствует формированию политического монополизма.

Состязательность, как признак рынка, предполагает **возможность участников влиять на условия распределения власти**. В электоральной борьбе состязательность достигается свободным доступом конкурентов на политический рынок, то есть соблюдением конституционно закрепленного принципа политического и идеологического многообразия и многопартийности (ст. 13 Конституции РФ). У каждой ветви власти внутри системы разделения властей состязательность означает наличие реальных институциональных возможностей для уравнивания других ветвей власти и контроля за их деятельностью. В этом смысле порядок распределения власти в политике сопоставим с рыночным механизмом, где наличие множества участников (*конкурентов*) исключает или ограничивает возможность каждого из них в одностороннем порядке воздействовать на общие условия обращения товаров на рынке (см.: Федеральный закон № 135-ФЗ, 2006: ст. 4, п. 7), то есть такой порядок в политике **ограничивает концентрацию всей полноты власти в руках одного из субъектов**, в том числе в руках субъекта, занимающего доминирующее положение на политической арене.

Регулярность на политическом рынке определяется тем, что власть при демократическом устройстве в силу ограниченности не может безраздельно принадлежать одному властному институту. Регулярность обмена обеспечивается **наличием временных рамок**, устанавливающих предельные сроки сохранения власти у политических акторов, а также закреплением порядка формирования ряда властных институтов **исключительно через периодические выборы**.

Таким образом, политический рынок имеет ряд схожих характеристик с товарным рынком, в первую очередь в механизме ограничения монополизма. При этом политический рынок является сложносоставным феноменом, внутри которого возникают отношения между властными институтами

(не всегда непосредственно связанные с соперничеством за власть) и между избирателями и конкурентами в контексте избирательных отношений. С учетом вышеизложенного представляется возможным охарактеризовать политический рынок как **систему регулярного распределения властных ресурсов, обеспечивающую согласование интересов политических акторов во взаимоотношениях как между собой, так и с лицами, определяющими результаты конкурентной борьбы (избирателями).**

О регулировании конкурентных отношений в политике. Несмотря на схожесть механизма политической и экономической конкуренции, анализ перспектив регулирования конкурентных отношений в политике связан с рядом дискуссионных вопросов. Одной из наиболее сложных видится проблема применения (проецирования) в политике существующих правовых средств защиты экономической конкуренции, важнейшим из которых является наличие отдельного органа – Федеральной антимонопольной службы РФ (далее – ФАС РФ), производящей контроль за соблюдением антимонопольного законодательства на товарном рынке. В то же время в юридической науке практически не говорится о возможности внедрения аналогичного регулятора на политическом рынке, а антимонопольная функция ассоциируется исключительно с экономической сферой.

По мнению видного американского экономиста Дж. Гэлбрейта, функция государства в регулировании экономической конкуренции – осуществлять посредническую деятельность на рынке: обуздывать тех, кто силен, и содействовать тем, кто слаб (см.: Гэлбрейт 1976: 67). Иными словами, необходимость регулирования отношений на соответствующем рынке возникает в ситуации, когда среди участников конкурентной борьбы появляется субъект или субъекты, перед действиями которых остальные конкуренты оказываются беззащитными. При этом такая ситуация складывается не вследствие получения конкурентного преимущества в условиях свободного рынка, а *в связи с предпринимаемыми отдельными субъектами действиями по нарушению конкурентного правопорядка в целях достижения собственной пользы.* Как следует из положений гл. 2 и 2.1 Закона о защите конкуренции, в экономике подобные действия могут быть квалифицированы как недобросовестная конкуренция или монополистическая деятельность. В политике это может проявляться во введении избирателей в заблуждение или в злоупотреблении доминирующим субъектом (например, получившей парламентское большинство политической силой) своим положением в целях удержания власти. В таких условиях составляющие основу конкуренции механизмы (закон спроса и предложения в экономике или система сдержек и противовесов в политике) перестают обеспечивать баланс на рынке, где соотношение сил между конкурентами напрямую определяет их возможность конкурировать на равных между собой. Особенно остро эта проблема проявляется в условиях, когда **конкурирующие стороны институционально находятся в неравном положении.** Таким образом, роль регулирования конкурентных отношений видится в выработке эффективных механизмов для развития конкуренции, а также в нивелировании последствий, возникающих из-за ее несовершенства.

В обеспечении и защите политической конкуренции **особую роль играет конституционно-правовое регулирование**, что объясняется, в частности, доминирующей ролью норм конституционного права в воздействии на политические отношения и спецификой политической конкуренции как борьбы за власть. Конституционное регулирование охватывает широкий круг отношений, в рамках которых осуществляется оформление публичной власти, определение принципов ее организации и функционирования, закрепляются политические права и свободы, а также регламентируется процесс создания норм позитивного права. В связи с этим можно выделить следующие направления конституционно-правового регулирования политической конкуренции:

1) **поддержание основополагающих конституционных принципов:** принципа разделения властей (включая процедуры формирования высших органов власти и их полномочий), принципа идеологического и политического плюрализма, принципа народного суверенитета и др.;

2) **закрепление и нормативная конкретизация конституционных прав** участников политической конкуренции. К числу таких прав можно отнести право на информацию (ст. 24, 29 Конституции РФ), право на объединение (ст. 30 Конституции РФ), право на проведение публичных мероприятий (ст. 31 Конституции РФ), весь спектр избирательных прав (ст. 32 Конституции РФ), а также право на обращение в государственные органы и органы местного самоуправления (ст. 33 Конституции РФ);

3) **нормативное закрепление механизмов обеспечения и защиты политической конкуренции.** Одним из таких механизмов нам видится создание органа, который мог бы осуществлять «антимонопольные» функции на политической арене, то есть принимать превентивные меры для охраны конкурентного правопорядка и реагировать на факты нарушения конкуренции. Кроме этого, в рамках данного направления возможно признание какого-либо из существующих политических акторов в качестве регулятора.

На наш взгляд, первые два направления взаимообусловлены, так как дополняют друг друга и вытекают из основ конституционного строя, закрепленных в первой главе Конституции РФ. Кроме этого, конституционные нормы, устанавливающие фундаментальные принципы организации публичной власти и субъективные политические права, фактически формируют обязательные для всех конкурентов правила политической борьбы. В этом смысле они выступают в качестве материальных норм, осуществляющих нормативное регулирование политической конкуренции в рамках различных конституционно-правовых институтов. Как уже было отмечено, одним из способов воздействия на конкурентные отношения в политике может быть «антимонопольное» регулирование, которое требует определения допустимых пределов такого регулирования и соответствующего правового инструментария.

Важно подчеркнуть, что опосредованное регулирование политических отношений в рамках конституционного права формирует лишь основные идеи и принципы политической конкуренции и не закрепляет какой-либо механизм прямого воздействия на политический рынок. С другой стороны,

нормативной основой защиты конкуренции в политике формально могут служить нормы гл. 5 КоАП РФ «Административные правонарушения, посягающие на права граждан» (Кодекс РФ об административных правонарушениях № 195-ФЗ, 2015: гл. 5) и гл. 19 УК РФ «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина» (Уголовный кодекс РФ № 63-ФЗ, 1996: гл. 19), охватывающие отношения по обеспечению деятельности избирательных комиссий, защите избирательных прав граждан и кандидатов на выборные должности, проведению предвыборной агитации и т.п. Хотя защита политической конкуренции может осуществляться избирательными комиссиями, органами юстиции, судами и правоохранительными органами, С.В. Масленникова справедливо отмечает, что на практике их деятельность в этом направлении не является достаточной (см.: Масленникова 2012: 263). Кроме того, применяемые данными органами меры публично-властного характера осуществляются лишь в отношении ограниченного числа институтов политической конкуренции – выборов, референдумов, деятельности общественных объединений и т.д., в то время как *политическая конкуренция включает в себя широкий спектр отношений*, где избирательные процедуры занимают важное, но не единственное место. В частности, административное и уголовное законодательство не охватывает (да и не может в силу предмета регулирования охватить) такие важные стороны политической конкуренции, как отношения между парламентом и исполнительной властью, отношения главы государства с иными институтами власти, парламентский контроль, вопросы межпартийных и внутрипартийных отношений, законотворчество и т.д. Вместе с тем перечисленные выше элементы составляют основу политической конкуренции и формируют соответствующие формы взаимоотношений на политической арене.

Не вызывает сомнений, что регулирование отношений в сфере политической конкуренции требует особой осторожности и глубокого понимания целей и ожидаемых результатов такого регулирования. Так, американский экономист Брайан Каплан в труде «Миф о рациональном избирателе» пишет следующее: «Если вас беспокоит рыночная монополия, то вас должна беспокоить и монополия политическая. Но перед тем, как бросаться “восстанавливать конкуренцию” в какой-либо из указанных сфер, необходимо задуматься о долгосрочной опасности наказания за успешность» (Каплан 2012: 155-156). Из слов Б. Каплана вытекает, что возможные перегибы при попытках защитить товарный или политический рынок от монополизма могут повлечь за собой негативные последствия для самой конкуренции. В качестве примера рассмотрим регулирование деятельности партий, являющихся важнейшими участниками политической конкуренции. На материале исследования более 30 европейских демократий И. Бизен и Е. Рашкова приходят к выводу о том, что само по себе правовое регулирование деятельности политических партий не ограничивает их количество, однако негативно сказывается на численности новых участников, представленных в законодательном органе (см.: Biezen, Rashkova 2014: 901). В отчете Европейской комиссии за демократию через право (Венецианской комиссии) отмечается, что наличие специального закона, регулирующего деятель-

ность политических партий, не является требованием для функционирования демократии – наиболее эффективно минимальное регулирование их деятельности (см.: Совместные руководящие принципы... 2020: п. 68, 154).

Отдельно следует остановиться на вопросе финансирования партий со стороны государства. Р. Гросс и К. Гойдель пишут, что государственная поддержка политических партий способствует развитию политической конкуренции путем усиления их электоральной активности (см.: Gross, Goidel 2003: 10). Вместе с тем Венецианская комиссия отмечает, что размер государственного финансирования партий должен быть определен таким образом, чтобы не отменять потребность партий в частных пожертвованиях, а система государственного финансирования политических партий не должна приводить к ограничению их самостоятельности (см.: Совместные руководящие принципы... 2020: п. 232).

Таким образом, регулирование политической сферы и статуса лиц, являющихся непосредственными участниками политической конкуренции, должно осуществляться *с учетом его допустимых пределов* и на основании оценки того, *как такое регулирование скажется на качестве конкурентных отношений* в политике.

Независимый регулятор политической конкуренции: перспективы внедрения. По своей сущности регулирование конкуренции предполагает использование публично-правовых средств воздействия на общественные отношения. Несмотря на то, что экономическая конкуренция охраняется административным и уголовным законодательством, антимонопольные органы рассматривают дела только об административных правонарушениях в данной сфере (ст. 23.48 и 22.1 КоАП РФ), чем и определяется соответствующий правовой инструментарий реагирования ФАС РФ на факты нарушения правил экономической конкуренции. Между тем административно-правовое воздействие вряд ли применимо в условиях политической конкуренции. Это обусловлено тем, что ***связанные с борьбой за власть отношения не могут быть объектами административно-правового регулирования***, поскольку возникают по поводу управленческой деятельности органов и должностных лиц.

Политическая конкуренция в широком смысле возникает между субъектами (участниками конкуренции) по поводу власти. При этом наравне с партиями, различными политическими объединениями, отдельными кандидатами в политическую конкуренцию могут быть вовлечены органы и должностные лица, осуществляющие государственную власть, например глава государства, парламент и др., что ***предполагает прямую заинтересованность данных органов и должностных лиц в результатах конкурентной борьбы***, по итогам которой они могут как приобрести дополнительные ресурсы власти, так и лишиться ее. Регулирование политической конкуренции каким-либо органом, в том числе органом исполнительной власти, как это происходит применительно к экономическим отношениям, не может в полной мере быть признано допустимым средством защиты политической конкуренции. Это связано с тем, что государственные органы (в первую очередь органы исполнительной власти) осуществляют

функции по правоприменению в рамках отношений, участниками которых они сами являются. Исполнительная власть хоть и не вовлечена в политическую борьбу, однако *институционально находится под сильным влиянием главы государства*¹. При этом конституционные положения не позволяют говорить о том, что парламент обладает реальными правовыми механизмами контроля исполнительной ветви власти и ее деятельности. Как следует из вышеизложенного, регулирование политической конкуренции органами власти входит в противоречие с идеей регулятора как независимого во всех смыслах субъекта, который должен быть **вне рынка**, в рамках которого ведется борьба. Нахождение регулятора за пределами соответствующего рынка обеспечивает его независимость и незаинтересованность в результатах конкуренции. Антимонопольный орган в экономике, в частности, всегда находится вне товарного рынка и не может в силу своего статуса участвовать в конкурентной борьбе совместно с хозяйствующими субъектами.

Возможность отдельных органов власти в одностороннем порядке определять правила политической конкуренции затрудняет положение остальных конкурентов, которые не могут использовать средства, доступные контролирующим власть субъектам, для получения конкурентного преимущества. В этом проявляется принципиальное различие между политической и экономической конкуренцией. Лицо, получившее механизмы власти через конкурентную борьбу, может приобрести положение, которое позволит ему владеть ресурсами власти и фактически определять порядок доступа иных сил на политический рынок. Это проявляется в возможности отдельных субъектов влиять на условия политической конкуренции, например главы государства на иные ветви власти (в первую очередь на правительство) или обладающей парламентским большинством политической партии на деятельность иных фракций. Такая политическая сила получает возможность создавать формальные и неформальные препятствия иным субъектам для доступа на политический рынок, к примеру, путем введения формальных ограничений (включая законодательные в случае с партией). На это обращает внимание и С.В. Володина, по мнению которой у участвующих в политической конкуренции сторон имеется возможность в полном соответствии с установленными правилами прийти к власти для ликвидации своих прежних соперников (см.: Володина 2015: 123). Данное обстоятельство создает вызванные методологическими и политико-правовыми факторами проблемы для регулирования политического рынка, не позволяющие в полной мере проецировать на него специфику экономических

¹ Несмотря на то, что согласно ч. 1 ст. 11 Конституции РФ Президент РФ и Правительство РФ самостоятельны в осуществлении государственной власти, ряд факторов свидетельствуют о сильном влиянии главы государства на Правительство РФ. Так, Президент РФ вправе председательствовать на заседаниях Правительства РФ (п. «б» ст. 83 Конституции РФ), участвовать в формировании Правительства РФ (п. «б.1» ст. 83 Конституции РФ), освобождать от должности Председателя Правительства РФ (ч. 2 ст. 111 Конституции РФ). Правительство РФ осуществляет исполнительную власть под общим руководством Президента РФ (ч. 1 ст. 110 Конституции РФ), Председатель Правительства РФ несет персональную ответственность перед главой государства за осуществление возложенных на Правительство РФ полномочий (ст. 113 Конституции РФ).

отношений, что предопределяет необходимость поиска *дополнительных возможностей для правовой защиты политической конкуренции.*

Существующие органы власти как регуляторы политического рынка. Одним из способов защиты политической конкуренции могло бы стать признание *в качестве регулятора* какого-либо из существующих на политической арене субъектов. Данный субъект должен соответствовать как минимум двум критериям: *во-первых, быть отстраненным от политического рынка*, то есть прямо не участвовать в политической борьбе и не быть заинтересованным в ее результатах, а *во-вторых, быть независимым в принятии публично-властных решений.*

Конституционные положения создают основу для признания главы государства – Президента РФ – субъектом, который наделен функциями политического арбитража и выступает в качестве гаранта Конституции РФ (ч. 2 ст. 80 Конституции РФ). Однако конституционная модель власти в России не позволяет реализовать эту теоретическую конструкцию. Занимая центральное место в системе публичной власти, Президент РФ непосредственно участвует в политической борьбе, а также обладает широким объемом властных полномочий и механизмов одностороннего влияния на политику, что прежде всего проявляется в его взаимоотношениях с законодательной и исполнительной ветвями власти. Это означает, что в текущих условиях говорить об отстраненности главы государства от политического рынка не представляется возможным. В связи с этим при определении потенциального регулятора из числа существующих на политической арене субъектов ключевым вопросом будет являться обеспечение его нейтральности и незаинтересованности в результатах конкуренции.

На наш взгляд, в ограниченной степени функции «антимонопольного» органа на политической арене могла бы осуществлять **Центральная избирательная комиссия РФ** (далее – ЦИК РФ) и иные избирательные комиссии, тем более что они действительно принимают непосредственное участие в обеспечении соблюдения правил политической конкуренции, хоть и исключительно в рамках избирательных процедур. Например, на ЦИК РФ может быть возложено осуществление правовой экспертизы законопроектов по вопросам избирательного законодательства и вынесение подлежащих опубликованию правовых заключений по ним. С другой стороны, избирательные комиссии и сейчас играют некоторую роль в правовом обеспечении электоральной конкуренции. Так, согласно ч. 4 ст. 208 Кодекса административного судопроизводства РФ, ЦИК РФ (как и региональные и муниципальные избирательные комиссии) может обратиться в суд с иском о признании акта по вопросам реализации избирательных прав не действующим полностью или в части в случае, если полагает, что оспариваемый нормативный правовой акт не соответствует иному нормативному правовому акту, имеющему большую юридическую силу, нарушает избирательные права граждан либо компетенцию избирательной комиссии (Кодекс административного судопроизводства РФ № 21-ФЗ, 2015: ст. 204, ч. 4). Кроме этого, ЦИК РФ может давать заключения о соответствии законов и иных нормативных правовых актов субъектов РФ Федеральному

закону «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и иным федеральным законам, регулирующим избирательные права и право на участие в референдуме граждан России (см.: Федеральный закон № 67-ФЗ, 2002: ст. 21, ч. 14). Однако данные меры не являются системными и касаются лишь точечного реагирования на возможные нарушения избирательного законодательства. Существенной проблемой остается и то, что действующий порядок формирования избирательных комиссий отражает их непосредственную связь с органами власти, в избрании которых данные комиссии принимают участие в качестве организаторов выборов. Это касается и порядка формирования ЦИК РФ – назначение Президентом РФ, Государственной думой РФ и Советом федерации РФ по 5 членов в состав ЦИК РФ (см.: Федеральный закон № 67-ФЗ, 2002: ст. 21, ч. 4), который не дает оснований полагать, что в условиях неконкурентного политического рынка такой орган может быть объективной и нейтральной стороной, заинтересованной в установлении баланса на политической арене.

Другим субъектом, потенциально способным выступать в качестве регулятора политической конкуренции, является *парламент – Федеральное собрание РФ*. При этом в контексте политической конкуренции точнее говорить именно о нижней палате парламента, то есть о **Государственной думе РФ**, формируемой путем выборов и преимущественно по партийному принципу. Избираемый парламент является основным местом, в рамках которого оппозиция, определяемая через категорию парламентского меньшинства, может стать властью, используя установленные формальные процедуры. Даже имеющие незначительные ресурсы участники политической конкуренции (при условии, что они смогли преодолеть процентный барьер и быть представленными в парламенте) получают возможности для реализации собственных политических целей и программ. Хотелось бы отметить, что в политической системе парламент представлен в двух формах: с одной стороны, как самостоятельный субъект и один из элементов системы разделения властей (например, в вопросах взаимоотношения с правительством и главой государства), а с другой – как место, в рамках которого различные политические силы конкурируют между собой для сохранения и укрепления своей политической позиции.

Это обеспечивает непрерывность конкуренции внутри самого парламента, что может свидетельствовать о непосредственной заинтересованности законодательной ветви власти в конкурентном политическом поле. Однако следует указать, что в формируемом на партийной основе парламенте не исключено возникновение *доминирующих субъектов* (по аналогии с экономикой, где доминирующим считается положение, при котором субъект занимает более 50% доли на рынке¹), то есть партий, получивших

¹ Согласно положениям антимонопольного законодательства хозяйствующий субъект является доминирующим, если его доля на рынке превышает 50%, если антимонопольный орган не установит обратное. Кроме этого, доминирующим может быть положение при доле на рынке более чем 40%, если это будет установлено антимонопольным органом (см.: Федеральный закон № 135-ФЗ, 2006: ст. 5, ч. 1, 2).

достаточное количество мест для самостоятельного контроля ключевых сторон работы парламента, и в первую очередь его законодательной деятельности. В экономике такое положение дает доминирующему субъекту следующие возможности: 1) оказывать решающее влияние на общие условия обращения товара на товарном рынке; 2) устранять с товарного рынка других хозяйствующих субъектов или 3) затруднять им доступ на этот рынок. В политической же сфере наличие абсолютного большинства, то есть более 50% мест в парламенте, а в некоторых случаях квалифицированного большинства (2/3 мест) также можно признать доминирующим положением. Доминирующее положение, в частности, занимает партия «Единая Россия» в Государственной думе РФ¹, партия «Нур Отан» в нижней палате парламента (мажилисе) Республики Казахстан, партия «Фидес – Венгерский гражданский союз» в Национальном собрании Венгрии.

В политике доминирующее положение *позволяет субъекту использовать законотворчество в собственных интересах*, поскольку повлиять на результаты голосования ни одна другая сила институционально неспособна. Кроме этого, злоупотребление доминирующим положением может выражаться в использовании административного ресурса или в воспрепятствовании осуществлению другими политическими силами своих полномочий. Например, путем блокирования инициатив о возбуждении парламентских расследований, что приобретает актуальность в условиях, когда законодательные механизмы не позволяют меньшинству инициировать такие процедуры. Так, если в Российской Федерации решение о проведении парламентского расследования может быть принято в случае, если за него проголосовало большинство от общего числа членов Совета федерации или депутатов Государственной думы (см.: Федеральный закон № 196-ФЗ, 2005: ст. 8, ч. 4), то согласно ст. 44 Конституции Германии бундестаг обязан учредить следственную комиссию, которая займется сбором необходимых доказательств на открытых или закрытых заседаниях, по предложению 1/4 членов бундестага (см.: Основной закон..., 1949: ст. 44). Очевидно, что представляющая парламентское большинство политическая сила не заинтересована в создании условий, при которых она может потерять свое положение, что приводит к постоянному воспроизводству неконкурентного политического рынка. В.И. Крусс справедливо отмечает, что под контролем политической партии, злоупотребляющей своим доминирующим положением, законотворчество может осуществляться вопреки обеспечению политической конкуренции (см.: Крусс 2007: 677). Такая ситуация приводит к нарушению необходимого для функционирования парламента баланса интересов всех представленных в нем политических сил.

В современном мире устоявшейся практикой обеспечения конструктивных взаимоотношений между большинством и меньшинством в парламенте является *признание статуса прав парламентского меньшинства*

¹ Данная политическая сила занимает доминирующее положение в Государственной думе начиная с 2003 г. в течение пяти созывов (с четвертого по восьмой созыв включительно).

(парламентской оппозиции). В некоторых европейских парламентах у меньшинства имеются определенные конституционные гарантии, позволяющие ему влиять на ключевые стороны парламентской деятельности. Например, ст. 6 Конституции Чехии содержит принцип, согласно которому «при принятии решений большинством обеспечивается защита прав меньшинства» (Конституция Чешской Республики, 1993: ст. 6). В соответствии с ч. 5 ст. 48 Конституции Франции «один день пленарных заседаний в месяц отводится повестке дня, принятой каждой палатой по инициативе оппозиционных фракций соответствующей палаты, а также миноритарных групп» (Конституция Франции, 1958: ст. 48, ч. 5). В ряде стран принцип защиты интересов меньшинства реализуется в конкретных процедурах, связанных с законотворческим процессом. Так, в соответствии со ст. 41 Конституции Дании 2/5 членов фолькетинга (парламента Дании) могут потребовать, чтобы третье (и последнее) слушание по законопроекту было отложено на срок до 12 рабочих дней для того, чтобы дать возможность провести публичные дебаты по рассматриваемому законопроекту (см.: Конституция Дании, 1953: ст. 41). При этом не позднее трехнедельного срока после принятия законопроекта парламентом Дании 1/3 депутатов может обратиться к председателю парламента с требованием о проведении референдума по данному законопроекту. Не вызывает сомнений, что гарантии учета мнения меньшинства позитивно влияют как на уровень партийной конкуренции в парламенте, так и на качество парламентской деятельности в целом. В таких условиях избранные населением в законодательный орган политические партии, не получившие возможности сформировать парламентское большинство, не оказываются статистами в решении важнейших для государства политических вопросов.

На основе парламентской практики зарубежных стран можно сделать вывод о том, что наличие институциональных механизмов защиты интересов политического меньшинства непосредственным образом влияет на самостоятельность парламента, что отражается и на всей системе сдержек и противовесов. Поэтому важным фактором, свидетельствующим о невозможности признания российского парламента в качестве регулятора политической конкуренции, выступает *существующая зависимость Федерального собрания от главы государства*, который обладает широкими возможностями влияния на законодательную ветвь власти¹. Следует отметить,

¹ Конституция РФ содержит ряд положений, позволяющих главе государства ограничивать самостоятельность парламента (причем как нижней палаты, так и верхней): возможность роспуска Государственной думы РФ после трехкратного отклонения ею представленных на утверждение кандидатур Председателя Правительства РФ (Конституция Российской Федерации, 1993: ст. 111, ч. 4), право главы государства обратиться в Конституционный суд РФ для проверки конституционности отклоненного им федерального закона после преодоления палатами Федерального собрания РФ президентского вето (Конституция Российской Федерации, 1993: ст. 107, ч. 3), право назначения в Совет федерации РФ не более 30 представителей, из которых не более семи могут быть назначены пожизненно (Конституция Российской Федерации, 1993: ст. 95, ч. 2, п. «в»), и т.д.

что конституционная модель власти в России не способствует формированию реального парламентаризма, основой которого, в частности, является институциональный баланс в системе разделения властей. Такой баланс мог бы быть обеспечен, например, мерами влияния парламента на определенные действия главы государства или путем ограничения возможностей одностороннего влияния президента на парламент. Ярким примером этого служат Соединенные Штаты Америки, где, несмотря на президентскую форму правления, наделяющую главу государства широкими полномочиями, его реальные возможности воздействия на парламент весьма ограничены. Так, президент не обладает правом роспуска палат конгресса США, что является элементом обеспечения независимости и самостоятельности парламента в рамках президентской республики.

Выводы. Ключевой гарантией существования политической конкуренции выступает заинтересованность в ней лиц, которые являются ее непосредственными участниками и статус которых напрямую зависит от результатов конкурентной борьбы. Между тем на несформированном политическом рынке может возникнуть ситуация, когда у контролирующих ключевые политические процессы субъектов отсутствует интерес к развитию конкуренции, поскольку в условиях свободной борьбы они могут частично или полностью лишиться власти. Данная проблема становится особенно актуальной в случае, когда конституционная модель власти не способствует созданию конкурентных начал в политической сфере. В подобных условиях возникает необходимость поиска правовых средств, призванных защитить политическую конкуренцию от недобросовестной конкуренции и монополизма *путем установления институциональных гарантий* поддержания баланса на политической арене.

В экономике контролирующее соблюдение правил конкуренции субъект (регулятор) находится вне товарного рынка, а допустимые правила конкуренции определяются законодателем. Это создает такую модель взаимоотношений, где интересы конкурентов, регулятора и определяющего правила конкуренции субъекта не пересекаются, благодаря чему конкуренция становится наиболее эффективным способом удовлетворения потребностей участников рыночного обмена. Иная ситуация складывается в политической сфере, где на сам процесс достижения блага, за которое ведется борьба, могут влиять участники конкуренции. Так, *некоторые субъекты могут быть частью политического рынка* и в то же время *определять правила конкуренции* прежде всего путем создания формальных и неформальных ограничений для остальных участников конкурентной борьбы.

С учетом вышеизложенного представляется возможным выделить следующие свойства, которые должны быть присущи потенциальному регулятору политической конкуренции:

1. наличие формальных оснований для признания регулятором (закрепленная нормативным актом компетенция, возможность принятия мер властного реагирования и применения форм ответственности);
2. юридическая, политическая, финансовая и прочие виды независимости от иных субъектов;

3. отсутствие прямой заинтересованности в результатах политической борьбы. Это существенно ограничивает перспективу рассмотрения в качестве регуляторов политической конкуренции субъектов, которые в силу своего конституционно-правового статуса обладают реальными возможностями воздействия на политический рынок;

4. неоспоримая легитимность, основанная на признании со стороны общества возможности участия данного субъекта в регулировании политического рынка. Следует оговориться, что данное свойство не несет в себе правового содержания, поскольку является преимущественно политологической категорией, тем не менее ряд исследователей указывает на важность его учета. Так, Ю.А. Нисневич отмечает, что для достижения эффективности система государственной власти «должна согласованно проводить единую и в достаточной мере положительно воспринимаемую обществом государственную политику» (Нисневич 2009а: 7).

Приведенные выше свойства, вне всяких сомнений, не являются исчерпывающими. Необходимо отдельное исследование пределов регулирования политической сферы, анализ проблем юридической ответственности за нарушение правил политической конкуренции и т.д. Кроме того, требуется проведение *комплексного методологического и политико-правового анализа самого предмета регулирования*. Следует признать, что на сегодняшний день в юридической науке отсутствует понимание правовой природы и содержания не только политической конкуренции, но и таких связанных с ней категорий (конструкций), как «политический рынок», «недобросовестная политическая конкуренция», «политический монополизм», «доминирующее положение» и др.

С правовой точки зрения социальная полезность и эффективность регулирования политической конкуренции зависят от определения оптимальной модели правового воздействия на политический рынок. При анализе перспективы регулирования политической конкуренции необходимо опираться на объективные признаки и закономерности, **отличающие конкурентную борьбу в политике от борьбы на товарном рынке**. Так, следует рассматривать *власть как особый объект конкурентной борьбы*, который, в отличие от объекта на товарном рынке, не имеет стоимостной оценки; *обмен*, выступающий ключевым признаком товарного рынка, в политике *является условным понятием и не обладает универсальностью*; на политическом рынке отсутствуют выработанные подходы *к оценке доминирующего положения* и т.д. Важно понимать, что далеко не все политические отношения, в том числе возникающие в рамках конкурентной борьбы, регламентируются правом или опосредованы им. Это объясняется стихийностью самого феномена конкуренции, во многом обусловленной неопределенностью исхода соревновательного процесса. В связи с этим *реальная политическая конкуренция, на наш взгляд, лишь частично может быть обеспечена правовыми средствами*, что не исключает использования имеющихся возможностей для формирования комплексного подхода к юридической защите прав и интересов всех участников политических отношений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Афонцев С.А. 2014. Политические рынки и экономическая политика. Москва : Ленанд. 380 с.
- Бурдые П. 1993. Социология политики : пер. с фр. / сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. Москва : Socio-Logos. 336 с.
- Васильева С.В. 2012. Политическая конкуренция в теории и действии: к вопросу о сложности ее правовых оценок // Сравнительное конституционное обозрение. № 1. С. 16-24.
- Вебер М. 2016. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии : В 4 т. / сост., общ. ред. и предисл. Л.Г. Ионина. Москва : Издат. дом Гос. ун-та – Высш. шк. экономики. 445 с.
- Володина С.В. 2015. Многопартийность как основа конституционного строя России : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов. 180 с.
- Гэлбрейт Д.К. 1976. Экономические теории и цели общества. Москва : Прогресс. 408 с.
- Дилигенский Г.Г. 2000. О политическом рынке и рациональном выборе в российских условиях // Полис. Политические исследования. № 2. С. 105-107.
- Каплан Б. 2012. Миф о рациональном избирателе: почему демократии выбирают плохую политику / пер. с англ. Д. Горбатенко ; под ред. А. Куряева. Москва : ИРИСЭН : Мысль. 368 с.
- Кинзерская И.Л. 2009. Влияние электоральных институтов и практик на развитие политической конкуренции в России : дис. ... канд. полит. наук. Санкт-Петербург. 192 с.
- Крусс В.И. 2007. Теория конституционного правопользования. Москва : Норма. 752 с.
- Макарин А.В. 2016. Политическая конкуренция vs политическая стабильность в современной России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. Политология. Международные отношения. № 1. С. 28-39.
- Масленникова С.В. 2012. Политическая конкуренция как приоритетная сфера конституционной регуляции // Развитие России и конституционное строительство: теория, методология, проектирование : материалы Всерос. науч. конф. / ред. С.С. Сулакшин и др. Москва : Науч. эксперт. С. 260-266.
- Модель И.М., Привалов Н.Г. 2004. Политическая партия в поле квазирынка: (к постановке проблемы) // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. Екатеринбург. Вып. 4. С. 203-226.
- Нежданов Д.В., Русакова О.Ф. 2011. «Политический рынок» как системообразующая метафора современного политологического дискурса // Полис. Политические исследования. № 4. С. 158-170.
- Нисневич Ю.А. 2009а. Роль конкуренции в обеспечении социально-политической стабильности и подавлении коррупции // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Политология. № 3. С. 5-17.
- Нисневич Ю.А. 2009б. Свобода и конкуренция или коррупция? : препринт WP14/2009/01. Москва : Издат. дом Гос. ун-та – Высш. шк. экономики. 68 с.
- Обухов Д.В. 2011а. Политическая конкуренция и политический рынок в пространстве социальной реальности // Теория и практика общественного развития. № 4. С. 38-40.
- Обухов Д.В. 2011б. Политический рынок современной России // Теория и практика общественного развития. № 5. С. 65-67.
- Олейнов А.Г. 2009. Политический процесс сквозь призму экономической науки: комплексный подход // Полис. Политические исследования. № 4. С. 53-71.

Оспанов Т.А. 2015. Политическая конкуренция в России: конституционно-правовые аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. Москва. 265 с.

Радаев В.В. 2006. Что такое рынок: экономико-социологический подход // Экономическая социология. № 5. С. 14-27.

Совместные руководящие принципы Венецианской комиссии и БДИПЧ/ОБСЕ по регулированию деятельности политических партий. 2-е изд. (Guidelines on Political Party Regulation, 2nd ed.), от 14 декабря 2020 г. № CDL-AD (2020) 032. 92 с. URL: [www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD\(2020\)032-e](http://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD(2020)032-e) (дата обращения: 15.12.2021).

Шилов В.Н. 2013. Управление политической конкуренцией в современной России // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Via in tempore. История. Политология. № 25 (144). С. 167-174.

Barro R. 1973. The control of politicians: An economic model // Public Choice. Vol. 14. P. 19-42.

Biezen I. van, Rashkova E.R. 2014. Deterring new party entry? The impact of state regulation on the permeability of party systems // Party Politics. Vol. 20, iss. 6. P. 890-903. DOI 10.1177/1354068812458616

Bischoff C.S. 2006. Political competition and contestability – A study of the barriers to entry in 21 democracies. Florence, European University Institute. EUI PhD theses, Department of Political and Social Sciences. 384 p. URL: <http://hdl.handle.net/1814/7031> (дата обращения: 15.12.2021).

Diamond L.J. 2002. Thinking About Hybrid Regimes // Journal of Democracy. Vol. 13, iss. 2. P. 21-35. DOI 10.1353/jod.2002.0025

Giebler H. et al. 2021. The changing meaning of left and right: supply – and demand-side effects on the perception of party positions / H. Giebler, T.M. Meyer, M. Wagner // Journal of Elections, Public Opinion and Parties. Vol. 31, iss. 2. P. 243-262. DOI 10.1080/17457289.2019.1609001

Gross D.A., Goidel R.K. 2003. The states of campaign finance reform. Columbus : Ohio State Univ. Press. 208 p.

Khemani S. 2017. Demand and Supply Curves in Political Markets: Understanding the Problem of Public Goods and Why Governments Fail Them / World Bank. Washington, DC. 56 p. (Policy Research Working Paper ; № 8213). URL: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/28548> License: CC BY 3.0 IGO (дата обращения: 15.12.2021).

O'Cass A. 1996. Political Marketing and the Marketing Concept // European Journal of Marketing. № 30 (10/11). P. 37-53. DOI 10.1108/03090569610149782

Stigler G.J. 1972. Economic Competition and Political Competition // Public Choice. Vol. 13, iss. 1. P. 91-106. DOI 10.1007/BF01718854

Wheatley J., Mendez F. 2021. Reconceptualizing Dimensions of Political Competition In Europe: A Demand-side Approach // British Journal of Political Science. Vol. 51, iss. 1. P. 40-59.

Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года). URL: <https://base.garant.ru/10103000/> (дата обращения: 10.03.2021).

Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 10. Ст. 1391.

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1. Ст. 1.

Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ) от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 24. Ст. 2253.

Федеральный закон от 27 декабря 2005 г. № 196-ФЗ «О парламентском расследовании Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 1. Ст. 7.

Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31. Ст. 3434.

Конституционный акт Дании 1953 года // Официальный сайт парламента Дании (фолькетинга) (английская версия). URL: <https://www.thedanishparliament.dk/en/democracy/the-constitutional-act-of-denmark> (дата обращения: 15.12.2021).

Конституция Чешской Республики 1993 г. (в ред. конституционных законов № 347/1997 Sb., 300/2000 Sb., 448/2001 Sb., 395/2001 Sb., 515/2002 Sb., 319/2009 Sb., 71/2012 Sb. и 98/2013 Sb) // Официальный сайт Палаты депутатов парламента Чешской Республики (английская версия). URL: public.psp.cz/en/docs/laws/constitution.html (дата обращения: 15.12.2021).

Конституция Франции 1958 г. (в ред. Конституционного закона от 23 июля 2008 г. № 724) // Официальный сайт Конституционного совета Франции (английская версия). URL: <https://www.conseil-constitutionnel.fr/en/constitution-of-4-october-1958> (дата обращения: 15.12.2021).

Основной закон для Федеративной Республики Германия 1949 г. (с учетом поправок к Основному закону от 29 сентября 2020 г.) // Официальный сайт Федерального министерства юстиции и защиты прав потребителей Германии (английская версия). URL: www.gesetze-im-internet.de/englisch_gg/englisch_gg.html#p0210 (дата обращения: 15.12.2021).

References

Afontsev S.A. *Political markets and economic policy*, Moscow, Lenand, 2014, 380 p. (in Russ.).

Barro R. The control of politicians: An economic model, *Public Choice*, 1973, vol. 14, pp. 19-42.

Biezen I. van, Rashkova E.R. Deterring new party entry? The impact of state regulation on the permeability of party systems, *Party Politics*, 2014, vol. 20, iss. 6, pp. 890-903. DOI 10.1177/1354068812458616

Bischoff C.S. *Political competition and contestability – A study of the barriers to entry in 21 democracies*. Florence, European University Institute. EUI PhD theses, Department of Political and Social Sciences, 2006, 384 p., available at: <http://hdl.handle.net/1814/7031> (accessed December 15, 2021).

Basic Law for the Federal Republic of Germany, 1949. (Amended by the Basic Law of September 29, 2020), Official website of the German Federal Ministry of Justice and Consumer Protection (English version), available at: www.gesetze-im-internet.de/englisch_gg/englisch_gg.html#p0210 (accessed December 15, 2021).

Bourdieu P. *Sociology of Politics*, Moscow, Socio-Logos, 1993, 336 p. (in Russ.).

Caplan B. *The Myth of the Rational Voter: Why Democracies Choose Bad Policies*, Moscow, IRISEN, Mysl', 2012, 368 p. (in Russ.).

Code of Administrative Procedure of the Russian Federation of No. 21-FZ dated March 08, 2015, *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*, 2015, no. 10, art. 1391. (in Russ.).

Code of the Russian Federation on Administrative Offences of December 30, 2001 No. 195-FZ, *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*, 2002, no. 1, art. 1. (in Russ.).

Constitution of the Czech Republic 1993 (Amended by Constitutional Acts No. 347/1997 Sb., 300/2000 Sb., 448/2001 Sb., 395/2001 Sb., 515/2002 Sb., 319/2009 Sb., 71/2012 Sb. and 98/2013 Sb.), Official website of the Chamber of Deputies of the Parliament of the Czech Republic, available at: public.psp.cz/en/docs/laws/constitution.html (accessed December 15, 2021).

Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993), available at: https://base.garant.ru/10103000/ (accessed March 10, 2021). (in Russ.).

Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ of June 13, 1996, *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*, 1996, no. 25, art. 2954. (in Russ.).

Diamond L.J. Thinking About Hybrid Regimes, *Journal of Democracy*, 2002, vol. 13, iss. 2, pp. 21-35. DOI 10.1353/jod.2002.0025

Diligenskiy G.G. On the Political Market and Rational Choice in Russian Conditions, *Polis. Political Studies*, 2000, no. 2, pp. 105-107. (in Russ.).

Federal Law No. 135-FZ of July 26, 2006 "On Protection of Competition", *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*, 2006, no. 31, art. 3434. (in Russ.).

Federal Law No. 196-FZ of December 27, 2005 "On Parliamentary Investigation of the Federal Assembly of the Russian Federation", *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*, 2006, no. 1, art. 7. (in Russ.).

Federal Law No. 67-FZ of June 12, 2002 "On Basic Guarantees of Electoral Rights and the Right of Citizens of the Russian Federation to Participate in a Referendum", *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*, 2002, no. 24, art. 2253. (in Russ.).

Galbraith J.K. *Economics and the Public Purpose*, Moscow, Progress, 1976, 408 p. (in Russ.).

Giebler H., Meyer T.M., Wagner M. The changing meaning of left and right: supply – and demand-side effects on the perception of party positions, *Journal of Elections, Public Opinion and Parties*, 2021, vol. 31, iss. 2, pp. 243-262. DOI 10.1080/17457289.2019.1609001

Gross D.A., Goidel R.K. *The states of campaign finance reform*, Columbus, Ohio State Univ. Press, 2003, 208 p.

Joint Guidelines of the Venice Commission and OSCE/ODIHR on Political Party Regulation, adopted by the Venice Commission at its 125th Plenary online session (11-12 December 2020), CDL-AD (2020)032-e, 92 p., available at: www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD(2020)032-e (accessed December 15, 2021). (in Russ.).

Khemani S. *Demand and Supply Curves in Political Markets: Understanding the Problem of Public Goods and Why Governments Fail Them*, World Bank, Washington, DC, 2017, 56 p. (Policy Research Working Paper ; № 8213), available at: https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/28548 License: CC BY 3.0 IGO (accessed December 15, 2021).

Kinzerskaya I.L. *The Influence of Electoral Institutions and Practices on the Development of Political Competition in Russia: dissertation*, St.-Petersburg, 2009, 192 p. (in Russ.).

Kruss V.I. *The Theory of Constitutional Legal Use*, Moscow, Norma, 2007, 752 p. (in Russ.).

Makarin A.V. Political Competition and Political Stability in Contemporary Russia, *Vestnik of Saint Petersburg University. Political Science. International Relations*, 2016, no. 1, pp. 28-39. (in Russ.).

Maslennikova S.V. Political Competition as a Priority Area of Constitutional Regulation, S.S. Sulakshin et al. (eds.) *Razvitie Rossii i konstitutsionnoe stroitel'stvo: teoriya, metodologiya, proektirovanie : materialy Vseros. nauch. konf.*, Moscow, Nauchniy ekspert, 2012, pp. 260-266. (in Russ.).

Model I.M., Privalov N.G. Political Party in the Field of the Quasimarket: (to the Formulation of the Problem), *Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*, Yekaterinburg, 2004, Iss. 4, pp. 203-226. (in Russ.).

Nezhdanov D.V., Rusakova O.F. “Political Market” as a Backbone Metaphor of Modern Political Science Discourse, *Polis. Political Studies*, 2011, no. 4, pp. 158-170. (in Russ.).

Nisnevich Yu.A. *Freedom and Competition or Corruption?* : preprint WP14/2009/01, Moscow, Izdatel'skiy dom Gosudarstvennogo universiteta – Vysshey shkoly ekonomiki, 2009, 68 p. (in Russ.).

Nisnevich Yu.A. The Role of Competition in Ensuring Socio-Political Stability and Suppressing Corruption, *RUDN Journal of Political Science*, 2009, no. 3, pp. 5-17. (in Russ.).

Obukhov D.V. Political Market of Modern Russia, *Theory and Practice of Social Development*, 2011, no. 5, pp. 65-67. (in Russ.).

Obukhov D.V. Vladimirovich Political Competition and Political Market in Space of Social Reality, *Theory and Practice of Social Development*, 2011, no. 4, pp. 38-40. (in Russ.).

O'Cass A. Political Marketing and the Marketing Concept, *European Journal of Marketing*, 1996, no. 30 (10/11), pp. 37-53. DOI 10.1108/03090569610149782

Oleynov A.G. Political Process Through the Prism of Economic Science: an Integrated Approach, *Polis. Political Studies*, 2009, no. 4, pp. 53-71. (in Russ.).

Ospanov T.A. *Political Competition in Russia: Constitutional and Legal Aspects: dissertation*, Moscow, 2015, 265 p. (in Russ.).

Radaev V.V. What is a Market: Economic and Sociological Approach, *Journal of Economic Sociology*, 2006, no. 5, pp. 14-27. (in Russ.).

Shilov V.N. Management of political competition in modern Russia, *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Via in tempore. Istoriya. Politologiya*, 2013, no. 25(144), pp. 167-174. (in Russ.).

Stigler G.J. Economic Competition and Political Competition, *Public Choice*, 1972, vol. 13, iss. 1, pp. 91-106. DOI 10.1007/BF01718854

The Danish Constitutional Act of 1953, Official website of the Danish Parliament (Folketinget) (English version), available at: <https://www.thedanishparliament.dk/en/democracy/the-constitutional-act-of-denmark> (accessed December 15, 2021).

The French Constitution of 1958. (Amended by Constitutional Law No. 724 of July 23, 2008), Official website of the Constitutional Council of France, available at: <https://www.conseil-constitutionnel.fr/en/constitution-of-4-october-1958> (accessed December 15, 2021).

Vasilyeva S. Political competition in theory and action: issues of the difficulty of its legal assessment, *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie (Comparative Constitutional Review)*, 2012 no. 1, pp. 16-24. (in Russ.).

Volodina S.V. *The Multiparty System as the Basis of the Constitutional System of Russia: Dissertation*, Saratov, 2015, 180 p. (in Russ.).

Weber M. *Economy and society*, Moscow, Izdatel'skiy dom Gosudarstvennogo universiteta – Vysshey shkoly ekonomiki, 2016, 445 p. (in Russ.).

Wheatley J., Mendez F. Reconceptualizing Dimensions of Political Competition In Europe: A Demand-side Approach, *British Journal of Political Science*, 2021, vol. 51, iss. 1, pp. 40-59.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Норик Ашотович Галстян

аспирант Аспирантской школы по праву Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» г. Москва, Россия;
ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5738-8892>;
ResearcherID: AAB-3774-2022;
SPIN-код: 2199-6279;
E-mail: ngalstyan@hse.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Norik A. Galstyan

Graduate student, Doctoral School of Law, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia;
ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5738-8892>;
ResearcherID: AAB-3774-2022;
SPIN-код: 2199-6279;
E-mail: ngalstyan@hse.ru



Фишман Л.Г. Антивакцинаторские настроения в России: уникальное мракобесие или выдающаяся постправда? DOI 10.17506/26867206_2022_22_2_62 // Антиномии. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 62–72.

УДК 32:316.776

DOI 10.17506/26867206_2022_22_2_62

Антивакцинаторские настроения в России: уникальное мракобесие или выдающаяся постправда?

Леонид Гершевич Фишман

Институт философии и права Уральского отделения РАН

г. Екатеринбург, Россия

E-mail: lfishman@yandex.ru

Поступила в редакцию 14.02.2022, поступила после рецензирования 20.04.2022, принята к публикации 25.04.2022

В статье предпринята попытка выявить причины выдающихся масштабов антивакцинаторства и ковид-диссидентства в России. Доказывается, что данный феномен не может быть адекватно осмыслен как всплеск мракобесия. Гораздо более резонно вести речь о ситуации глобального распространения сугубо современного феномена постправды. Автор описывает сложившуюся ситуацию постправды, которая характеризуется релятивизацией экспертного знания в общественном сознании, уравниванием его авторитетности с альтернативными источниками. В результате происходит относительное повышение статуса ранее маргинализированных источников альтернативно-экспертного знания. Подобная радикальная «демократизация» научного (экспертного) знания ведет к тому, что, опираясь на мнение нравящихся ему экспертов, каждый формирует свою позицию, избегая при этом упрека в маргинальности. Россия уникальна тем, что здесь еще до пандемии, в течение 2000-х гг., сложилась общая установка «у каждого своя правда» и выбор правды зависит от групповых предпочтений и текущих потребностей. Множественность и де-факто равнозначная легитимность противоречащих друг другу моральных оценок, правовых стандартов, идеологических суждений и т.д. стали нормой российской общественной жизни. Россия зашла по пути постправды дальше прочих, поскольку встала на него раньше. В статье показано, что пребывание в ситуации постправды по разным причинам комфортно и для власти, и для российского общества. Таким образом, ко времени пандемии способность значительной части россиян вырабатывать единую позицию в вопросах, касающихся общих интересов и целей, оказалась слишком ослабленной, чтобы противостоять бурному расцвету антивакцинаторства и ковид-диссидентства.



© Фишман Л.Г., 2022

Ключевые слова: мракобесие, постправда, антивакцинаторство, ковид-диссидентство, COVID-19

Благодарности: Статья подготовлена в рамках работы по гранту РФФИ № 20-04-60337 «Оптимизация социально-экономических принципов регуляции современных обществ в контексте последствий коронавирусной пандемии».

Anti-Vaccination Sentiments in Russia: Unique Obscurantism or Outstanding Post-Truth?

Leonid G. Fishman

Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Yekaterinburg, Russia

E-mail: lfishman@yandex.ru

Received 14.02.2022, revised 20.04.2022, accepted 25.04.2022

Abstract. The article attempts to identify the reasons for the acceptance of anti-vaccination and covid-dissidence by the outstanding proportions of people in Russia. The author argues that this phenomenon cannot be adequately interpreted as an outburst of obscurantism. It is more reasonable to consider the situation in the light of the global spread of a purely modern post-truth phenomenon. Current post-truth situation is described. It is characterized by the relativization of expert knowledge in the public mind, equalizing its authority with the authority of alternative sources of judgment on certain issues. As a result, there is a relative rise in the status of previously marginalized sources of alternative expert knowledge. Due to radical “democratization” of scientific (expert) knowledge, everyone chooses her/his position by relying on the opinion of the appealing experts, while avoiding the reproach of marginality. The uniqueness of Russia lies in the fact that even before the pandemic, in the 2000s, a general mindset was formed in a way that “everyone has their own truth”, which depends on group preferences and current needs. The plurality and de facto equivalent legitimacy of conflicting moral assessments, legal standards, ideological judgments, etc. became the norm of Russian public life. Russia has moved on the path of post-truth further than others, since it embarked on it earlier. The author shows that being in a post-truth situation is comfortable for various reasons for both authorities and society. Thus, by the time of the pandemic, the ability of a significant part of Russian society to develop a unified position on issues related to common interests and goals was too weakened in order to withstand the rapid flourishing of anti-vaccination and covid dissidence.

Keywords: obscurantism; post-truth; anti-vaccination; covid-dissidence; COVID-19

Acknowledgements: The article was prepared within the framework of the RFBR grant No. 20-04-60337 “Optimization of socio-economic principles of regulation of modern societies in the context of the consequences of the coronavirus pandemic”.

For citation: Fishman L.G. Anti-Vaccination Sentiments in Russia: Unique Obscurantism or Outstanding Post-Truth? *Antinomies*, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 62-72. DOI 10.17506/26867206_2022_22_2_62 (in Russ.).

В России антивакцинаторство и ковид-диссидентство приобрели огромный, возможно, уникальный размах. Это стало одной из причин того, что к началу лета 2021 г. к вакцинации приступили лишь 14 млн россиян, из них примерно 10 млн сделали обе прививки. К тому времени в среднем по Евросоюзу первую прививку от COVID-19 сделали уже 33% населения, а в Израиле данный показатель перевалил за 60%¹. Даже летом, в разгар третьей волны пандемии, в России положительно относились к прививкам от COVID-19 только 30,4% населения, страна оказалась почти в самом низу списка государств, отражавшего процент позитивно относящегося к вакцинации населения, опередив ряд стран третьего мира (таких как Буркина-Фасо, Кот-д'Ивуар, Демократическая Республика Конго и др.), а также относительно скептически настроенные по отношению к вакцинации США (64,6% населения). Среди причин критического отношения к вакцинации в России на первом месте стоит вера в теории заговора – 21,4% опрошенных (см.: Solís Arce et al. 2021).

Связано ли столь массовое антивакцинаторство с тем, что население России неожиданно оказалось чрезвычайно дремучим? Действительно, часто приходится слышать «антивакцинаторство – современное мракобесие» и подобные этому утверждения, встречать на различных сайтах заголовки вроде «Дремучесть заволокла мозги десяткам миллионов россиян»: взгляд на вакцинацию и мракобесие антипрививочников², «Это геноцид, фашизм и эвтаназия»: как антипрививочники стали ядром сомнительного политического движения³. С ними резонируют высказывания академических ученых, которые уверенно описывают современный феномен в архаических терминах: «мифологический комплекс “чипирование – вакцинирование”», «эсхатологический дискурс модальности страха», «мифотеологический комплекс», «триггер эсхатологической мифологии» и т.д. (см.: Прилуцкий 2021: 115). При этом следует отметить, что фактически мракобесием называют широкий спектр воззрений и реакций – от веры в мировой заговор и чипирование до вполне здоровых сомнений в возможности в короткие сроки создать эффективную и безвредную вакцину.

Но не является ли данный подход упрощением, которое не объясняет, а скорее затемняет суть дела? Сторонникам взгляда на ковид-диссидентство как на мракобесие стоило бы задуматься над тем, что как раз в относительно отсталых странах обнаруживается очень высокая готовность вакцинироваться – около 80%. В то же время по разным причинам в России и США, странах со значительно более высоким уровнем образованности населения, желающих вакцинироваться ощутило меньше (см.: Solís Arce et al. 2021). Если мы имеем

¹ Ромашков А. Почему россияне, в отличие от европейцев, не спешат вакцинироваться? 21.05.2021. URL: <https://www.bfm.ru/news/472555> (дата обращения: 14.04.2022).

² Колесников В. «Дремучесть заволокла мозги десяткам миллионов россиян»: взгляд на вакцинацию и мракобесие антипрививочников, 06.05.2021. URL: <https://v1.ru/text/health/2021/05/06/69902594/> (дата обращения: 14.04.2022).

³ Горбунова Е. «Это геноцид, фашизм и эвтаназия»: как антипрививочники стали ядром сомнительного политического движения, 21.06.2021. URL: <https://www.fontanka.ru/2021/06/21/69982430/> (дата обращения: 14.04.2022).

дело с мракобесием, то совершенно особого вида, в значительной степени возникающим как «горе от ума». Гораздо более резонно вести речь о ситуации глобального распространения сугубо современного феномена постправды, значение которого подняла и обострила пандемия COVID-19. Тем более что распространение шумихи, преувеличений, лжи и сплетен, связываемых с понятием постправды, нередко вирусным (см.: Peters et al. 2022).

Феномен постправды обычно характеризуют, отталкиваясь от противопоставления истинного экспертного знания разного рода неистинному мнению.

Во-первых, к нему относят разного рода *сознательно* ложную информацию (disinformation), фейковые новости, используемые для достижения определенных (как правило, политических) целей. Коронавирус называют отцом всех фейков, число которых настолько велико, что официальные опровержения бессильны минимизировать их эффект (см.: Языкова 2020).

Во-вторых, постправдой называют *бессознательное*, не инспирированное специально некими корыстными агентами влияния преобладание подкрепленных эмоционально, но не рационально мнений, не совпадающих с экспертным знанием (misinformation).

Однако феномен постправды не сводится ни к первому, ни ко второму, да и не может сводиться, когда наблюдается «раздвоение экспертного сознания в отношении пандемии, что, по-видимому, характерно и для общества в целом» (Юревич и др. 2020). По мнению Т. Шелтона, «постправдивое» общество следует рассматривать как логическое следствие «общества, основанного на данных», в котором мы жили в последние годы, где индивидуализированные, деконтекстуализированные сборки данных «служат в качестве фокуса социальной и политической жизни». Когда эти деконтекстуализированные данные выводятся на первый план, мы теряем метаповествование, которое связывает эти данные в понятное целое. В отсутствие такого последовательного повествования о том, что происходит, каждая из этих якобы объективныхборок данных приводит нас к месту, где надуманные рассказы уверенных в своей правоте троллей если и не вытесняют истину полностью, то противодействуют ей (см.: Shelton 2020: 3-4). По словам С. Фуллера, постправда являет собой порождение наиболее позднего этапа секуляризации, «на котором наука сама становится мишенью, а не агентом секуляризации» (Фуллер 2021: 202). «Постистинные кампании», которые привели к Брекзиту и победе Трампа в 2017 г. на президентских выборах в США, следует рассматривать как «болезни роста постепенно созревающего демократического интеллекта, с которым экспертам со временем придется свыкнуться» (Фуллер 2021: 334-335). Постправду не следует редуцировать к «гносеологическим абстракциям» истины и лжи; более правомерно для понимания сути этого феномена обращаться «ко всему многообразию культурных ресурсов» (Попова 2018: 21). Люди, высокомерно относящиеся к мракобесным антивакцинаторам и прочим ковид-диссидентам, критикующие их за эмоциональность, склонность, будучи одурманенными пропагандой, отрицать факты ради веры (см.: Augustine 2021), игнорируют то, что так называемые мракобесы часто в неменьшей степени склонны к критическому

мышлению, чем выступающие с позиций симбиоза истины и власти эксперты. Эффективность пропаганды ковид-диссидентов во многом основана на апелляции к научному знанию, разоблачении непоследовательности, а нередко и недостоверности заявлений властей и экспертов, их откровенно манипулятивных приемов и т.д.¹

Таким образом, феномен постправды характеризуется релятивизацией экспертного знания в общественном сознании, уравниванием его авторитетности с альтернативными источниками. В результате происходит относительное повышение статуса ранее маргинализированных источников альтернативно-экспертного знания. Идеально-типическая ситуация полного торжества постправды заключается в столь радикальной «демократизации» научного (экспертного) знания, при которой каждый, опираясь на мнение нравящихся ему экспертов, формирует свою позицию, избегая при этом упрека в маргинальности. Мы можем предположить, что постправда отчасти служит заменителем отсутствующей авторитетной критической теории современного общества, подобной марксизму и социалистическим теориям. Постправда наследует от этих теорий пафос неприятия ангажированности связанного с господствующими классами экспертного знания, противопоставляя ему альтернативное и также зачастую политически ангажированное знание. Косвенным свидетельством в пользу этого предположения служит наличие корреляции между антивакцинаторскими настроениями и политическими субкультурами, являющимися или ощущающими себя маргинальными, ущемленными и испытывающими по этой причине особенно большую степень недоверия к правительству и вообще ко всему официальному. Не случайно антивакцинаторы нередко связаны с весьма специфическими политическими субкультурами, формирующимися не только по идеологическому и классовому, но и по расовому признаку (Prasad 2021: 18–20). В США антивакцинаторы в основном являются представителями правой субкультуры, в России это в значительной мере левые (коммунисты, несистемные социалисты, марксисты, анархисты и пр.)

Идеальной почвой для постправды служит ситуация пандемии. Почему так происходит? До сих пор практики постправды касались отдельных групп, стигматизированных как достойные лишь насмешек сторонники неких теорий заговора. Теперь они имеют отношение ко всему обществу, так как всех затрагивает сложившаяся констелляция властного принуждения, легитимирующих его экспертных заключений и вдохновляемого альтернативными экспертами сопротивления тому и другому. Иными словами, и раньше существовали сообщества конспирологов, антипрививочников, сторонников теории плоской Земли, альтернативной медицины и прочих теорий со своими специфическими субкультурами. Однако им не удавалось навязать свою точку зрения обществу или повысить ее статус до равноправного с экспертными суждениями. Теперь ситуация изменилась. Фе-

¹ Ковид-пандемия: взгляд ковидоскептика. URL: <https://stoppanika.ru/blog/196-kovid-pandemija-vzgljad-kovidoskeptika.html><https://stoppanika.ru/blog/196-kovid-pandemija-vzgljad-kovidoskeptika.html> (дата обращения: 14.04.2022).

номен постправды расцвел в обстоятельствах, когда определенная проблематика затронула большую часть людей по непосредственно касающимся их вопросам в ситуации ранее невиданных возможностей межличностной и массовой коммуникации. Перефразируя известное высказывание Линкольна: «Можно обманывать часть народа все время и весь народ некоторое время, но нельзя обманывать весь народ все время», скажем, что в обычной ситуации могут длительно существовать маргинальные группы со своими сомнительными истинами либо значительная часть общества может кратковременно придерживаться спорных взглядов, но невозможно постоянное пребывание всего общества в модусе постправды. В ситуации пандемии COVID-19 привычный симбиоз власти и экспертного знания неоднократно давал сбой. Это привело к изменению соотношения степени влиятельности экспертного и альтернативного ему знания, что, в свою очередь, повлекло за собой дальнейшую «демократизацию» знания и формирование еще одной компоненты «новой нормальности» – своего рода состояния постправды (по аналогии с состоянием постмодерна).

Возвратимся к исходному вопросу: почему Россия по части ковид-диссидентства и антивакцинаторства зашла ощутимо дальше многих стран, сопоставимых по уровню образованности и культуры? Обстоят ли дела с постправдой у нас принципиально иным образом и если да, то проявляется ли это в большей или в меньшей распространенности и влиятельности этого феномена? Официальная позиция часто сводится к тому, что постправда – нечто заносимое к нам извне, враждебное, нацеленное на подрыв идентичности и т.д., в то время как Россия борется против западной постправды, защищаясь от нее¹. Это верно только отчасти.

Если рассматривать веру широких масс в картину реальности, созданную пропагандой, как ситуацию торжества постправды, то, по утверждению Г. Почепцова, страной постправды был уже СССР, ибо «в СССР правда нужна была в естественных науках... Все остальные могли обойтись пропагандой, которая и признает себя единственно возможной правдой, хотя мы понимаем, что на самом деле это была пост-правда, объявлявшая всех других лжецами» (Почепцов 2018).

И все же есть основания считать, что подобное утверждение является преувеличением. Постправда предполагает не однозначное господство сколь угодно искаженной картины реальности (сперва покажите абсолютно неискаженную картину!), формируемой по заказу власти или экспертами, являющимися частью власти, а сосуществование относительно обесценившихся позиций официальных экспертов и относительно поднявшихся в цене мнений, продуцируемых альтернативными источниками экспертного знания. Поэтому периодом становления ситуации постправды в России следует считать не советскую эпоху и даже не 1990-е (которые были ареной столкновения яростно противоборствовавших полярных точек зрения), а 2000-е.

¹ Мизулина Е. Девятый вал: новая волна фейков захлестывает Рунет. О недостоверной информации в интернете. URL: https://www.gazeta.ru/column/ekaterina_mizulina/13713860.shtml (дата обращения: 14.04.2022).

В это время приобрело статус чуть ли не официальной установки прагматическое отношение к истине в вопросах истории, согласно которому историческая истина важна лишь в той степени, в которой она отвечает потребностям пропаганды, национальным интересам, способствует процветанию России, формированию «правильного исторического сознания» и пр. (Мединский 2011:43). Эпоха Путина в идейном плане по мере своего развертывания являла собой картину всевозможных компромиссов, обмана и самообмана, которые позволяли все большей части населения в идеологическом и мировоззренческом отношении существовать в параллельных мирах, в каждом из которых имелись свои глобальные и не очень глобальные истины. Прежде всего, это были миры разных российских историй. В одних из этих миров Россия вернулась на магистральный путь цивилизации, в других – провалила великую миссию, в третьих – утратила изрядную долю своей культурной идентичности и оказалась на грани окончательного исчезновения. В одних мирах распад СССР был величайшей геополитической трагедией, в других – крушением ложной идеи. Современная же Россия разными группами населения воспринималась как наследница и преемница «исторической России» и СССР (с их разными, но вместе с тем общими «национальными интересами») либо как страна победившей жажды наживы, нравственного и культурного вырождения, торжествующего мещанства и т.д. Для одних Россия была последним оплотом европейских ценностей и культуры в ее лучших проявлениях, для других – образчиком азиатской дикости, лицемерно выдаваемой за традиционные ценности, а также страной со все более авторитарным правлением при широких бытовых свободах. Многие могли уверить себя, что если не завтра, так послезавтра Россия придет к желанному для них будущему – монархическому, социалистическому, либерально-демократическому. А те, кто не мог увериться в этом, находили отдушину в неимоверном количестве издававшейся литературы об альтернативной истории и иных мирах в жанре попаданческой фантастики или ЛитРПГ. В течение последних десятилетий стали обыденностью релятивистские установки, касающиеся вопросов истории (например, Второй мировой войны, тоталитарных режимов), международной политики, культуры. Сформировалась общая установка «у каждого своя правда», и выбор правды зависел от групповых предпочтений и текущих потребностей. Множественность и де-факто «равноспасительная» легитимность противоречащих друг другу моральных оценок, правовых стандартов, идеологических суждений и т.д. стали нормой российской общественной жизни. И это не говоря уже о том, что и в далеких от политики сферах любой невзыскательный да и пытливый ум мог найти комфортную для себя картину мира и увлечения по вкусу: от альтернативных официальным научным теорий до эзотерики. Словом, пребывание в ситуации постправды было очень удобным, психологически комфортным не только для власти, но и для очень значительной части общества.

Отдельным фактором, обусловившим формирование ситуации постправды, являлась высокая степень недоверия к большей части официальных институтов и их инициативам. Например, наблюдалось едва ли не единодушие в осуждении ЕГЭ; всеобщее недовольство пенсионной реформой,

проведенной вопреки неоднократным заверениям первого лица государства в том, что ее не произойдет; ходом оптимизацией здравоохранения; притчей во языцех стала практика единоклассников не выполнять своих обещаний после выборов и т.д.

Ряд произошедших в последние годы изменений во внешней и внутренней политике, а также реакция на них власти и общества еще более усугубили описанные выше тенденции. Появились весомые основания говорить о России как о стране торжествующей постправды, в которой, к примеру, мнение президента по различным аспектам присоединения Крыма меняется по нескольку раз (см.: Дунаева 2020: 51-52), да и в целом в СМИ постправда целенаправленно генерируется на разных уровнях, что создает в глазах общества «квазикартину событий» (Балаян, Вишневский 2017: 104).

Словом, ко времени пандемии COVID-19 способность значительной части российского общества вырабатывать единую позицию в вопросах, касающихся общих интересов и целей, оказалась слишком ослабленной, чтобы противостоять бурному расцвету антивакцинаторства и ковид-диссидентства. Если борьба с ложными, по мнению экспертов, мнениями и заблуждениями требует своего рода прививок, то их эффективность напрямую зависит от степени авторитетности тех, кто пытается их сделать (Compton et al. 2021). В отечественном контексте это означает, что использование в качестве источника экспертного знания правительственных организаций, ангажированных медиков и т.д. имеет ограниченную, сомнительную эффективность ввиду того, что эти инстанции и лица сами в прошлом были замечены в насаждении картины некоей альтернативной реальности, в которой причудливо сочетаются откровенная ложь, дезинформация, пропаганда, искренняя вера в свою версию чего бы то ни было в противовес враждебной западной и т.д. (см.: Zafesova 2020).

Помимо сформировавшихся в доковидный период «системных» причин, во время пандемии у россиян появились новые причины для недоверия власти и близким ей структурам. Власть не взяла на себя ответственности за введение полного локдауна. Половинчатые и потому неэффективные карантинные меры, особенно масочно-перчаточный режим, подорвали авторитет официальных экспертов, на основании рекомендаций которых они якобы были приняты. Ряд широко растиражированных экспертных заключений представителей научно-медицинского сообщества относительно различных сторон пандемии COVID-19 в итоге не получил своего подтверждения (Щелкунов 2020:194). Не способствовали укреплению авторитета властных структур и неясности со статистикой заболеваемости и смертности, а также противоречивые заявления и действия официальных лиц, смена их позиций на диаметрально противоположные¹, что неоднократно

¹ Панькова К. Попова призвала носить маски привитых и переболевших COVID. URL: <https://vz.ru/news/2021/3/17/1089989.html> (дата обращения: 14.04.2022); Медведева К. Попова заявила, что привитые не распространяют коронавирус. URL: https://www.gazeta.ru/social/news/2021/07/09/n_16222634.shtml (дата обращения: 14.04.2021).

отмечалось самыми различными авторами¹ и стало одной из излюбленных тем фольклора². Следует заметить, что власть по вполне объективным причинам допускала и отчасти даже приветствовала плюрализм постправды, поскольку он помогал сохранять стабильность. Так, когда появились вакцины от COVID-19, власть, вследствие их нехватки, была вынуждена избегать педалирования темы обязательной вакцинации, делая упор на принцип добровольности. В связи с этим стоит обратить внимание на высказывание пресс-секретаря президента РФ Д.С. Пескова, согласно которому летом 2021 г. темпы вакцинации увеличились вследствие роста сознательности граждан³. Это позволяет заключить, что до определенных пор власти были выгодны антивакцинаторские и ковид-диссидентские настроения: низкая сознательность граждан снижала спрос на вакцины, который все равно в случае резкого роста гражданской сознательности не мог быть удовлетворен.

Исходя из сказанного, мы можем заключить, что Россия зашла по пути постправды дальше других стран, поскольку и встала на него раньше. Почва нашего отечества оказалась очень щедро удобрена для бурного формирования ситуации постправды, поэтому действия российских властей являлись продолжением привычной политики генерации постправды. И, похоже, пребывание в ситуации постправды по разным причинам настолько комфортно и для власти, и для общества, что уже понесенные и возможные потери в виде жертв пандемии имеют второстепенное значение.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Балаян А.А., Вишневыский Б.Л. 2017. Контроль государства за СМИ в современной России: причины, механизм и последствия распространения «постправды» // Политическая экспертиза : ПОЛИТЭК. Т. 13, № 4. С. 100-109.

Дунаева Ю.Г. 2020. Твиттосфера как проблема: постправда в информационном обществе // Постматериальные ценности и общество знаний : сб. науч. тр. / гл. ред. К.В. Султанов, отв. ред. И.Б. Романенко, Ю.В. Пую. Санкт-Петербург : Изд-во Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. С. 48-54.

Мединский В.Р. 2011. Проблемы объективности в освещении российской истории второй половины XV–XVII вв. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02. Москва. 46 с.

Попова О.В. (ред.) 2018. «Политика постправды» и популизм / В.А. Ачкасов, Н.А. Баранов, Д.А. Будко и др. ; под ред. О.В. Поповой. Санкт-Петербург : Скифия-принт. 216 с.

Почепцов Г. 2018. В СССР пост-правда пришла раньше всех. URL: <https://psyfactor.org/psyops/prpaganda94.htm> (дата обращения: 14.04.2022).

¹ Десницкий А. Второй компонент вакцины – диалог. URL: <https://www.gazeta.ru/comments/column/desnitsky/13681544.shtml> (дата обращения: 14.04.2022); Себряный И. РЖД не будет отстранять непривитых. Кто следующий? URL: <https://www.km.ru/v-rossii/2021/06/26/oao-rossiiskie-zheleznye-dorogi/888951-rzhd-ne-budet-otstranyat-neprivitykh-cto-> (дата обращения: 14.04.2022).

² Практически по Жванецкому: «глубинный народ» прокомментировал ковидные ограничения, 23.06.2021. URL: <https://newizv.ru/news/society/23-06-2021/prakticheski-po-zhvanetskomu-glubinnyu-narod-prokommentiroval-kovidnye-ogranicheniya> (дата обращения: 14.04.2022).

³ Корданут К. Песков заявил, что кампания по всеобщей вакцинации в России существенно активизировалась. URL: https://www.gazeta.ru/social/news/2021/07/23/p_16285484.shtml?updated (дата обращения: 14.04.2022).

Прилуцкий А.М. 2021. «Вакцинирование» vs «чипирование»: триггеры эсхатологической мифологии в условиях противоэпидемических мероприятий // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». Т. 21, № 3. С. 108-118. DOI 10.37482/2687-1505-V107

Фуллер С. 2021. Постправда: Знание как борьба за власть. Москва : Издат. дом Высш. шк. экономики. 368 с. (Полит. теория).

Щелкунов М.Д. 2020. Общество в условиях пандемии: репетиция цифрового будущего // Вестник экономики, права и социологии. № 2. С. 192-196.

Юревич А.В. и др. 2020. COVID-19: Результаты третьего экспертного опроса, Финансовый университет при Правительстве РФ, ООО «Решающий голос», 10.12.2020 / А.В. Юревич, Д.В. Ушаков, М.А. Юревич. URL: <https://ipran.ru/%D0%B0-%D0%B2-%D1%8E%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87-%D0%BC-%D0%B0-%D1%8E%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87-covid-19-%D1%80%D0%B5%D0%B7%D1%83%D0%BB-%D1%8C%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8B-%D0%B2%D1%82%D0%BE%D1%80/> (дата обращения: 14.04.2022).

Языкова В. 2020. «Пост-правда» в ковидном мире: позиция церкви и католической общественности Италии // Современная Европа. № 7. С. 177-187. DOI 10.15211/soveurope72020195205

Augustine R. 2021. The quarantined truth in infodemic era: a discourse on misinformation, disinformation & post truth descriptions during COVID-19 pandemic // International journal of research culture society. Special iss. 21, Jan. P. 1-9.

Compton J. et al. 2021. Inoculation theory in the post-truth era: Extant findings and new frontiers for contested science, misinformation, and conspiracy theories / J. Compton, S. van der Linden, J. Cook, M. Basol // Social and Personality Psychology Compass. e12602(3): 12602. DOI 10.1111/spc3.12602

Peters M.A. et al. 2022. A viral theory of post-truth. Educational Philosophy and Theory / M.A. Peters, P. McLaren, P. Jandrić // Educational Philosophy and Theory. Vol. 54, iss. 6. P. 698-706. DOI 10.1080/00131857.2020.1750090

Prasad A. 2021. Anti-science Misinformation and Conspiracies: COVID-19, Post-truth, and Science & Technology Studies (STS) // Science, Technology & Society. P. 1-25. DOI 10.1177/09717218211003413

Shelton T. 2020. A post-truth pandemic? // Big Data & Society. Vol. 7, iss. 2, July-December. P. 1-6. DOI 10.1177/2053951720965612

Solis Arce J.S. et al. 2021. COVID-19 vaccine acceptance and hesitancy in low- and middle-income countries / J.S. Solis Arce, S.S. Warren, N.F. Meriggi, A. Scacco et al. // Nature Medicine. Vol. 27, iss. 8. P. 1-10. DOI 10.1038/s41591-021-01454-y

Zafesova A. 2020. The production of a faked reality as an existential function of Putin's regime // Democracy and Fake News: Information Manipulation and Post-Truth Politics / Ed. by S. Giusti, E. Piras. London : Routledge. P. 107-119.

References

Augustine R. The quarantined truth in infodemic era: a discourse on misinformation, disinformation & post truth descriptions during COVID-19 pandemic, *International journal of research culture society*, 2021. Special iss. 21, Jan., pp. 1-9.

Balayan A.A., Vishnevskiy B.L. Control of the State on the Media in Modern Russia: Causes, Mechanism and Consequences of the Distribution of “Posttruth”, *Political expertise: POLITEX*, 2017, vol. 13, no. 4, pp. 100-109. (in Russ.).

Compton J., van der Linden S., Cook J., Basol M. Inoculation theory in the post-truth era: Extant findings and new frontiers for contested science, misinformation, and conspiracy theories, *Social and Personality Psychology Compass*, 2021, e12602(3): 12602. DOI 10.1111/spc3.12602

Dunaeva Yu.G. The twittosphere as a problem: post-truth in the information society, K.V. Sultanov, I.B. Romanenko, Yu.V. Puyu (eds.) *Postmaterial'nye tsennosti i obshchestvo znaniy*, St.-Petersburg, Izdatel'stvo Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena, 2020, pp. 48-54. (in Russ.).

Fuller St. *Post-Truth: Knowledge as a Power Game*, Moscow, Izdatel'skiy dom Vyshey shkoly ekonomiki, 2021, 368 p. (in Russ.).

Medinskiy V.R. *Problems of objectivity in the coverage of Russian history of the second half of the XV–XVII centuries: abstr. of diss.*, Moscow, 2011, 46 p. (in Russ.).

Peters M.A., McLaren P., Jandrić P. A viral theory of post-truth. , *Educational Philosophy and Theory*, 2022, vol. 54, iss. 6, pp. 698-706. DOI 10.1080/00131857.2020.1750090

Pocheptsov G. *Post-truth came to the USSR before anyone else*, 2018, available at: <https://psyfactor.org/psyops/propaganda94.htm> (accessed April 14, 2022). (in Russ.).

Popova O.V. (ed.), Achkasov V.A., Baranov N.A., Budko D.A. et al. *“Post-truth politics” and populism*, St.-Petersburg, Skifiya-print, 2018, 216 p. (in Russ.).

Prasad A. Anti-science Misinformation and Conspiracies: COVID-19, Post-truth, and Science & Technology Studies (STS), *Science, Technology & Society*, 2021, pp. 1-25. DOI 10.1177/09717218211003413

Prilutskiy A.M. Vaccination vs Microchipping: Triggers of Eschatological Mythology in the Context of Anti-Epidemic Measures, *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series “Humanitarian and Social Sciences”*, vol. 21, no. 3, pp. 108-118. DOI 10.37482/2687-1505-V107. (in Russ.).

Schelkunov M.D. Society in the Context of a Pandemic: Testing the Digital Future, *The Review of Economy, the Law and Sociology*, 2020, no. 2, pp. 192-196. (in Russ.).

Shelton T. A post-truth pandemic? *Big Data & Society*, 2020, vol. 7, iss. 2, July-December, pp. 1-6. DOI 10.1177/2053951720965612

Solís Arce J.S., Warren S.S., Meriggi N.F., Scacco A. et al. COVID-19 vaccine acceptance and hesitancy in low- and middle-income countries, *Nature Medicine*, 2021, vol. 27, iss. 8, pp. 1-10. DOI 10.1038/s41591-021-01454-y

Yazykova V. “Post-Truth” in the Covid World: Position of the Church and the Catholic Community in Italy, *Contemporary Europe*, 2020, no. 7, pp. 177-187. DOI 10.15211/soveurope72020195205. (in Russ.).

Yurevich A.V., Ushakov D.V., Yurevich M.A. *COVID-19: Results of the third expert survey, Financial University under the Government of the Russian Federation, Decisive Voice*, 10.12.2020, available at: <https://ipran.ru/%D0%B0-%D0%B2-%D1%8E%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87-%D0%BC-%D0%B0-%D1%8E%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87-covid-19-%D1%80%D0%B5%D0%B7%D1%83%D0%BB%D1%8C%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8B-%D0%B2%D1%82%D0%BE%D1%80/> (accessed April 14, 2022). (in Russ.).

Zafesova A. The production of a faked reality as an existential function of Putin's regime, *S. Giusti, E. Piras (eds.) Democracy and Fake News: Information Manipulation and Post-Truth Politics*, London, Routledge, 2020, pp. 107-119.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Леонид Гершевич Фишман

доктор политических наук, профессор РАН, главный научный сотрудник Института философии и права УрО РАН, г. Екатеринбург, Россия;
ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5062-8291>;
ResearcherID: K-2346-2018;
SPIN-код: 8725-9656;
E-mail: lfishman@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Leonid G. Fishman

Doctor of Political Sciences, Professor of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher by Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russian;
ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5062-8291>;
ResearcherID: K-2346-2018;
SPIN-код: 8725-9656;
E-mail: lfishman@yandex.ru



Варламова Н.В. Права человека в психологической теории права Л.И. Петражицкого: реконструкция и критическая интерпретация. DOI 10.17506/26867206_2022_22_2_73 // Антиномии. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 73–95.

УДК 340.15:174

DOI 10.17506/26867206_2022_22_2_73

Права человека в психологической теории права Л.И. Петражицкого: реконструкция и критическая интерпретация

Наталья Владимировна Варламова

Институт государства и права Российской академии наук
г. Москва, Россия
E-mail: varlam_n@list.ru

*Поступила в редакцию 29.12.2021, поступила после рецензирования 21.03.2022,
принята к публикации 16.05.2022*

Целью статьи является реконструкция представлений Л.И. Петражицкого о правах человека на основе анализа разрозненных и порой противоречивых высказываний, содержащихся в его работах. В своих трудах Петражицкий не уделял специального внимания правам человека, хотя начиная с Нового времени эта проблематика активно разрабатывалась в теории и философии права, в том числе российской. Под правом Петражицкий понимал императивно-атрибутивные психические переживания людей. При этом императивная составляющая правового переживания (обязанность) у него обусловлена притязанием и решающее значение имеет именно предоставление удовлетворения управомоченному лицу, а не исполнение обязанности само по себе. Петражицкий обосновывал неоктроированность (непроизводность от позитивного права) и безусловность по крайней мере некоторых базовых интуитивно-правовых убеждений (например,



© Варламова Н.В., 2022

о недопустимости пыток, истязаний, квалифицированной смертной казни, торговли людьми). Такие психические убеждения вполне могут быть уподоблены правам человека. Однако Петражицкий не рассматривал притязание как реализацию индивидуального эгоистического интереса. Право, как и нравственность, у него имеет целью благо и процветание общества и духовно-культурное воспитание человечества. Управомоченным лицом у Петражицкого может выступать не только человек, но и фактически любой субъект и даже объект (дух, животное, картина), на удовлетворение потребностей которого направлено психическое переживание обязанного лица. Петражицкий не разделял либеральное понимание прав человека как притязаний на индивидуальную свободу. Более того, его социальный идеал всеобщей деятельной любви, выступающий целью воспитательного воздействия права, предполагал изживание, нивелирование как раз тех сторон человеческой психики, которые находят свое проявление в таком понимании прав человека. В статье показано, что Петражицкому удалось предвосхитить многие современные тенденции в трактовке прав человека.

Ключевые слова: Л.И. Петражицкий, права человека, психологическая теория права, императивно-атрибутивные психические переживания, социальный идеал всеобщей деятельной любви

Human Rights in the Leon Petrażycki's Psychological Theory of Law: Reconstruction and Critical Interpretation

Natalia V. Varlamova

Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Received 29.12.2021, revised 21.03.2022, accepted 16.05.2022

Abstract. The purpose of this article is to reconstruct Petrażycki's ideas on human rights by using the scattered and sometimes contradictory remarks on the issue to be found in his works. Leon Petrażycki did not pay special attention to human rights in his works, although this problematic has been a major focus of legal theory and legal philosophy, including the Russian one, throughout the modern history. Petrażycki viewed law as imperative-attributive emotions experienced by individuals. At the same time, the imperative component of such emotions arises as a reaction to the attributive one – i.e., an obligation is conditioned by another's claim, and it is the satisfaction of the obligee's interests that plays a decisive role, not the mere performance of the corresponding obligation as such. Petrażycki's assumed that certain intuitive legal beliefs, being fundamental in nature, are absolute and do not derive from positive law – e.g., the beliefs that torture, rape, human enslavement, and certain methods of capital punishment are unacceptable. Such psychological beliefs can well be equated to human rights. However, Petrażycki denied that a right is an intention to implement one's selfish interests. Petrażycki argued that law, as well as morality, pursues public welfare and prosperity, and the spiritual and cultural education of humanity. It is not only human beings that can obligees. Petrażycki held that animals, spiritual beings, or even paintings can play this role as long, as the satisfaction of their claims becomes the focus of emotions experienced of an imperative side. He obviously did not share a liberal understanding of human rights as personal

freedoms. Even more, Petrażycki believed that his social ideal of universal active love is the ultimate goal of law's educational effects, and this ideal requires the overcoming and elimination of exactly those aspects of the human psyche that manifest themselves in the rights understood as personal freedoms. By the same token, Petrażycki anticipated many trends that characterise the contemporary understanding of human rights

Keywords: participation of citizens in making town planning decisions; principles of town planning law; public discussions; public hearings; judicial protection; local referendum; survey; cancellation of a municipal legal act by way of self-control

Keywords: Leon Petrażycki; human rights; psychological theory of law; imperative-attributive emotions experiences; morality; social ideal of universal active love

For citation: Varlamova N.V. Human Rights in the Leon Petrażycki's Psychological Theory of Law: Reconstruction and Critical Interpretation, *Antinomies*, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 73-95. (in Russ.). DOI 10.17506/26867206_2022_22_2_73.

Введение. В трудах Л.И. Петражицкого мы не найдем хотя бы относительно целостных и развернутых представлений о правах человека. Как верно заметил Э. Фиттипальди, там «можно встретить лишь несколько намеков на явление прав человека» (Фиттипальди 2014: 10). Само по себе это достаточно удивительно. Начиная с Нового времени права человека являлись едва ли не основной проблемой теории и философии права, в том числе и российской, и все концепции права, утверждая свою специфику, выражали то или иное отношение к правам человека. Тем интереснее попытаться реконструировать представления Петражицкого о правах человека и их месте в правовом регулировании из содержащихся в его работах разрозненных высказываний, связанных с пониманием права, его социального назначения и соотношения с нравственностью.

Представления о правах человека, эксплицитно или имплицитно присутствующие в любой концепции права, раскрывают ее подлинный смысл и практические следствия, которые часто остаются завуалированными в построениях более общего характера. В этом одна из причин внимания к данному, не самому очевидному аспекту учения Петражицкого о праве.

Структура правового переживания: соотношение императива и атрибутива. В работах Л.И. Петражицкого встречаются разные, порой противоположные высказывания, показывающие его отношение к правам человека. На первый взгляд, вся теория права Петражицкого строится на базовом концепте прав человека. Право для него – императивно-атрибутивные психические переживания людей. Право трактуется Петражицким как специфическая система социальных связей посредством взаимных прав и обязанностей. В целом эти взаимные права и обязанности должны быть сбалансированы, то есть они призваны обеспечивать реализацию интересов каждого участника правового взаимодействия. Петражицкий соглашался с И. Кантом и другими философами, усматривавшими существо права в таком устройстве отношений, которое позволяет совмещать свободу одного со свободой другого так, «чтобы каждый имел в известных пределах свою сферу свободы» (Петражицкий 2000: 256).

При этом императивная составляющая правовых переживаний является у него рефлексом атрибутива, то есть обязанность обусловлена притязанием и решающее значение имеет удовлетворение управомоченного лица, а не само по себе исполнение соответствующей обязанности (см.: Петражицкий 2000: 74).

Субъект атрибутива предстает у Петражицкого как активно притязующая сторона, которая не просит «милости», не убеждает, а требует «своего» и стремится добиться удовлетворения даже вопреки воле обязанного или же требует его наказания, возмездия (см.: Петражицкий 2010d: 260-261). Это при нравственном одностороннем императивном переживании «лицу, противостоящему обязанному, ничего не принадлежит как свое... ему ничего от обязанного не следует» (Петражицкий 2010d: 261). Обязанность реализуется по свободной воле переживающего ее человека, который может поступить так или иначе, и отказ от ее исполнения не дает повода для протеста (см.: Петражицкий 2010d: 261).

В развитии правоотношения решающую роль играет управомоченный; личность обязанного, его отношение к императиву, его поведение и воля выступают лишь в качестве средства для «доставления удовлетворения управомоченному» (Петражицкий 2010d: 270), причем далеко не всегда единственного и необходимого средства. В частности, исполнение правовой обязанности возможно силами другого лица (например, представителя), а также принудительно, что неммыслимо применительно к нравственным обязанностям (см.: Петражицкий 2010d: 270-273).

Петражицкий отмечал, что осознание своего права оказывает на человека «важное воспитательное влияние», «делает его гражданином», «сообщает ему сознание собственного достоинства», «необходимую для жизни твердость и уверенность, энергию и предприимчивость» (Петражицкий 2000: 131-132). Не менее значимо осознание своего права и его защита (активное притязание) и для развития общества (см.: Петражицкий 2000: 126-133). Именно атрибутивной функции в праве Петражицкий придавал «решающее значение» (Петражицкий 2000: 134).

Более того, само отличие правового психического переживания от нравственного (и соответственно, *differentia specifica* права в целом) Петражицкому виделось в наличии у него атрибутивной составляющей (притязания, права требования), в его несводимости исключительно к долженствованию (см.: Петражицкий 2000: 57-58, 64-67). «...Не рефлекторный по отношению к атрибутиву, а самостоятельный характер имеет императивность нравственных импульсий», – подчеркивал он (Петражицкий 2000: 74).

Отождествляя право с индивидуальными психическими переживаниями, Петражицкий обосновывал их неоктроированность, то есть непроизводность, причем не только от позитивного права (нормативных фактов в его терминологии), но и вообще от каких-либо «объективных авторитетов». «Приписывание» неким «мистическим авторитетам» способности одаривать людей правами Петражицкий называл «наивно-проекционной точкой зрения» (Петражицкий 2000: 72-73). Права человека (фактически отождествляемые им с субъективными правами) существуют, по его мнению, ис-

ключительно в силу наличия в индивидуальной психике соответствующих императивно-атрибутивных переживаний. Показательно, что различные исторические хартии, закрепляющие права сословий, городов, подчиненных народов (а посредством этого и права человека), Петражицкий рассматривал как акты признания этих прав, а не их законодательного установления (см.: Петражицкий 2000: 477).

Петражицкий исходил из безусловности (категоричности) некоторых базовых интуитивно-правовых убеждений, например, о недопустимости убийства, пыток, истязаний, квалифицированной смертной казни, изнасилования, подлога, порабощения людей и торговли ими, а также о наличии у людей права на отправление своих естественных физиологических потребностей (см.: Петражицкий 2000: 270–271, 484–485). Такие психические убеждения Петражицкий назвал «аксиомами интуитивного права» и утверждал, что они являются «существенным элементом и основой всякого правопорядка», входят «в состав официального права и составляют его основной и существенный элемент» (Петражицкий 2000: 485).

Э. Фиттипальди называет аксиомы интуитивного права Петражицкого основными правовыми убеждениями и в целом обоснованно уподобляет правам человека (см.: Фиттипальди 2014: 26–27; Fittipaldi 2015: 54). Петражицкий и сам полагал, что то, что традиционная философия права называет естественными правами человека, является отражением и выражением «интуитивно-правовых мнений и соответствующих проекций», и указывал, что в данном случае «речь идет не столько о естественно-правовых обязанностях, сколько о правах, о прирожденных, установленных самой природой и т.п. правах человека» (Петражицкий 2000: 408). В пользу оправданности такого уподобления свидетельствуют предлагавшиеся Петражицким интерпретации интуитивного права, в том числе и его соотношения с правом позитивным (которые, впрочем, отчасти противоречивы).

Интуитивные императивно-атрибутивные переживания Петражицкий отождествлял с переживаниями справедливости и справедливостью как таковой, подчеркивая ее двухсторонний императивно-атрибутивный (обязательно-притязательный) и принципиально нормативный характер и обосновывая таким образом собственно правовое, а не нравственное понимание справедливости (см.: Петражицкий 2000: 402–404). Справедливость у него предстает «не как удобное для известной цели, а как должное, независимо от каких бы то ни было целей и расчетов» (Петражицкий 2000: 403). Петражицкий утверждал, что все развиваемые им представления о праве относятся и к справедливости, поскольку справедливость – это и есть право (см.: Петражицкий 2000: 406), и его «учение о праве и интуитивном праве может рассматриваться как соответственно развитое учение о справедливости» (Петражицкий 2000: 407). При этом позитивное право (в традиционном, а не петражицкианском его понимании, то есть законы, обычаи и т.п.) подвергается «критике с точки зрения справедливости как некоего высшего масштаба и критерия» (Петражицкий 2000: 404). И в большинстве случаев «мотивационное действие» сознания своего долга или своего права в сфере интуитивного права явля-

ется более сильным, чем в сфере позитивного права (см.: Петражицкий 2000: 387).

Вместе с тем, отождествляя справедливость с интуитивным правом, Л.И. Петражицкий утверждал, что она «отличается индивидуальной изменчивостью по содержанию», а представления о «вечных, неизменных, имеющих всеобщее значение» нормах справедливости он относил к «наивно-проекционной точке зрения». Поэтому разногласия и конфликты между позитивным правом и справедливостью неизбежны «наряду с согласием в основном и главном содержании» (Петражицкий 2000: 407).

Подчеркивая индивидуально-изменчивый характер интуитивного права, которое «определяется индивидуальными условиями и обстоятельствами жизни каждого, его характером, воспитанием, образованием, социальным положением, профессиональными знаниями, личными знакомствами и сношениями и проч.», Петражицкий признавал и возможность интуитивного права различных социальных групп и даже «современного культурного общества» в целом (см.: Петражицкий 2000: 383)¹. Он отмечал также «унификационную тенденцию», свойственную правовой психике, которая проявляется не только в позитивном, но и в интуитивном праве в виде его своего рода позитивации, формирования относительно определенного содержания, освобождения от «туманности» и «безграничной растяжимости», свойственной нравственности (см.: Петражицкий 2000: 384; Петражицкий 2010d: 262-263).

Одновременно Петражицкий считал, что интуитивное право не может быть «руководством для законодательства» (Петражицкий 2000: 386). Он не рассматривал интуитивное право как идеальное и желательное, признавая, что «содержание интуитивного права может быть и бывает и весьма неразумным, варварским, более отсталым, менее разумным, чем существующее позитивное право» (Петражицкий 2000: 381). Вместе с тем, по его мнению, «по мере облагораживания и социализации человеческой психики» сфера действия интуитивного права должна расширяться (см.: Петражицкий 2000: 391-392) и уже сейчас во многих сферах жизни интуитивное право играет «весьма большую и существенную роль», фактически являясь «основой соответствующего социального “правопорядка”», а до применения позитивного права дело доходит лишь «в исключительных патологических ситуациях конфликтов» (Петражицкий 2000: 388).

Однако приведенные выше идеи о первичности атрибута в структуре правового переживания и активной роли притязателя в правоотношении не проводились Петражицким последовательно. Наряду с этим он рассматривал притязание как закрепленный за управомоченным лицом долг другого участника правоотношения и утверждал, что права в правоотношении не представляют собой «чего-то отдельного и отличного от правовых обязанностей» (Петражицкий 2000: 58). В таком контексте первичным и исходным элементом структуры правового переживания выступает дол-

¹ Эти подходы в дальнейшем получили развитие в работах М.А. Рейснера (Рейснер 1908; Рейснер 1925).

женствование, а субъективное право является лишь коррелирующим ему и обусловленным им притязанием.

По Петражицкому, мотивом «индивидуального и массового поведения в силу действия специфических правовых эмоций» прежде всего является «само сознание своей правовой обязанности». Предвидение «тех психических и физических реакций», которые могут возникнуть у управомоченного лица в случае нарушения его права, представляет «дополнительное, вспомогательное, мотивационное давление в пользу исполнения долга». Такая «косвенная вспомогательная мотивация» необходима лишь для тех, «у кого эмоции долга в подлежащих областях слишком слабы или совсем отсутствуют» (Петражицкий 2000: 543). Здесь уже первостепенное значение придается Петражицким личности обязанного, ее этическому развитию.

Наиболее очевидно это в интуитивном праве, где отсутствуют различные системы официально (или социально) обеспечиваемых неблагоприятных последствий неисполнения обязанности. Специфика интуитивного права заключается «в сознании атрибутивной обязательности соответствующего поведения независимо от каких бы то ни было посторонних авторитетов» (Петражицкий 2000: 382) и от притязаний субъекта атрибутива. В этом его отличие от позитивного права, где исполнение обязанностей может быть обусловлено различными побочными мотивами, по мнению Петражицкого, «не специфически правовыми» – расчетом, боязнью наказания и т.п. (Петражицкий 2000: 387–388). Другими словами, существование субъективного права зависит не от притязаний управомоченного, а от того, будет ли данное право «приписано» управомоченному психическими переживаниями обязанного лица, то есть воспримет ли обязанное лицо эти притязания как содержание своей обязанности.

В частности, «аксиомы интуитивного права», которые можно уподобить правам человека, выступают у Петражицкого безусловными императивными запретами определенных видов поведения (негативным обязыванием), а не соответствующими притязаниями (рефлексами притязаний), то есть по своей сути являются моральными психическими переживаниями¹. Неслучайно Петражицкий подчеркивал, что «источником и материалом» «для образования соответствующих императивно-атрибутивных принципов поведения» была и есть «величественная христианская, чисто императивная этика», превращение которой «в правосознание» он расценивал как «существенный шаг вперед, социальный прогресс» (Петражицкий 2000: 128).

Само «существо права» Петражицкий усматривал в «связанности нашей воли», когда мы чувствуем и осознаем, что обязаны поступить определенным образом, независимо от того, принесет ли это нам пользу, послужит источником удовольствий или неприятностей, а просто по указанию «внутреннего голоса», по велению «совести» (см.: Петражицкий 2010d:

¹ Петражицкий и сам признавал возможность сомнения: не правильнее ли относить интуитивное право к нравственности (см.: Петражицкий 2000: 381–382).

252). Нормы права – это «абсолютно обязательные правила поведения, т.е. правила, покоящиеся на убеждениях, не обусловленных какими-либо соображениями о целях и интересах»; они «безусловно обязывают нас» и не допускают даже «мысли о наших эгоистических интересах» (стремятся их подавить и исключить). При этом норма существует как «содержание убеждения, то есть собственные психические элементы того, кому она присуща», а «не чужие действия – веления какого-либо... лица» (Петражицкий 2010d: 339).

Таким образом, утверждение А. Валицкого о том, что «характерной чертой философии права Петражицкого был акцент на “права”, то есть на “атрибутивную” функцию права» (Валицкий 2012: 276), достаточно спорно.

Более того, согласно Петражицкому атрибутивная составляющая в структуре правового психического переживания невыгодным образом отличает его от нравственного – односторонне императивного переживания. «Нравственная психика... – подчеркивал он, – вследствие своей чисто императивной, беспритязательной природы есть *мирная психика*, не склонная ни к насильственному добыванию не предоставляемого добровольно, ни к кровавым и иным возмездиям по поводу нарушения долга» (Петражицкий 2000: 147). Правовой психике, напротив, в силу ее атрибутивной, притязательной природы свойственны «тенденции к насильственному добыванию причитающегося и к одиозно-репрессивным действиям в случаях нарушения» (Петражицкий 2000: 147-148). В атрибутивном характере правовой психики в случае несовпадения мнений и убеждений Петражицкий видел «опасное взрывчатое вещество, психический источник разрушения, злобы и мести», что повлекло смерть многих миллионов людей на Земле и разрушение массы человеческих союзов. В связи с этим он ратовал за «унификационную тенденцию» в развитии права (которая призвана обеспечить «приведение к единству, к тождеству и совпадению правовых мнений между сторонами», устранению «разногласий относительно обязанностей – прав»), тонко подмечая одно из существенных различий права и нравственности: направленность права на установление общего (общеприемлемого) порядка в противоположность «индивидуально-разнообразному» характеру нравственных переживаний (см.: Петражицкий 2000: 148).

При этом Петражицкий не проводил содержательных различий между правом и нравственностью (переживаниями правового и морального долга), как и вообще между разными видами социальных норм. «С точки зрения содержания юридических правил (предписываемого ими поведения), – утверждал он, – их нельзя отличить от правил иных категорий, например, правил морали, эстетики (правил приличия), правил техники, политики, гигиены (вообще правил целесообразности) и т.п.» (Петражицкий 2010d: 314). И он не выдвигал никаких требований (ограничений) к содержанию правовых переживаний (см.: Петражицкий 2000: 100-101).

Разницу между правовым и нравственным долгом Л.И. Петражицкий усматривал исключительно в структуре соответствующих психических пе-

реживаний – односторонней императивной (нравственность) и двухсторонней императивно-атрибутивной (право) (см.: Петражицкий 2000: 243-244). Приводя примеры сознания нравственного («помочь нуждающемуся, не отказать в милостыне») и правового («уплатить установленную плату рабочему или прислуге») долга, он поясняет: «...мыслимы субъекты с такой психикой, что, имея дело с нищим, просящим милостыню... они переживают такое сознание долженствования, по которому другой стороне причитается от них получить просимое, другая сторона может притязать на предоставление ей помощи...; равным образом мыслимы такие субъекты, которые, имея дело с прислугой, требующей платежа установленного жалования..., переживают такое сознание долженствования, по которому другой стороне ничего не причитается, она не может притязать на платеж» (Петражицкий 2000: 58-59). И тогда в первом случае речь будет идти о переживании правового долга, а во втором – нравственного. Петражицкий различал «правовые и нравственные явления по характеру субъективных переживаний, а не по каким-либо другим обстоятельствам» (Петражицкий 2000: 59). Отсутствие «каких-либо других обстоятельств» иллюстрируется весьма показательным примером: «Если бы нашелся такой субъект (душевнобольной или т.п.), который бы считал своей священной обязанностью убивать ближних, то мы с точки зрения нашей классификации констатировали бы здесь наличие этического явления (этические эмоции – абстрактны, бланкетны, могут действовать в пользу весьма различного поведения...); и если этот субъект осознавал свой долг как закрепленный за ближними, считал, что они могут притязать на то, чтобы он лишил их жизни, что им причитается от него такая услуга и т.д., то с точки зрения нашего учения следовало бы признать здесь наличие правового сознания, правового долга» (Петражицкий 2000: 59).

Кроме того, правовые и нравственные психические переживания различаются по обусловленной их структурой силе воздействия на поведение. В рамках правовых психических переживаний атрибутивное осознание своего долга как права другого оказывает, по мнению Петражицкого, более сильное давление на поведение, чем одностороннее императивное сознание нравственного долга (см.: Петражицкий 2000: 127-128). Аналогичным образом атрибутивная составляющая правового переживания является сильной активной мотивацией к действиям по реализации соответствующего права (см.: Петражицкий 2000: 129-130). Одновременно Петражицкий допускал преобразование нравственных сугубо императивных переживаний в правовые (когда неисполнение своего долга начинает осознаваться как нарушение права другого) и наоборот¹, и считал распространение осознания социально разумных вариантов поведения в императивно-атрибутивной форме проявлением социального прогресса (см.: Петражицкий 2000: 128).

¹ Причем в индивидуальной психике такие трансформации могут происходить буквально «в несколько секунд» (см.: Петражицкий 2000: 83; Петражицкий 2010d: 315).

Наконец, субъектами прав и обязанностей у Петражицкого могут выступать не только люди, но и фактически любые субъекты и даже объекты (Бог, дьявол, боги (божества), духи, умершие, животные, деревья, камни, бревна, картины и т.п.); они могут состоять в правоотношениях как с людьми, так и между собой, поскольку всем им человеком могут быть «приписаны» различные императивно-атрибутивные переживания (см.: Петражицкий 2000: 100-120)¹. Такое перенесение правосубъектности на нечеловеческие (реальные или иллюзорные) сущности, не способные активно притязать (ну разве что в представлениях обязанного лица) также свидетельствует о первичности (и исключительной значимости) императивной составляющей в правовом психическом переживании – переживании человеком своего долга по отношению к таким субъектам-объектам².

Таким образом, структурное различие правовых и моральных переживаний этического долга, изначально заявленное Петражицким в качестве критерия их обособления, постепенно «размывается», становится неочевидным и неважным, а вместе с этим исчезает и само субъективное право, превращаясь в простой рефлекс самодовлеющей обязанности, не обусловленной никакими реальными притязаниями. И это не просто непоследовательность теоретических построений Петражицкого, а отражение его социального идеала.

Права человека и идеал всеобщей любви: проблема совместимости. Согласно Л.И. Петражицкому вопросы содержания права, сами по себе весьма интересные и важные, не носят теоретического характера. Поиск ответа на них – задача предложенной Петражицким «практической науки – политики права» (Петражицкий 2000: 245), которая должна быть посвящена «разработке начал желательного, рационального права и законодательства» (Петражицкий 2000: 379). Именно развитие науки политики права Петражицкий отождествлял с идеей возрождения естественного права (Петражицкий 2010с: 570). Изыскания в данной области привели его к весьма показательным выводам.

Петражицкий рассматривал право как средство «перевоспитания породы *homo sapiens*» (Петражицкий 2010с: 581). Право осуществляет

¹ Вместе с тем Петражицкий неоднократно подчеркивал, что все «права» и «обязанности» «приписываются» данным нечеловеческим сущностям людьми, то есть соответствующие императивно-атрибутивные переживания существуют в психике человека. Духи, животные и камни являются субъектами права лишь в воображении человека. В действительности субъектами права – лицами, испытывающими императивно-атрибутивные психические переживания, – могут быть только люди.

² Упомянутые Петражицким исторические примеры процессов над животными и предметами, например над «камнями-убийцами» (см.: Петражицкий 2000: 109), а также «наказания» богов за неисполнение обязанностей по отношению к людям – «лишение пищи» (жертвоприношений), «телесные наказания» (битье идолов палками или камнями) (см.: Петражицкий 2000: 115) свидетельствуют лишь о свойственном примитивному сознанию очеловечиванию всего сущего (реального или воображаемого) (см.: Конт 2001: 7-9; Кельзен 2015: 109-112). Практическое значение может иметь «приписывание» нечеловеческим сущностям только прав, являющееся в действительности приписыванием человеком себе обязанностей по отношению к таким сущностям.

«педагогическое действие», и задача политики права в представлении Петражицкого «заключается: 1) в рациональном направлении индивидуального и массового поведения посредством соответственной правовой мотивации, 2) в совершенствовании человеческой психики, в очищении ее от злых, антисоциальных склонностей, в насаждении и укреплении противоположных склонностей» (Петражицкий 2010с: 567).

При этом в политике права Петражицкого четко проявляется нерасчлененность нравственности и права и даже подчиненность права нравственности. Цель права Петражицкий видел в «ускорении нравственного прогресса». Право, по его мнению, – это «нравственная школа, воспитательное учреждение для народа и человечества вообще» (Петражицкий 2010b: 12). При таком подходе человек выступает не субъектом права, действующим по своей воле и в своем интересе, а объектом его воспитательного воздействия¹.

Высшее благо, к которому должна стремиться политика права, – «нравственное развитие человека, достижение высокой разумной этики в человечестве, а именно идеала любви» (Петражицкий 2010b: 10). Признание любви идеалом и высшим благом есть «аксиома практического разума», которая «не требует доказательств и не может быть доказана» (Петражицкий 2010b: 10). Э. Фиттипальди вполне обоснованно полагает, что в данном случае Петражицкий имел в виду одну из весьма разнообразных выделяемых им форм любви, а именно «любовь к ближним» (см.: Фиттипальди 2014: 15; Fittipaldi 2015: 40), имеющую особый эмоциональный характер, заключающийся «в отсутствии или, точнее, слабом развитии склонностей к одиозным, зложелательным моторным возбуждениям по адресу других и в сильном и обильном развитии склонностей противоположного, каритативного, благожелательного характера» (Петражицкий 2010a: 555). Такая «любовь» у Петражицкого стоит в одном ряду со «свободой от эгоизма», «альтруизмом», «солидарностью» (Петражицкий 2010с: 576).

Право и права человека носят у Петражицкого исторически преходящий характер. Права, по его мнению, не являются «неизбежными и вечными спутниками общественной жизни» (Петражицкий 2010с: 593). Основная тенденция развития права – это направление «индивидуального и массового поведения и народной психики» «в сторону общего блага» (Петражицкий 2010с: 568).

¹ Работа Л.И. Петражицкого «Введение в науку политики права» (1896–1897 гг.) была написана им до детального обоснования своей психологической концепции права (первое издание книги «Теория права и государства в связи с теорией нравственности» вышло в свет в 1907 г.), поэтому задаваться вопросом, как представление права в виде «воспитательного учреждения» для человека соотносится с его же пониманием как индивидуального психического переживания человека, вероятно бессмысленно. Но от базовых идей относительно социального назначения права, развиваемых во «Введении в науку политики права», Петражицкий не отказался и в своих более поздних произведениях. Как подчеркивает А. Валицкий, «научная политика права была любимой идеей Петражицкого не только в начале его научной деятельности, но и позднее, после того как его психологическая теория права приняла свои окончательные очертания» (Валицкий 2012: 321).

Петражицкий отвергал понимание притязания как стремления к реализации индивидуального эгоистического интереса. Представление о том, что «смысл и значение прав состоит в доставлении выгод, в удовлетворении потребностей, интересов тех, кому они принадлежат», он считал ошибочным, особенно применительно к правам «служебной», «социальной», «опекунской» власти (см.: Петражицкий 2000: 299-300). При этом он не видел особых различий между субъективными правами частных лиц и публично-властными («служебными») и частноправовыми (например, опекуна, представителя) полномочиями. По мнению Петражицкого, «весьма наивно и поверхностно думать», что соответствующие императивно-атрибутивные психические переживания «развиваются ради интересов тех или других субъектов» или предоставляют им «сферу свободы» и «возможность действовать» (Петражицкий 2000: 300-301). Для понимания социального смысла, «например, прав собственности, долговых, наследственных прав следует иметь в виду не карманы тех или иных собственников, кредиторов, наследников, а народное хозяйство и народную культуру» (Петражицкий 2000: 300). Право, как и нравственность, у него имеет целью «благо и процветание общества и духовно-культурное воспитание человечества» (Петражицкий 2000: 300). «Существо гражданского права, – подчеркивал Л.И. Петражицкий, – состоит в положительной, организаторской функции (распределение, производство, обращение хозяйственных благ), а не в отрицательной, не в защите частных интересов от нарушений и принуждений. С этой точки зрения судебная практика имеет дело не с существенной, а с несущественной, случайной, приходящей функцией гражданского права» (Петражицкий 2010b: 54).

Цель правового воздействия, по Петражицкому, – постепенное вытеснение из психики эгоистических мотивов; обращение к ним в правовом регулировании должно последовательно минимизироваться (см.: Петражицкий 2010c: 575). Средствами воздействия, эксплуатирующими человеческий эгоизм, Петражицкий считал правовые санкции и стимулы и полагал, что от их использования в пределе необходимо отказаться. По его мнению, с помощью права человечество должно воспитываться «в постепенной общей социализации психики, общечеловеческой солидарности, способности и готовности служить общему делу без особых кар и наград» (Петражицкий 2010c: 574).

Либеральное регулирование, предполагающее переориентацию прежней «примитивной» социально-правовой мотивации, основанной на «начальственно-опекунском давлении», «грозно-деспотическом режиме», покорности и страхе, на мотивы собственных интересов, представлялось Петражицкому полезным, исторически оправданным, но промежуточным этапом развития, конечной целью которого является социальный идеал всеобщей общечеловеческой любви (см.: Петражицкий 2010c: 578-582). «Воспитательная функция» современного частного права (права собственности, наследования, договоров и т.п.) заключается в поощрении хозяйственной инициативы, трудолюбия, бережливости. Причем аналогичную задачу (преодоление лени и воспитание трудолюбия) в предшествующие

исторические эпохи выполняли институты рабства и крепостничества (см.: Петражицкий 2010с: 585).

Отмечая «грандиознейшие воспитательные результаты», достигнутые частным правом с его «правильной лично-семейственной хозяйственной мотивацией» в искоренении лени, апатии, небрежности, расточительства, развитии трудолюбия, предприимчивости, воздержания и самоограничения, Петражицкий подчеркивал ослабление такой мотивации в современных ему условиях и предсказывал ее полное упразднение в будущем при государственном социализме (см.: Петражицкий 2010с: 585-587; Петражицкий 2000: 557). Частная собственность – основа индивидуальной автономии и свободы – объявлялась Петражицким «в наиболее культурно развитых странах» уже сделавшей «свое воспитательное дело» и «более ненадобной» (Петражицкий 2010с: 587). Он ратовал за расширение централизованной государственной системы производства и распределения, поскольку она меняет побудительные мотивы деятельности людей «с мотива собственного и семейного хозяйственного интереса на мотив долга, нравственной и юридической обязанности, служения общему благу» (Петражицкий 2010b: 22).

Таким образом, для Петражицкого субъективные права – это социально оправданные, и более того, социально полезные потребности, подлежащие удовлетворению за счет обязанного лица. И он весьма далек от либерального (восходящего к Дж. Локку) понимания прав человека как притязаний на индивидуальную свободу, а отсюда и права в целом как такого порядка отношений, в рамках которого данные притязания уважаются и защищаются. В обеспечении индивидуальной свободы и частного эгоистического интереса Петражицкий не видел специфики ни субъективного права, ни права в целом как особого социального регулятора. Социальный смысл любых притязаний должен интерпретироваться исходя из потребностей общественного благосостояния.

Воспитание «социально-идеальной психики», по Петражицкому, исключает необходимость какого-либо принуждения и психического давления, а значит, и саму возможность существования права. «Закон эволюции права есть закон нисходящей прогрессии мотивационного давления с нулевым давлением, т.е. упразднением соответственного права в конце» (Петражицкий 2010с: 589). Право, по мнению Петражицкого, вообще «существует из-за невоспитанности, дефектности человеческой психики, и его задача состоит в том, чтобы сделать себя лишним и быть упраздненным» (Петражицкий 2010с: 591).

Аналогичную судьбу он пророчил и нравственности: «Идеал любви в нашем смысле есть не только сверхправный, что само собой разумеется, но и сверхнравственный идеал. С течением времени вся нравственность отойдет в область преданий, как воспоминание о былой некультурности людей и необходимости держать их психику в тисках нравственности» (Петражицкий 2010с: 593). Нравственность, как и право, «необходимо психологически упраздняется по мере достижения соответственных воспитательных успехов» (Петражицкий 2010с: 592). Совместная жизнь людей будет организовываться посредством «установления общих планов

действий и их охотного исполнения без всяких психических давлений» (Петражицкий 2010с: 591).

Такие представления, помимо своей утопичности, демонстрируют приверженность Петражицкого сугубо принудительному пониманию права и нравственности, которые «есть продукт бессознательно-удачного социально-психического приспособления для психического давления в направлении социально-необходимого поведения и воспитания, для недопущения свободного действия» (Петражицкий 2010с: 592). Права человека (в их традиционном понимании) у Петражицкого это не цель правового регулирования и критерий надлежащей социальной организации, а лишь средства «исправления» человеческой природы, под воздействием которых человек должен побороть свою изначальную (и подлинно человеческую) сущность, отказаться от своей свободы.

Несмотря на то, что Петражицкий всегда подчеркивал, что нравственные и правовые нормативные убеждения носят не-телеологический характер, то есть не обусловлены гедонистическими, утилитарными, прагматическими соображениями и эгоистическими интересами (см.: Петражицкий 2010d: 252, 339; Петражицкий 2000: 35-36, 83, 543), его представления удивительным образом пересекаются с идеями утилитаристов. Правовая политика Петражицкого, обосновывающая воспитательное воздействие права, ориентированное на формирование в психике человека эмоций, которые соответствуют «общественному благу» и действуют «в пользу социально желательного и против социально вредного поведения» (Петражицкий 2000: 127), напоминает утилитаристский «моральный расчет», предполагающий определение «тенденции» поступка, то есть степени, в которой он максимизирует общую полезность, способствует или препятствует достижению всеобщего блага. На основании такого расчета происходит отбор «правильных линий поведения» и корректировка «тенденций» посредством устанавливаемых правил поведения, нарушение которых влечет для человека страдания, а исполнение гарантирует получение удовольствия (см.: Платонов 2020: 51-52, 57, 59). При этом люди рассматриваются утилитаристами исключительно «как потенциальные производители или потребители блага» (Кимлика 2010: 61) – «совокупного счастья». Моральная значимость обособленности, самостоятельности отдельных индивидуумов утилитаризмом игнорируется, их уникальное счастье самоценности не имеет, им можно пренебречь в целях максимизации общей полезности (см.: Hart 1983: 200-201).

Успехи «воспитания» посредством правового и нравственного «давления», по Петражицкому, ведут к освобождению человеческой психики от «диссонансов и дисгармоний» (Петражицкий 2010с: 588), в следствие чего психика перестанет нуждаться «во внутренних понуканиях нравственности», поскольку в ней не будет «борьбы позывов к убийству, присвоению чужого, лжи и т.п.» и «голоса совести», восстающего против этого, противоположных понуканий и стеснений внутренней свободы со стороны нравственности» (Петражицкий 2010с: 592). Такой социальный идеал всеобщей любви Петражицкого в определенной мере может быть уподоблен Панопти-

кону – разработанному И. Бентамом проекту организации инспекционного учреждения, предназначенного для содержания под надзором различных категорий лиц (см.: Bentham 2017). Паноптикон отличает абсолютность, постоянность и вездесущность контроля невидимых наблюдателей, под-держивающих порядок посредством простых и самоочевидных для под-надзорных лиц поощрений и наказаний, которые не оставляют им свободы выбора и делают следование установленным правилам неизбежным.

По мнению социологов, «Паноптикон» И. Бентама можно прочесть «как притчу *об обществе в целом* – устойчивом обществе, упорядоченном обществе, обществе без преступлений, обществе, в котором нонконформизм легко обнаруживается и устраняется, обществе, которое активно ищет наивысшей выгоды и величайшего счастья для своих членов, обществе, снабженном всеми функциями и ролями, которые необходимы для его выживания и успеха» (Бауман 2006: 33). Паноптикон гарантирует всем счастье, понимаемое как состояние «мира и покоя», характеризуемое «регулярностью, постоянством и предсказуемостью внешнего контекста», где «ничто не оставлено на волю случая» и «никакие реалистические альтернативы не обременяют... необходимостью выбора» (Бауман 2006: 26). Состояние «мира и покоя» включает в себя «и необходимые, и достаточные элементы счастья. “Суверенитет индивида” и свобода выбора в их число не входят» (Бауман 2006: 27).

Место главного надзирателя Паноптикона или, по Дж. Ролзу, беспристрастного доброжелательного наблюдателя (см.: Ролз 1995: 37, 65) у Петражицкого занимает «научная сознательно-рациональная политика», а фактически – определяющие ее люди, которые «на почве научного света и понимания причинных зависимостей» будут осуществлять «сложнейшее дело социальной мотивации и постепенного перевоспитания в тысячах отношений человеческой породы» (Петражицкий 2010с: 588). Очевидно, только они и сохранят способность к свободному выбору (хотя бы направлений, форм и методов «воспитательного воздействия»).

Таким образом, развитие права, по Петражицкому, имеет своей целью нивелирование в человеческой психике как раз тех компонентов (притязаний на свободную, самостоятельную, независимую, и в этом смысле эгоистическую, самореализацию), которые традиционно юридически защищаются как права человека. Б.Н. Чичерин, характеризуя политику права Петражицкого, писал: «Чего только нет в этой науке будущего! Тут и проповедь любви Ап. Павла, которая должна сделаться целью правоведения (!), и экономическое устройство общества по новейшим рецептам немецких социалистов... Нет только того, что составляет источник и основание всякого права – человеческой личности, с ее духовной природой и вытекающими из нее требованиями» (Чичерин 2011: 4).

Актуализация идей Л.И. Петражицкого в современных трактовках прав человека. Э. Фиттипальди попытался «поместить» права человека в их современном понимании в рамки теории Л.И. Петражицкого и показать, каким образом они могут быть объяснены посредством разработанных им понятий. В частности, Фиттипальди рассматривает рост качества

и количества признаваемых прав как выражение тенденции увеличения аффилиативных установок в психике человека (см.: Фиттипальди 2014: 17; Fittipaldi 2015: 39). «Существование у некоторого Субъекта императивно-атрибутивной репульсии в отношении причинения боли определенному классу животных, например, большим человекообразным обезьянам, означает, в терминологии Петражицкого, существование в психике Субъекта представления человекоподобных обезьян как имеющих определенные права», – поясняет он (Фиттипальди 2014: 17).

При этом Э. Фиттипальди весьма точно подмечает, что по меньшей мере странно утверждать, что носителями прав человека выступают животные, и предлагает использовать термин «основные права» (см.: Фиттипальди 2014: 17-18). Однако вряд ли человек и животные могут рассматриваться как обладающие одинаковым набором «основных прав». Поэтому права, традиционно атрибутируемые человеку, перестают быть «основными», а набор «основных прав» сокращается до некоторого (весьма ограниченного) количества аффилиативных эмоций, которые человек может испытывать по отношению ко всем живым существам. Ведь одна из важнейших функций института основных прав – обеспечение равного правового статуса обладающих ими субъектов. Очевидно, что в такой интерпретации «основные права» утрачивают значение в регулировании отношений между людьми.

Вторая терминологическая новация, предлагаемая Э. Фиттипальди, – «гуманные правовые убеждения» или «гуманные права» (см.: Фиттипальди 2014: 18) – тоже довольно сомнительна. Во-первых, здесь (как и у самого Петражицкого) явно акцентируется императивная составляющая соответствующих психических переживаний, что, как уже отмечалось, характерно для нравственных обязательств, в то время как права человека традиционно ассоциируются с притязаниями обладающих ими субъектов. Во-вторых, термин «гуманный» произведен от человека, а не является просто синонимом чего-то хорошего и доброго. Таким образом, «гуманные права» – это притязания на обращение с собой как с человеком и осознание обязанности обращения с другим как с человеком, что применительно к идее диверсификации субъектов таких прав у Петражицкого порождает те же самые проблемы, что и исходный термин «права человека».

По Э. Фиттипальди, основные права – «основные правовые убеждения являются основными не вследствие некоторого содержания, совпадающего со списком прав человека, но вследствие основной роли, которую они играют в психике определенного Субъекта» (Фиттипальди 2014: 19). Такой подход вполне соответствует позитивистской (в смысле бессодержательности) концепции Петражицкого. Основные правовые убеждения Э. Фиттипальди рассматривает как «конечные этические убеждения» человека, предопределяющие¹ все иные его психические убеждения (см.: Фиттипальди 2014: 20; Fittipaldi 2015: 44-45). Он называет такие убеждения ананкастическими нормативно-фактическими убеждениями и подчеркивает, что, если неко-

¹Видимо, речь все же идет о содержательном предопределении.

торый нормативный факт несовместим с ними, он не переживается субъектом как обязывающий (см.: Фиттипальди 2014: 24; Fittipaldi 2015: 49).

Ананкастические нормативно-фактические убеждения могут быть как формальными, касающимися процедурных моментов, так и содержательными (см.: Фиттипальди 2014: 20-21; Fittipaldi 2015: 46-47). Э. Фиттипальди отождествляет права человека именно с содержательными ананкастическими нормативно-фактическими убеждениями, или аксиомами интуитивного права, по Петражицкому (см.: Фиттипальди 2014: 126-127, 130; Fittipaldi 2015: 53-55). Он замечает, что наличие таких психических убеждений, несовместимость с которыми не позволяет субъекту переживать тот или иной нормативный факт как обязывающий, – «редкое или чрезвычайное явление» (см.: Фиттипальди 2014: 27-28). Это плохо соотносится с той ролью, которую права человека играют в современном правовом регулировании и прежде всего в практике конституционного контроля и международного правосудия. Правда, Э. Фиттипальди подчеркивает, что такие убеждения порождают у должностных лиц переживания, уполномочивающие их издавать нормоуничтожительные акты, направленные против нормативного факта, противоречащего их содержательным ананкастическим нормативно-фактическим убеждениям, в чем, собственно, по его мнению, и заключается смысл конституционной юстиции (см.: Фиттипальди 2014: 28-30; Fittipaldi 2015: 56-58).

В целом такая петражицкианская интерпретация прав человека не свободна от натяжек, хотя и демонстрирует определенный объяснительный потенциал психологической концепции права – прежде всего в отношении новых субъектов прав. Акцентирование Петражицким императивной составляющей в правовом психическом переживании, когда субъективное право «приписывается» обязанным лицом управомоченному независимо от его притязания и даже от его реального существования, оказывается весьма удобной конструкцией для теоретического обоснования прав животных, будущих поколений, всего человечества и т.п., которое в последнее время получило широкое распространение.

Так, сторонники признания прав животных фактически имеют в виду обязанности людей обеспечивать их благополучное существование (см.: Singer, Cavalieri 1996; McCausland 2014; Kotzmann, Seery 2018). Права будущих поколений, включающие экологические права, предполагающие защиту среды обитания в целях устойчивого развития человечества, и биоэтические права, направленные на защиту идентичности человечества как специфической биологической популяции в условиях развития биоинженерии и генетических исследований (см.: Шевченко 2020; Gaillard 2021; Kurbalija 2021; Lewis 2018), также тождественны самообязыванию нынешних поколений людей перед потомками, основанному на «предвидении» их возможных притязаний.

Безусловно, все эти вопросы нуждаются в правовом регулировании, но конструкция прав человека не самый удачный вариант для юридизации соответствующих отношений. Субъектом права может быть только человек – лицо, в силу своей природы (наличия свободы воли), способное

к активному притязанию и требующее признания и уважения своих притязаний. Собственно, эти притязания и образуют права человека, определяя корреспондирующие им и обеспечивающие их обязанности. Приписывание прав человека животным, различным общностям и сущностям (будущим поколениям, природе, биоте и т.п.) нивелирует их юридический смысл. В результате и человек из активного субъекта прав превращается в пассивный объект заботы со стороны государства и общества. Такая идея, в частности, заложена в основополагающем и самоочевидном моральном праве «на равную заботу и уважение» (a right to equal concern and respect) со стороны государства у Р. Дворкина (см.: Дворкин 2004: 247-251, 366-374).

В целом наука политики права Л.И. Петражицкого, действительно, имеет немало общего с современными концепциями естественного права¹. Так, центральным моментом естественно-правовых концепций является идея общего блага, на достижение которого должно быть направлено правовое регулирование, а права человека обычно трактуются как составляющие общего блага, причем тесным образом связанные с обязанностями человека по отношению к ближним и обществу в целом, а порой и подменяемые ими (см.: Финнис 2012: 265, 270, 278). В современных интерпретациях прав человека все чаще акцентируется их моральный, а главное – социально оправданный характер, направленность на обеспечение единения и общего блага сообщества. Свобода не рассматривается в качестве правообразующей ценности, исключительного или по крайней мере основополагающего притязания.

Заключение. Предпринятая реконструкция воззрений Л.И. Петражицкого делает очевидными причины отсутствия в его концепции развернутых рассуждений о правах человека – данный аспект не был для него существенным в понимании права и его роли в обществе, равно как и в определении надлежащего характера взаимодействия человека с другими людьми, институтами публичной и иной социальной власти. Индивидуализм, лежащий в основе идеи прав человека, Петражицкий считал «преходящей фазой исторического воспитания человечества» (Валицкий 2012: 310). Целью его политики права была полная «социализация» человека, которая «для того чтобы быть истинной и эффективной, должна занять место внутри индивидуальной души, внедриться в сущность, а не давить на человека как внешняя сила» (Валицкий 2012: 310). В связи с этим нельзя

¹ Сам Л.И. Петражицкий отмечал, что «прежняя так называемая школа естественного права исполняла в известной степени функции политики права (указывая пути для прогресса и совершенствования права)» (Петражицкий 2000: 380), и в этом смысле в возникновении политики права усматривал возрождение естественного права. Однако он считал методологически неправильным (нарушением адекватности определения) рассматривать науку политики права как основанную на принципах естественного права или определяющую их, поскольку представления о желательном, рациональном праве не следует путать с самим правом или отождествлять с одним из видов права – естественным правом, существующим наряду с реальным (позитивным) правом (см.: Петражицкий 2000: 380).

признать обоснованным традиционное причисление Петражицкого к российским либералам¹.

Петражицкому удалось предвосхитить многие современные тенденции развития научного и политического дискурса о правах человека, для которого в общем и целом характерен отказ от их понимания как притязаний на индивидуальную свободу. В новейших трактовках прав человека оказались восприняты многие идеи Петражицкого. Права человека сегодня рассматриваются как морально и социально оправданные притязания на удовлетворение его базовых потребностей, перечень которых разнообразен и исторически изменчив. Права человека являются условием и следствием включения человека в национальные и глобальные сообщества, производны от существующей системы институциональных структур и процедур, обеспечивающих их предоставление и защиту, то есть от соответствующих обязанностей (см.: Vila 2017: 395-397), и, наконец (и в силу этого), атрибутируются не только людям, но и высшим животным, социальным общностям (в том числе воображаемым – будущим поколениям) и даже искусственному интеллекту (см.: Ястребов 2018: 45-47).

Изначально заложенная в правах человека идея его свободы, автономии, активного притязания в своих собственных интересах, возможности противопоставлять себя сообществу, самостоятельно выбирать сообщества, с которыми ассоциироваться, и т.п. сегодня, как и мечталось Л.И. Петражицкому, все чаще оказывается забытой.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бауман З. 2006. Свобода / пер. с англ. Г.М. Дашевского. Москва : Новое изд-во. 132 с.
- Валицкий А. 2012. Философия права русского либерализма / пер. с англ. О.В. Овчинниковой, О.Р. Пазухиной, С.Л. Чижкова, Н.А. Чистяковой. Москва : Мысль. 567 с.
- Дворкин Р. 2004. О правах всерьез / пер. с англ. М.Л. Лахути, Л.Б. Макеевой. Москва : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН). 392 с.
- Кельзен Г. 2015. Чистое учение о праве. 2-е изд. / пер. с нем. М.В. Антонова, С.В. Лёзова. Санкт-Петербург : Издат. дом «Алеф-Пресс». 542 с.
- Кимлика У. 2010. Современная политическая философия: введение / пер. с англ. С. Моисеева. Москва : Издат. дом Гос. ун-та – Высш. шк. экономики. 592 с.
- Конт О. 2001. Дух позитивной философии. Санкт-Петербург : С.-Петерб. филос. о-во. XIV, 162 с.
- Леонтович В.В. 1995. История либерализма в России (1762–1914) / пер. с нем. И. Иловайской. Москва : Рус. путь : Полиграфресурсы. 550 с.
- Петражицкий Л.И. 2000. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Санкт-Петербург : Лань. 608 с.

¹ А. Валицкий, относя его к таковым (см.: Валицкий 2012: 282, 285-286), вместе с тем замечает, что Петражицкий обычно не упоминается в исследованиях по российскому либерализму, в частности в таких работах, как: (Леонтович 1995; Fischer 1958; Timberlake 1972).

Петражицкий Л.И. 2010а. Введение в изучение права и нравственности. Основы эмоциональной психологии (1908) // Петражицкий Л.И. Теория и политика права. Избранные труды / ред. Е.В. Тимошина. Санкт-Петербург : Университет. издат. консорциум «Юрид. кн.». С. 380-560.

Петражицкий Л.И. 2010б. Введение в науку политики права (1896–1897) // Петражицкий Л.И. Теория и политика права. Избранные труды / ред. Е.В. Тимошина. Санкт-Петербург : Университет. издат. консорциум «Юрид. кн.». С. 3-184.

Петражицкий Л.И. 2010с. К вопросу о социальном идеале и возрождение естественного права (1913) // Петражицкий Л.И. Теория и политика права. Избранные труды / ред. Е.В. Тимошина. Санкт-Петербург : Университет. издат. консорциум «Юрид. кн.». С. 561-598.

Петражицкий Л.И. 2010d. Очерки философии права (1900–1903) // Петражицкий Л.И. Теория и политика права. Избранные труды / ред. Е.В. Тимошина. Санкт-Петербург : Университет. издат. консорциум «Юрид. кн.». С. 245-379.

Платонов Р.С. 2020. Моральная универсальность в этике классического утилитаризма (Иеремия Бентам, Джон Стюарт Милль) // Антиномии. Т. 20, вып. 4. С. 45-64. DOI 10.24411/2686-7206-2020-10403

Рейснер М.А. 1908. Теория Петражицкого, марксизм и социальная идеология. Санкт-Петербург : Типогр. т-ва «Обществ. польза». 240 с.

Рейснер М.А. 1925. Право. Наше право. Чужое право. Общее право. Ленинград ; Москва : Гос. изд-во. 276 с.

Ролз Дж. 1995. Теория справедливости / пер. с англ. В.В. Целищева, В.Н. Карповича, А.А. Шевченко. Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та. 536 с.

Финнис Дж. 2012. Естественное право и естественные права / пер. с англ. В.П. Гайдамака и А.В. Панихиной. Москва : ИРИСЭН : Мысль. 554 с.

Фиттипальди Э. 2014. Психосоциология прав человека: две петражицкианские перспективы // Правоведение. № 5. С. 8-30.

Чичерин Б.Н. 2011. Философия права. 2-е изд. Москва : Кн. дом «Либроком». 344 с.

Шевченко С.Ю. 2020. Права будущих поколений и регулирование геномных исследований // Горизонты гуманитарного знания. № 2. С. 30-44. DOI 10.17805/ggz.2020.2.2

Ястребов О.А. 2018. Правосубъектность электронного лица: теоретико-методологические подходы // Труды Института государства и права Российской академии наук. Т. 13, № 2. С. 36-55.

Bentham J. 2017. Panopticon: Or the Inspection House. Whithorn : Anodos Books. 55 p.

Fischer G. 1958. Russian Liberalism: From Gentry to Intelligentsia. Cambridge : Harvard Univ. Press. IX, 240 p.

Fittipaldi E. 2015. Love, Anankasticity, and Human Rights: The Perspective of a Petrażyckiian Continental Legal Realism // Zasada proporcjonalności a ochrona praw podstawowych w państwach Europy – The Principle of Proportionality and the Protection of the Fundamental rights in the European States / Redaktor / Ed. by P. Szymaniec. Wałbrzych : Wydawnictwo Państwowej Wyższej Szkoły Zawodowej im. Angelusa Silesiusa w Wałbrzychu. P. 35-64.

Gaillard É. 2021. The Rights of Future Generations, A New Legal Humanism // ID4D. Sustainable Development News. URL: <https://ideas4development.org/en/rights-future-generations-legal-humanism/> (дата обращения: 25.12.2021).

Hart H.L.A. 1983. Between Utility and Rights // Hart H.L.A. Essays in Jurisprudence and Philosophy. New York : Oxford Univ. Press. P. 198-222. DOI 10.1093/acprof:oso/9780198253884.001.0001

Kotzmann J., Seery C. 2018. Dignity in International Human Rights Law: Potential Applicability in Relation to International Recognition of Animal Rights // Michigan State International Law Review. Vol. 26, iss. 1. P. 1-42.

Kurbalija J. 2021. The Rights of Future Generations: What Are Our Responsibilities? // DiPLO. URL: <https://www.diplomacy.edu/blog/are-we-responsible-for-the-rights-of-future-generations/> (дата обращения: 25.12.2021).

Lewis B. 2018. The Rights of Future Generations within the Post-Paris Climate Regime // Transnational Environmental Law. Vol. 7, iss. 1. P. 69-87. DOI 10.1017/S2047102517000243

McCausland C. 2014. The Five Freedoms of Animal Welfare Are Rights // Journal of Agricultural and Environmental Ethics. Vol. 27, iss. 4. P. 649-662. DOI 10.1007/s10806-013-9483-6

Singer P., Cavalieri P. (eds.) 1996. The Great Ape Project: Equality Beyond Humanity / Ed. by P. Singer, P. Cavalieri. London : St. Martin's Publishing Group. 312 p.

Timberlake C.E. (ed.). 1972. Essays on Russian Liberalism / Ed. by C.E. Timberlake. Columbia : Univ. of Missouri Press. 192 p.

Vila M.I. 2017. Subsidiarity, Margin of Appreciation and International Adjudication within a Cooperative Conception of Human Rights // International Journal of Constitutional Law. Vol. 15, № 2. P. 393-413. DOI 10.1093/icon/mox035.

References

Bauman Z. *Freedom*, Moscow, Novoye izdatel'stvo, 2006, 132 p. (in Russ.).
Bentham J. *Panopticon: Or the Inspection House*, Whithorn, Anodos Books, 2017, 55 p.

Chicherin B.N. *Philosophy of Law*. 2nd ed., Moscow, Knizhnyy dom "LIBROKOM", 2011, 344 p. (in Russ.).

Comte A. *The Spirit of the Positive Philosophy*, St. Petersburg, Sankt-Peterburgskoye filosofskoye obshchestvo, 2001, xiv, 162 p. (in Russ.).

Dworkin R. *Taking Rights Seriously*, Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2004, 392 p. (in Russ.).

Finnis J. *Natural Law and Natural Rights*, Moscow, IRISEN, Mysl', 2012, 554 p. (in Russ.).

Fischer G. *Russian Liberalism: From Gentry to Intelligentsia*. Cambridge, Harvard University Press, 1958. ix, 240 p.

Fittipaldi E. Love, Anankasticity, and Human Rights: The Perspective of a Petrażyckian Continental Legal Realism, *Szymaniec P. (ed.) Zasada proporcjonalności a ochrona praw podstawowych w państwach Europy – The Principle of Proportionality and the Protection of the Fundamental rights in the European States*. Wałbrzych, Wydawnictwo Państwowej Wyższej Szkoły Zawodowej im. Angelusa Silesiusa w Wałbrzychu, 2015, pp. 35-64.

Fittipaldi E. Psycho-sociology of Fundamental Rights: Two Petrażyckian Perspectives, *Pravovedenie*, 2014, no. 5, pp. 8-30. (in Russ.).

Gaillard É. The Rights of Future Generations, A New Legal Humanism, June 17, 2021, *ID4D. Sustainable Development News*, available at: <https://ideas4development.org/en/rights-future-generations-legal-humanism/> (accessed December 25, 2021).

Hart H.L.A. Between Utility and Rights, *Hart H.L.A. Essays in Jurisprudence and Philosophy*, New York, Oxford University Press, 1983, pp. 198-222. DOI 10.1093/acprof:oso/9780198253884.001.0001

Kelsen H. *Pure Theory of Law*, 2nd ed., St. Petersburg, Izdatel'skiy Dom "Alef-Press", 2015, 542 p. (in Russ.).

Kotzmann J., Seery C. Dignity in International Human Rights Law: Potential Applicability in Relation to International Recognition of Animal Rights, *Michigan State International Law Review*, 2018, vol. 26, iss. 1, pp. 1-42.

Kurbalija J. The Rights of Future Generations: What Are Our Responsibilities? October 7, 2021, *DiPLO*, available at: <https://www.diplomacy.edu/blog/are-we-responsible-for-the-rights-of-future-generations/> (accessed December 25, 2021).

Kymlicka W. *Contemporary Political Philosophy. An Introduction*, Moscow, Izdatel'skiy dom Gosudarstvennogo universiteta – Vyshey shkoly ekonomiki, 2010, 592 p. (in Russ.).

Leontovich V.V. *History of Liberalism in Russia (1762–1914)*, Moscow, Russkiy put', Poligrafresursy, 550 p. (in Russ.).

Lewis B. The Rights of Future Generations within the Post-Paris Climate Regime, *Transnational Environmental Law*, 2018, vol. 7, iss. 1, pp. 69-87. DOI <https://doi.org/10.1017/S2047102517000243>

McCausland C. The Five Freedoms of Animal Welfare Are Rights, *Journal of Agricultural and Environmental Ethics*, 2014, vol. 27, iss. 4, pp. 649-662. DOI 10.1007/s10806-013-9483-6

Petrażycki L.I. Introduction to Science of Legal Policy (1896–1897), *Petrażycki L.I. Theory and Policy of Law. Selected Works*, St. Petersburg, Universitetskiy izdatel'skiy konsortsium “Yuridicheskaya kniga”, 2010, pp. 3-184. (in Russ.).

Petrażycki L.I. Introduction to the Study of Law and Morality. Basics of Emotional Psychology (1908), *Petrażycki L.I. Theory and Policy of Law. Selected Works*, St. Petersburg, Universitetskiy izdatel'skiy konsortsium “Yuridicheskaya kniga”, 2010, pp. 380-560. (in Russ.).

Petrażycki L.I. On Social Ideal and Revival of Natural Law (1913), *Petrażycki L.I. Theory and Policy of Law. Selected Works*, St. Petersburg, Universitetskiy izdatel'skiy konsortsium “Yuridicheskaya kniga”, 2010, pp. 561-598. (in Russ.).

Petrażycki L.I. Sketches of Philosophy of Law (1990–1903), *Petrażycki L.I. Theory and Policy of Law. Selected Works*, St. Petersburg, Universitetskiy izdatel'skiy konsortsium “Yuridicheskaya kniga”, 2010, pp. 245-379. (in Russ.).

Petrażycki L.I. *Theory of Law and State in Connection with a Theory of Morality*, St. Petersburg, Izdatel'stvo Lan', 608 p. (in Russ.).

Platonov R.S. Moral Universality in the Ethics of Classical Utilitarianism (Jeremy Bentham, John Stuard Mill)], *Antinomies*, 2020, vol. 20, iss. 4, pp. 45-64. DOI 10.24411/2686-7206-2020-10403. (in Russ.).

Rawls J. *A Theory of Justice*, Novosibirsk, Izdatel'stvo Novosibirskogo universiteta, 536 p. (in Russ.).

Reysner M. *Law. Our Law. Others' Law. Universal Law*, Leningrad, Moscow, Gosudarstvennoye izdatel'stvo, 1925, 276 p. (in Russ.).

Reysner M. *Petrażycki's Theory, Marxism and Social Ideology*, St. Petersburg, Tipografiya tovarishchestva “Obshchestvennaya pol'za”, 1908, 240 p. (in Russ.).

Shevchenko S.Yu. The Rights of Future Generations and the Regulation of Genomic Research, *Gorizonty gumanitarnogo znaniya*, 2020, no. 2, pp. 30-44. DOI 10.17805/ggz.2020.2.2 (in Russ.).

Singer P., Cavalieri P. (eds.) *The Great Ape Project: Equality Beyond Humanity*, London, St. Martin's Publishing Group, 1996, 312 p.

Timberlake C.E. (ed.). *Essays on Russian Liberalism*, Columbia, University of Missouri Press, 1972, 192 p.

Vila M.I. Subsidiarity, Margin of Appreciation and International Adjudication within a Cooperative Conception of Human Rights, *International Journal of Constitutional Law*, 2017, vol. 15, no. 2, pp. 393-413. DOI 10.1093/icon/mox035

Walicki A. *Legal Philosophies of Russian Liberalism*, Moscow, Mysl', 2012, 567 p. (in Russ.).

Yastrebov O.A. The Legal Capacity of Electronic Person: Theoretical and Methodological Approaches, *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN – Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*, 2018, vol.13, no. 2, pp. 36-55. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Наталья Владимировна Варламова

кандидат юридических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник сектора прав
человека Института государства и права
Российской академии наук, г. Москва, Россия;
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0968-3296>;
SPIN-код: 6063-4291;
E-mail: varlam_n@list.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Natalia V. Varlamova

Candidate of Law Sciences, Associate
Professor, Leading Research Fellow, the
Human Rights Department, Institute of
State and Law, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia;
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0968-3296>;
SPIN-код: 6063-4291;
E-mail: varlam_n@list.ru



Рыжков К.С. Единообразное толкование и применение норм права в гражданском и арбитражном процессе: факторы влияния. DOI 10.17506/26867206_2022_22_2_96 // Антиномии. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 96–113.

УДК 347.9

DOI 10.17506/26867206_2022_22_2_96

Единообразное толкование и применение норм права в гражданском и арбитражном процессе: факторы влияния

Константин Сергеевич Рыжков

Российский государственный университет правосудия – Челябинск
г. Челябинск, Россия
E-mail: knrz2006@yandex.ru

*Поступила в редакцию 22.11.2021, поступила после рецензирования 06.06.2022,
принята к публикации 15.06.2022*

Одной из важнейших задач, стоящих перед судебной системой, является достижение единообразия судебной практики. В силу сложности и динамизма общественных отношений достичь указанного качественного состояния судебной практики получается не во всех случаях. Его отсутствие делает правоприменительную практику непредсказуемой, что не только осложняет деятельность субъектов процессуальных правоотношений, но и способно подорвать доверие общества к судебной системе. В этой связи актуальным становится выявление и комплексный анализ факторов, влияющих на достижение такого единообразия. Целью настоящего исследования выступает установление и классификация факторов, влияющих на единообразное толкование и применение норм права в гражданском и арбитражном процессе. Для достижения указанной цели каждый из выявленных факторов рассматривается с точки зрения степени и специфики его влияния на результаты правоприменительной деятельности. Особое внимание уделяется анализу существующих в нормах законодательства предпосылок, ведущих к соблюдению или к нарушению единообразия. В результате проведенного исследования выявлены пять категорий факторов, влияющих на единообразное толкование и применение норм права в гражданском и арбитражном процессе, а также определены конкретные факторы в рамках каждой из этих категорий. Автором сформулированы концептуальные предложения по совершенствованию действующего законодательства: конкретизировать перечень применимых форм (источников) права, в том числе исчерпывающим образом разрешить вопрос о возможности использования в качестве таковых судебного прецедента и правовой доктрины; подробно и единообразно урегулировать сущность и место обобщений практики судов провероч-



© Рыжков К.С., 2022

ных инстанций, предусмотрев возможность ссылаться на них при вынесении судебных актов по конкретным делам.

Ключевые слова: единообразии судебной практики, толкование, применение права, гражданский процесс, арбитражный процесс

Uniform Interpretation and Application of the Rules of Law in Civil and Arbitration Proceedings: Factors of Influence

Konstantin S. Ryzhkov

Russian State University of Justice – Chelyabinsk,
Chelyabinsk, Russia
E-mail: knrz2006@yandex.ru

Received 22.11.2021, revised 06.06.2022, accepted 15.06.2022

Abstract. One of the most important tasks facing the judicial system is to achieve uniformity in judicial practice. Its absence makes law enforcement activity unpredictable, which not only complicates the activities of the subjects of procedural legal relations, but can also undermine public confidence in the judicial system. At the same time, due to the diversity, complexity and dynamism of social relations, it is not possible to achieve the specified qualitative state of judicial practice in all cases, and therefore the issue of identifying and comprehensive analysis of factors influencing the achievement of such uniformity is relevant. The article analyzes the problems associated with the existence and classification of factors affecting the uniform interpretation and application of the rule of law in civil and arbitration proceedings. Problems related to the specificity and degree of influence of these factors on the uniformity of judicial practice are analyzed. Special attention is paid to the study of the prerequisites for the observance and violation of such uniformity in the legislation. The aim of the study is to establish and classify factors affecting the uniform interpretation and application of the rule of law in civil and arbitration proceedings. To achieve this goal, the author has set the task of analyzing each of these factors in terms of the degree and specificity of its impact on the results of law enforcement. Also, the author has set the task of formulating conceptual proposals for improving the current legislation. Based on the results of the study, the author identified five categories of factors influencing the uniform interpretation and application of the rule of law in civil and arbitration proceedings, and also identified specific factors within each of the categories. It is proposed to concretize the list of applicable forms (sources) of law in the current legislation, including in an exhaustive way to resolve the issue of the possibility of using judicial precedent and legal doctrine as such. The author also proposed to regulate in detail and uniformly the essence and place of generalizations of the practice of courts of inspection instances, providing for the possibility of referring to them when passing judicial decisions on specific cases.

Keywords: uniformity of judicial practice; interpretation of law; application of law; civil procedure; arbitration procedure

For citation: Ryzhkov K.S. Uniform Interpretation and Application of the Rules of Law in Civil and Arbitration Proceedings: Factors of Influence, *Antinomies*, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 96-113. (in Russ.). DOI 10.17506/26867206_2022_22_2_96.

Обстоятельства каждого конкретного дела, рассматриваемого судом, по-своему уникальны, а потому любые попытки создать универсальный шаблон для разрешения даже близких по содержанию правовых споров заведомо бесперспективны. В то же время указанное обстоятельство не освобождает судебные органы от необходимости придерживаться единых подходов к толкованию и применению правовых норм. Как отмечается в зарубежной научной литературе, закон должен быть последовательным (см.: Tamblyn 2021), а значит, последовательным должно быть его толкование и применение.

Нарушение единообразия в толковании и применении норм права в ст. 391.9 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ) и ст. 308.8 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ) названо одним из оснований для отмены или изменения судебных актов в надзорном порядке. Указанное правило логично в силу того, что единообразное толкование и применение норм права является предпосылкой к единообразию судебной практики как ее качественному состоянию. А это, в свою очередь, напрямую влияет на стабильность и предсказуемость правотворческой и правоприменительной деятельности, а также на устойчивость общественных отношений.

В связи с вышесказанным важное значение приобретает вопрос о факторах, влияющих на единообразное толкование и применение норм права в гражданском и арбитражном процессе. Их установление позволит выявить причины нарушений единообразия судебной практики, а также более эффективно формулировать концептуальные предложения по совершенствованию действующего законодательства и судебной деятельности по данному вопросу. Кроме того, важно отметить, что выявление указанных факторов может иметь ценность и в рамках исследований, касающихся законодательства об административном судопроизводстве.

В целом под фактором понимается движущая сила, причина какого-нибудь процесса, обуславливающая его или определяющая его характер; существенное обстоятельство (см.: Ушаков 2014: 718).

Иными словами, под факторами, влияющими на единообразное толкование и применение норм права, следует понимать обстоятельства, обуславливающие возможность достижения единообразия судебной практики.

Поэтому с целью формирования единообразной практики в гражданском и арбитражном процессе важно перечислить указанные факторы, а также выявить степень влияния каждого из них на толкование и применение судами норм права. В настоящее время в научной литературе отсутствует исчерпывающая классификация данных факторов, что существенно затрудняет возможность комплексно анализировать проблемы

достижения единообразия судебной практики и вырабатывать рекомендации по их решению с учетом многообразия и различий в содержании этих факторов.

Полагаем, что исходя из положений действующего законодательства, правоприменительной практики и сформированных в научной литературе точек зрения по содержанию факторов, влияющих на единообразное толкование и применение норм права, допустимо выделить следующие группы указанных факторов:

1. Факторы, связанные со степенью определенности перечня форм (источников) права, которая обуславливается наличием в законодательстве, доктрине и правоприменительной практике консенсуса по поводу сущности и применимости в рамках отечественной правовой системы тех или иных форм (источников) права.

2. Факторы, связанные с качественным состоянием законодательства в целом, которое выражается в эффективности и достаточности правового регулирования и в совершенстве юридической техники.

3. Факторы, связанные с качественным состоянием процессуального законодательства, регулирующего в числе прочего содержание и порядок вынесения судебных актов.

4. Факторы, связанные с качественным состоянием судебной деятельности, которое выражается в уровне ее организации.

5. Факторы, связанные с общим уровнем правовой культуры и правовой грамотности общества.

Рассмотрим каждую из вышеприведенных групп факторов.

Факторы, связанные со степенью определенности перечня форм (источников) права. К источникам права (или формам права)¹ традиционно относят нормативные правовые акты, судебные прецеденты, нормативные договоры, обычаи, правовую доктрину и т.д. При этом в зависимости от конкретной правовой системы признаются и находят свое применение в юридической практике далеко не все перечисленные формы (источники).

В частности, в отечественном праве прямо названы такие источники права, как нормативные правовые акты, обычаи (ст. 5 Гражданского кодекса Российской Федерации), общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры (ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации).

В то же время дискуссионным является вопрос о содержании судебного правотворчества, в частности в контексте существования такого источника права, как судебный прецедент.

Сложившаяся правоприменительная практика в основном отрицает существование судебного прецедента в системе источников российского права. К примеру, в постановлении Восьмого арбитражного апелляционного суда от 15 июня 2009 г. по делу № А46-573/2009 было отмечено,

¹О применении данного термина в научной литературе см., напр.: (Кодан 2018: 55; Упоров 2015: 42).

что решение арбитражного суда первой инстанции по другому делу обоснованно не признано судом первой инстанции в качестве доказательства, поскольку судебный прецедент не является источником российского права и данный акт не обладает преюдициальным значением для разрешения настоящего спора¹. Аналогичное мнение сформулировано в решении Арбитражного суда Удмуртской Республики от 18 сентября 2008 г. по делу № А71-5390/2008².

Однако в ряде случаев суды даже при отсутствии прямых указаний закона на возможность применения судебного прецедента как источника права используют данное понятие. Так, Арбитражный суд г. Москвы в своем решении от 5 октября 2010 г. по делу № А40-143649/21-65-1520 отметил, что Верховный суд РФ пересмотрел по существу другое дело, создав судебный прецедент по искам грузополучателей о взыскании пени за просрочку доставки грузов, признав договор об изменении сроков доставки, заключенный между перевозчиком и грузоотправителем, имеющим обязательную силу и для грузополучателя³.

В научной литературе констатируется, что суд создает не полноценные правовые нормы, а своего рода «квазинормы» (см.: Марченко 2007: 402). При этом судебная практика фактически имеет «квазиобязательный» характер, а «казуальные решения судов фактически стали формальными источниками правоположений» (Бакарджиев 2015: 11-12). Правоведами высказываются мнения о необходимости придать судебному прецеденту на законодательном уровне «прямое и непосредственное действие (direct effect)» (Свирин 2015: 24).

Не менее дискуссионным в рамках процессуальной науки является вопрос о правовой природе разъяснений, данных Пленумом и Президиумом Верховного суда РФ, а также Высшего арбитражного суда РФ (в период его существования).

Согласно ч. 4.1 ст. 198 ГПК РФ и ч. 4 ст. 170 АПК РФ в мотивировочной части судебного решения среди прочего могут содержаться ссылки на постановления Пленума и Президиума Верховного суда РФ и сохранившие силу постановления Высшего арбитражного суда РФ, а также на утвержденные Президиумом Верховного суда РФ обзоры судебной практики.

В то же время российская правовая доктрина традиционно не признает указанные разъяснения источником права (см.: Темникова 2008: 170). Вместе с тем В.В. Ершов указывает на существование так называемых прецедентов индивидуального судебного регулирования фактических правоотношений, обязательных для других судов, которые он относит к «непра-

¹ Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 15 июня 2009 года по делу № А46-573/2009. URL: <http://www.arbitr.ru> (дата обращения: 22.10.2021).

² Решение Арбитражного суда Удмуртской Республики от 18 сентября 2008 г. по делу № А71-5390/2008. URL: <http://www.arbitr.ru> (дата обращения: 22.10.2021).

³ Решение Арбитражного суда города Москвы от 5 октября 2010 г. по делу № А40-143649/21-65-1520. URL: <http://www.arbitr.ru> (дата обращения: 22.10.2021).

ву», поскольку они не могут самостоятельно регулировать общественные отношения (см.: Ершов 2018: 476–477).

Таким образом, в настоящее время отсутствует ясность о месте ранее сформированной судебной практики в системе форм (источников) отечественного права (и о самой ее возможности быть таким источником), а также об условиях ее применения и учета в каждом конкретном деле.

Также в научной литературе указывается на возможность применения в деятельности судов правовой, и в частности судебной, доктрины (см.: Ибрагимова 2020: 183). При этом ни один из нормативных правовых актов не содержит указаний на допустимость применения правовых доктрин при рассмотрении и разрешении дел судами.

Все вышесказанное красноречиво свидетельствует о неопределенности перечня форм (источников) права, подлежащих применению при разрешении судами дел, отнесенных к их компетенции. Данное обстоятельство неизбежно создает условия для нарушения единообразия судебной практики.

Следовательно, для достижения единообразия в толковании и применении норм права в гражданском и арбитражном процессе необходимо определить место судебной практики и правовой доктрины в системе источников отечественного права или же сформулировать на уровне действующего законодательства закрытый перечень форм (источников) права, подлежащих применению, в том числе в рамках отправления правосудия.

Факторы, связанные с качественным состоянием законодательства. Очевидно, что нельзя достичь единообразия судебной практики при наличии существенных дефектов правового регулирования, которые неизбежно влекут за собой или неоправданно широкие пределы усмотрения в процессе применения правовой нормы, или возможность применения правовых норм, не соответствующих объективно сложившимся общественным отношениям и иным правовым нормам.

Состояние законодательства определяют:

– актуальность правового регулирования, соответствие его существующим на данный момент общественным отношениям, отсутствие пробелов в праве;

– отсутствие правовых коллизий;

– качество юридической техники.

Обратимся к рассмотрению данных условий.

Актуальность правового регулирования, соответствие его существующим на данный момент общественным отношениям, отсутствие пробелов в праве. Отсутствие актуальных норм права, наличие в действующих нормах устаревших подходов и терминологии неизбежно влекут за собой затруднения для эффективного применения подобных норм на практике. При этом с вопросом об актуальности правового регулирования неразрывно связан вопрос о наличии в праве пробелов, то есть

об отсутствии актуальной правовой нормы, регулирующей конкретный вид или аспект общественных отношений.

По замечанию О.С. Панасюка, пробел в праве «является следствием полного или частичного отсутствия объективно необходимого звена в системе правовой регламентации общественных отношений, которые уже подвергнуты правовому регулированию или должны входить в сферу правового воздействия» (Панасюк 2012: 8).

Восполнение пробелов в праве в процессе правоприменения неизбежно сталкивается с проблемами судебного правотворчества, а также с необходимостью использования аналогии закона и аналогии права.

В частности, в постановлении Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 19 февраля 2020 г. по делу № А65-25341/2014 указано, что вывод суда первой инстанции о том, что положения ч. 3 ст. 79 ГПК РФ могут быть применены в порядке аналогии процессуального закона и в арбитражных спорах, является обоснованным. Арбитражным судом апелляционной инстанции было отмечено, что принцип единообразия правового регулирования при применении процессуальных норм в условиях возможного наличия пробела в сходном процессуальном законодательстве (а не только в материальном праве) исходя из аналогии закона может быть использован судами при рассмотрении конкретных дел¹.

В то же время применение аналогии закона и аналогии права часто требует от суда расширительного толкования правовых норм или их адаптации к специфике определенной категории споров, что создает повышенный риск разночтений при разрешении судами различных, пусть даже и схожих по своему содержанию, дел. Именно поэтому наличие пробелов в праве в существенной степени препятствует достижению единообразия судебной практики.

Отсутствие правовых коллизий. Как отмечает Ю.А. Тихомиров, «в широком смысле юридическая коллизия есть противоречие между существующим правовым порядком и намерениями и действиями по его изменению» (Тихомиров 2008: 337).

При этом, по справедливому замечанию К.В. Ахметжановой, при употреблении термина «коллизия в праве» «авторы чаще всего подразумевают коллизии норм права, даже уже – коллизии норм законодательства» (Ахметжанова 2017: 16).

Является очевидным, что правовые коллизии, и в частности коллизии норм законодательства, представляют собой негативные правовые явления, снижающие качество правоприменительной деятельности и создающие ситуации, при которых затруднен выбор правовой нормы, подлежащей применению в конкретном случае.

На связь между существованием правовых коллизий и нарушением единообразия судебной практики указывают и постановления судов. Так,

¹ Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 19 февраля 2020 года по делу № А65-25341/2014. URL: <http://www.arbitr.ru> (дата обращения: 22.10.2021).

согласно определению Суда по интеллектуальным правам от 23 декабря 2020 г. по делу № СИП-838/2020 «О передаче дела на рассмотрение другого арбитражного суда», в поступивших в суд уточнениях к исковому заявлению ООО «“Эрэмси” Желдормеханика» указало на то, что при обращении в Суд по интеллектуальным правам с иском исходило из необходимости исключения рисков возникновения правовых коллизий и из отсутствия единообразия при толковании норм материального права¹.

Кроме того, существенное значение для достижения единообразия судебной практики имеет отсутствие коллизий компетенции между органами, уполномоченными принимать нормативные правовые акты.

По замечанию В.М. Шакун, «основной предпосылкой возникновения коллизий в статусе (компетенции, отдельных полномочиях) является сложность в процессе нахождения оптимальной модели самостоятельных и в то же время согласованных действий государственных органов и должностных лиц, действующих не изолированно в решении одних и тех же задач» (Шакун 2006: 42).

В то же время следует отметить, что существование коллизий не столь серьезно влияет на единообразие судебной практики, как существование пробелов в праве, поскольку в первом случае теорией права и правоприменительной практикой выработаны методы преодоления коллизий путем выбора конкретной правовой нормы, подлежащей применению в деле. Во втором случае норма как таковая отсутствует, в связи с чем достичь единообразия гораздо сложнее.

Качество юридической техники. Существенное значение имеют грамотность и корректность формулирования норм права, применяемых судами в рамках отправления правосудия. Указанные вопросы неразрывно связаны с понятием юридической техники.

Т.В. Кашанина понимает под юридической техникой «правила ведения юридической работы и составления в процессе ее юридических документов» (Кашанина 2011: 86).

Для правоприменительной деятельности юридическая техника важна в том числе в контексте изначально качественного формулирования нормативных предписаний, то есть уровня нормотворческой техники. При этом качество нормотворческой техники выражается в эффективном применении как общесоциальных, так и специально-юридических средств.

По справедливому замечанию С.Н. Болдырева, юридическая техника представляет собой «средство материализации права, средство придания ему определенной устойчивой формы» (Болдырев 2010: 107). Если же право будет выражено в нормах, допускающих двоякое толкование или иным образом неудачно сформулированных, то правоприменительная деятельность неизбежно столкнется со сложностями в использовании указанных норм с соблюдением единых подходов к их толкованию.

¹ Определение Суда по интеллектуальным правам от 23 декабря 2020 года по делу № СИП-838/2020 «О передаче дела на рассмотрение другого арбитражного суда». URL: <http://www.arbitr.ru> (дата обращения: 22.10.2021).

Следует отметить, что судами при рассмотрении конкретных дел юридическая техника учитывается в процессе толкования норм права. К примеру, в апелляционном определении Хабаровского краевого суда от 28 февраля 2014 г. по делу № 33-1195/2014 было отмечено, что юридическая техника изложения пп. 2 п. 3 ст. 23.2 Федерального закона «О ветеранах» не предусматривает исключения для бывших несовершеннолетних узников концлагерей такой меры социальной поддержки, как обеспечение жильем, в связи с чем решение суда первой инстанции было отменено¹.

Факторы, связанные с качественным состоянием процессуально-го законодательства. Особое место среди вопросов о качестве законодательства применительно к достижению единообразия судебной практики занимает вопрос об эффективности правового регулирования судопроизводства, то есть о состоянии процессуально-правовых норм, их способности отвечать цели и задачам процессуального права. К факторам, которыми детерминируется качество процессуального законодательства по данному вопросу, относятся:

- качество правового регулирования содержания и порядка вынесения судебных актов;
- существование эффективной системы проверки и пересмотра судебных актов;
- существование иных процессуально-правовых механизмов обеспечения единообразия судебной практики.

Качество правового регулирования содержания и порядка вынесения судебных актов. Гражданским и арбитражным процессуальным законодательством предусмотрены определенные правила вынесения судебных актов (например, ст. 194, 199 ГПК РФ; ст. 167, 168 АПК РФ), а также обязательные требования к их содержанию (например, ст. 127, 198, 225, 329, 390.1, 390.16, 391.13 ГПК РФ; ст. 170, 185, 229.6, 271, 289, 291.13, 308.12 АПК РФ).

При этом существующие в законе требования к форме и содержанию судебных актов сами по себе уже в определенной степени гарантируют законность, обоснованность и в ряде случаев мотивированность судебных актов по делу. В частности, требование законности судебных решений (ст. 195 и 196 ГПК РФ; ст. 168 АПК РФ) предполагает обязательность ссылок в них на применяемые нормы права, что само по себе обеспечивает единство подходов к разрешению аналогичных споров.

Кроме того, определенное значение имеют и требования к структуре судебных актов, последовательности изложения в них правового и фактологического материала. Они позволяют обеспечить сравнимость судебных актов друг с другом и выявить единство подходов к разрешению судами однотипных дел или же его отсутствие.

¹ Апелляционное определение Хабаровского краевого суда от 28 февраля 2014 года по делу № 33-1195/2014. URL: <https://bsr.sudrf.ru> (дата обращения: 22.10.2021).

Существование эффективной системы проверки и пересмотра судебных актов. Как отмечает Е.А. Борисова, «проверочная деятельность суда обусловлена наличием в судебном акте судебной ошибки и необходимостью ее исправления в целях эффективной судебной защиты прав, свобод и законных интересов граждан и организаций» (Борисова 2016: 124). При этом проверка судебных актов предполагает осуществление вышестоящими судами соответствующей деятельности контрольного (проверочного) характера в связи с обнаруженной судебной ошибкой, тогда как в случае с пересмотром судебных актов дело повторно рассматривает тот же самый суд (см.: Борисова 2016: 120).

Хотя существование механизмов проверки судебных актов и их пересмотра обусловлено в первую очередь необходимостью защиты прав, свобод и законных интересов лиц, обращающихся за судебной защитой, оно в неменьшей степени способствует единообразному толкованию и применению правовых норм. К примеру, все контролирующие инстанции так или иначе проверяют законность судебного акта, вынесенного нижестоящим судом, а значит, устанавливают правильность применения и толкования правовых норм в конкретном деле. Пересмотр судебных актов также в ряде случаев производится исходя из оснований, связанных с обязательными к применению правовыми позициями, содержащимися в постановлениях и разъяснениях высших судебных инстанций (п. 3, 5 ч. 4 ст. 392 ГПК РФ; п. 3, 5 ч. 3 ст. 311 АПК РФ).

Таким образом, эффективность механизма обжалования и пересмотра судебных актов в существенной мере определяет единообразие судебной практики. Иными словами, если для лица, участвующего в деле, обжалование и пересмотр судебных постановлений – это возможность защитить свое нарушенное право, то с точки зрения общества и государства существование указанных механизмов гарантирует правовую определенность и единство подходов в правоприменительной деятельности.

Существование иных процессуально-правовых механизмов обеспечения единообразия судебной практики. Важно отметить, что не только нормы о содержании судебных актов, их проверке или пересмотре гарантируют единообразное толкование и применение правовых норм. Иные процессуальные правила также прямо или косвенно могут быть предназначены для достижения указанного состояния судебной практики.

В качестве примера можно привести нормы законодательства, касающиеся формирования предмета доказывания по определенным категориям дел, которые позволяют выявить круг основных вопросов, без получения ответов на которые дело не может быть разрешено. Указанные нормы, так же как и нормы, регламентирующие структуру судебных актов, делают судебные акты сравнимыми между собой, создавая общие стандарты не только формы, но и содержания конкретных судебных актов.

В контексте достижения единообразия практики также могут применяться и правила об отложении судебного разбирательства. К примеру, в определении об отложении судебного разбирательства Арбитражного суда

Самарской области от 19 октября 2021 г. по делу № А55-10763/2010 было отмечено, что в связи с необходимостью формирования единообразия практики, поскольку в настоящее время рассматривается апелляционная жалоба по аналогичному заявлению, суд считает невозможным рассмотрение дела в данном судебном заседании, в связи с чем судебное разбирательство в соответствии с ч. 5 ст. 158 АПК РФ следует отложить¹.

Полагаем, что в данном случае нормы об отложении судебного разбирательства применены с учетом их расширительного толкования, поскольку ст. 158 АПК РФ не предусматривает подобного основания. Более того, закон не содержит понятия «аналогичные дела» и критериев такой аналогичности. В силу принципов законности и независимости судей от суда требуется разрешить дело независимо от рассмотрения других дел, в том числе в проверочных инстанциях. Поэтому подобная практика представляется противоречащей основным принципам процессуального права (см.: Борисова 2016: 120).

Факторы, связанные с качественным состоянием судебной деятельности. Состояние деятельности судов по рассмотрению и разрешению дел в значительной степени определяет:

- наличие и качество разъяснений высших судов по конкретным вопросам;
- уровень квалификации судей;
- эффективность деятельности проверочных инстанций.

Наличие и качество разъяснений высших судов по конкретным вопросам. Как уже было отмечено в настоящей статье, суды в своей деятельности достаточно часто ссылаются на правовые позиции Пленума и Президиума Верховного суда РФ и Высшего арбитражного суда РФ. При этом очевидна направленность данных правовых позиций на формирование единообразной судебной практики, о чем, в частности, свидетельствует и содержание приводимых разъяснений. Так, большинство постановлений Пленума Верховного суда РФ содержат в своей преамбуле указание на обеспечение единообразного применения норм права как на цель их издания.

При этом, даже безотносительно ранее рассмотренного вопроса о сущности судебной практики, ценность разъяснений высших судов не подлежит сомнению. Они носят как минимум характер актов толкования права, указывая на специфику применения правовых норм в конкретных ситуациях, что имеет большое значение с точки зрения унификации подходов в процессе правоприменительной деятельности судов. В зарубежной юридической науке справедливо отмечается, что некоторым судам предоставлено особое полномочие по толкованию правовых положений, в том числе абстрактному, в отрыве от рассматриваемых фактических оснований, и такая интерпретация наделена обязательной силой (см.: Zirk-Sadowski 2012: 487).

¹ Определение об отложении судебного разбирательства Арбитражного суда Самарской области от 19 октября 2021 года по делу № А55-10763/2010. URL: <http://www.arbitr.ru> (дата обращения: 22.10.2021).

Аналогичную функцию выполняют обзоры и обобщения судебной практики. И если применительно к деятельности Верховного суда РФ содержание указанных обзоров для нижестоящих судов равнозначно содержанию постановлений пленума и президиума данного суда, то правовое значение обзоров и обобщений иных судов законом в надлежащей степени не урегулировано. Более того, отсутствует терминологическое единство по данному вопросу. Например, согласно п. 2 ч. 3 ст. 23.12 Федерального конституционного закона от 7 февраля 2011 г. № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» президиум апелляционного суда общей юрисдикции рассматривает материалы по изучению и обобщению судебной практики и анализу судебной статистики. В то же время в силу ч. 3 ст. 28 Федерального конституционного закона от 28 апреля 1995 г. № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации» президиум арбитражного суда округа рассматривает вопросы судебной практики. При этом в законе в указанных случаях не сформулирован термин, которым выражались бы результаты такого рассмотрения (обзор, обобщение и т.п.).

Полагаем, что следует закрепить как терминологическое обозначение таких документов, так и их место в рамках судебного правоприменения, внося соответствующие изменения в ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» и ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации». Например, возможность ссылаться в судебных актах на такие обзоры в части, не противоречащей практике вышестоящих судов, позволила бы обеспечить единообразное толкование и применение норм права по тем вопросам, относительно которых практика Верховным судом РФ еще не сформирована.

Важно также отметить, что в настоящее время суды достаточно часто ссылаются на практику судебных коллегий Верховного суда РФ, сформированную на этапе кассационной проверки судебных актов.

К примеру, в решении Арбитражного суда Иркутской области от 20 октября 2021 г. по делу № А19-16070/2021 было отмечено, что законодательством начисление процентов на понесенные стороной судебные расходы не исключено (при этом указанная правовая позиция ранее была изложена в определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного суда РФ от 12 октября 2017 г. № 309-ЭС17-7211): «Другая оценка судом аналогичных обстоятельств противоречила бы принципу единообразия в толковании и применении арбитражными судами норм права»¹.

В то же время в силу ч. 4.1 ст. 198 ГПК РФ и ч. 4 ст. 170 АПК РФ применению в судебных актах подлежат только правовые позиции Пленума и Президиума Верховного суда РФ и Высшего арбитражного суда РФ.

Вместе с тем следует отметить, что суды в своей деятельности не могут не ориентироваться на практику вышестоящих судов и судебных инстанций, перечень которых не ограничивается судом надзорной инстанции.

¹ Решение Арбитражного суда Иркутской области от 20 октября 2021 года по делу № А19-16070/2021. URL: <http://www.arbitr.ru> (дата обращения: 22.10.2021).

Однако подобная возможность прямо законом не предусмотрена, а потому учет такой практики в большинстве случаев – право, но не обязанность суда.

При этом существует справедливая точка зрения о том, что ссылка в кассационной жалобе на судебную практику в обоснование своей позиции сама по себе не свидетельствует о нарушении судом единообразия в толковании и применении норм материального права с учетом обстоятельств спора¹.

Уровень квалификации судей. Очевидно, что эффективность и качество отправления правосудия во многом зависят от профессионального уровня судьи, его квалификации (см.: Глуховеров, Владыкина 2012: 19). А поскольку одним из наиболее важных показателей качества деятельности судьи как раз является способность принимать законные судебные акты, не противоречащие сформировавшейся судебной практике, квалификация каждого конкретного судьи в конечном итоге определяет возможность достижения единообразия в толковании и применении норм права.

Иными словами, высокий уровень квалификации судей обеспечивает снижение числа судебных ошибок, в том числе касающихся единообразного толкования и применения правовых норм при вынесении судебных актов. При этом, как отмечает Г.А. Жилин, судебная ошибка есть как раз результат поведения судьи при рассмотрении и разрешении дела (см.: Жилин 2010: 508).

Эффективность деятельности проверочных инстанций. Помимо качества законодательства о проверке судебных актов, для обеспечения единообразия судебной практики важен и вопрос о качестве применения указанных норм. Иными словами, от того, насколько суды проверочных инстанций способны выявлять неправильное толкование и применение правовых норм, зависит способность судебной системы формировать устойчивую и лишенную противоречий практику по конкретным категориям дел и конкретным вопросам.

Факторы, связанные с общим уровнем правовой культуры и правовой грамотности общества. Достижению единообразия судебной практики в определенной степени способствует и сложившийся общий уровень правовой культуры и правовой грамотности общества.

Л.А. Петручак определяет правовую культуру как «исторически сложившуюся, обусловленную экономическим, политическим, социальным и духовным уровнем развития общества разновидность культуры, которая материализуется в формировании, передаче, сохранении правовых ценностей, служащих ориентиром юридически значимого поведения, и представляет собой качественное состояние правовой системы, степень правового развития личности и общества» (Петручак 2012: 14).

Высокий уровень правовой культуры всего общества и отдельных его представителей детерминирует как высокое качество нормотворческой и правоприменительной деятельности, так и добросовестность лиц, участвующих в конкретном деле, что позволяет суду более эффективно устанавливать

обстоятельства дела, а значит, правильно применять правовые нормы в каждом конкретном случае.

Правовая грамотность судей как составная часть уровня их квалификации предопределяет знание ими законодательства и актуальной правоприменительной практики (в особенности обязательных к применению правовых позиций), что также напрямую влияет на качество и единообразие судебных актов по делу. Как отмечается в зарубежной научной литературе, если суд, принимая определенное решение, правильно применяет закон, этого уже достаточно для того, чтобы его решение было юридически обоснованным (см.: Duarte d'Almeida 2021: 374).

В данном контексте важную роль играет правовая грамотность лиц, участвующих в деле, поскольку от нее зависит корректность формулирования сторонами своих правовых позиций. Большое значение имеет также добросовестность участников процессуальных правоотношений, их стремление к законному и конструктивному разрешению спора.

Выводы. Факторы, влияющие на единообразное толкование и применение норм права в гражданском и арбитражном процессе, многочисленны и многообразны по своей природе. На основании осуществленного в статье анализа мы установили группы таких факторов и рассмотрели каждый из выявленных факторов с точки зрения степени и специфики его влияния на результаты правоприменительной деятельности.

Проведенное исследование позволило нам конкретизировать данную в начале статьи классификацию. По содержанию факторы, влияющие на единообразное толкование и применение норм права в гражданском и арбитражном процессе, можно подразделить на следующие группы:

1) факторы, связанные со степенью определенности перечня форм (источников) права;

2) факторы, связанные с качественным состоянием законодательства в целом (актуальность правового регулирования, соответствие его существующим на данный момент общественным отношениям, отсутствие пробелов в праве, отсутствие правовых коллизий, качество юридической техники);

3) факторы, связанные с качественным состоянием процессуального законодательства (качество правового регулирования содержания и порядка вынесения судебных актов, существование эффективной системы их проверки и пересмотра, существование иных процессуально-правовых механизмов обеспечения единообразия судебной практики);

4) факторы, связанные с качественным состоянием судебной деятельности (наличие и качество разъяснений высших судов по конкретным вопросам, уровень квалификации судей, эффективность деятельности проверочных инстанций);

5) факторы, связанные с общим уровнем правовой культуры и правовой грамотности общества.

Следует подчеркнуть, что достижение единообразия судебной практики невозможно без учета каждого из данных факторов в рамках

законодательной и правоприменительной деятельности, касающейся рассмотрения и разрешения судами гражданских дел.

По результатам настоящего исследования также были сформулированы следующие предложения по совершенствованию законодательства:

1. Установить в действующем законодательстве закрытый перечень форм (источников) права, подлежащих применению в рамках отправления правосудия.

2. Законодательно закрепить единое терминологическое обозначение обобщений (обзоров) судебной практики, а также их место в рамках судебного правоприменения, внеся соответствующие изменения в ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» и ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации». Наряду с этим следует установить возможность ссылаться в судебных актах на такие обзоры в части, не противоречащей практике вышестоящих судов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Ахметжанова К.В. 2017. Юридические коллизии: теория и практика : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва. 28 с.

Бакарджиев Я.В. 2015. Казуальное решение суда: судебная практика, правовая позиция или судебный прецедент? // Сибирский юридический вестник. № 3 (70). С. 10-13.

Болдырев С.Н. 2010. Юридическая техника в системе теоретико-правовых категорий // Вестник Казанского юридического института МВД России. № 2. С. 106-111.

Борисова Е.А. 2016. Апелляция, кассация, надзор по гражданским делам: учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Норма : Инфра-М. 352 с.

Глуховеров А.Г., Владыкина Т.А. 2012. Правовое регулирование и методическое обеспечение повышения квалификации судей военных судов // Право и образование. № 8. С. 19-31.

Ершов В.В. 2018. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений. Москва : Изд-во Рос. гос. ун-та правосудия. 627 с.

Жилин Г.А. 2010. Правосудие по гражданским делам: актуальные вопросы. Москва : Проспект. 576 с.

Ибрагимова Ю.Э. 2020. Роль судебных доктрин в практике арбитражных судов // Журнал российского права. № 4. С. 172-185. DOI 10.12737/jrl.2020.050

Кашанина Т.В. 2011. Юридическая техника : учебник. 2-е изд., пересмотр. Москва : Норма : Инфра-М. 496 с.

Кодан С.В. 2018. «Форма права», «источник права» и «источник познания права» как базовые понятия юридического источниковедения // Личность, право, государство. № 4. С. 42-56.

Марченко М.Н. 2007. Источники права : учеб. пособие. Москва : ТК Велби : Проспект. 760 с.

Панасюк О.С. 2012. Пробелы в праве и способы их преодоления и устранения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь. 21 с.

Петручак Л.А. 2012. Правовая культура современной России: теоретико-правовое исследование : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва. 54 с.

Свирин Ю.А. 2015. Судебный прецедент: от научных дискуссий к единообразию

судебной практики // Актуальные проблемы российского права. № 11 (60). С. 20-25. DOI 10.17803/1994-1471.2015.60.11.020-025

Темникова Н.А. 2008. Роль постановлений Пленумов Верховного Суда в развитии семейного законодательства // Вестник Омского университета. Серия «Право». № 3 (16). С. 170-174.

Тихомиров Ю.А. 2008. Правовое регулирование: теория и практика. Москва : Формула права. 400 с.

Упоров И.В. 2015. Виды, содержание и иерархия источников права в контексте естественного и позитивного права // Теория и практика общественного развития. № 2. С. 39-43.

Ушаков Д.Н. 2014. Толковый словарь современного русского языка. Москва : Аделант. 800 с.

Шакун В.М. 2006. Коллизии в статусе (компетенции) органов государственной власти и должностных лиц // Вестник Челябинского государственного университета. № 2. С. 42-48.

Duarte d'Almeida L. 2021. What Is It to Apply the Law? // Law and Philosophy. Vol. 40, iss. 4. P. 361-386. DOI 10.1007/s10982-021-09405-x

Tamblyn N. 2021. The Defence of Illegality in Private Law // Liverpool Law Review. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s10991-021-09287-y#article-info> (дата обращения: 19.11.2021).

Zirk-Sadowski M.A. 2012. Interpretation of Law and Judges Communities // International Journal for the Semiotics of Law – Revue internationale de Sémiotique juridique. Vol. 25, iss. 4. P. 473-487. DOI 10.1007/s11196-011-9239-4

Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года). URL: <https://base.garant.ru/10103000/> (дата обращения: 20.11.2021).

Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) (с изм. и доп.). URL: <https://base.garant.ru/10164072/> (дата обращения: 20.11.2021).

Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (ГПК РФ) (с изм. и доп.). URL: <https://base.garant.ru/12128809/> (дата обращения: 20.11.2021).

Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (АПК РФ) (с изм. и доп.). URL: <https://base.garant.ru/12127526/> (дата обращения: 20.11.2021).

Федеральный конституционный закон от 28 апреля 1995 года № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации» (с изм. и доп.). URL: <https://base.garant.ru/10164323/> (дата обращения: 20.11.2021).

Федеральный конституционный закон от 7 февраля 2011 года № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» (с изм. и доп.). URL: <https://base.garant.ru/12182692/> (дата обращения: 20.11.2021).

Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 12.10.2017 № 309-ЭС17-7211 по делу № А76-9414/2016. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-12102017-n-309-es17-7211-po-delu-n-a76-94142016/> (дата обращения: 20.11.2021).

References

Akhmetzhanova K.V. *Legal conflicts: theory and practice: dissertation*, Moscow, 2017, 28 p. (in Russ.).

Arbitration Procedural Code of the Russian Federation (with amendments and additions), available at: <https://base.garant.ru/12127526/> (accessed November 20, 2021). (in Russ.).

Bakardzhiev Ya.V. Casual decision of the court: the judicial practice, legal position or legal precedent?, *Siberian Law Herald*, 2015, no. 3 (70), pp. 10-15. (in Russ.).

Boldyrev S.N. Legal technique in the system of theoretical and legal categories, *Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA Russia*, 2010, no. 2, pp. 106-111. (in Russ.).

Borisova E.A. *Appeal, cassation, supervision in civil cases*, 2nd ed., rev. and augm., Moscow, Norma, Infra-M, 2016, 352 p. (in Russ.).

Civil Code of the Russian Federation (with amendments and additions), available at: <https://base.garant.ru/10164072/> (accessed November 20, 2021). (in Russ.).

Civil Procedure Code of the Russian Federation (with amendments and additions), available at: <https://base.garant.ru/12128809/> (accessed November 20, 2021). (in Russ.).

Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993), available at: <https://base.garant.ru/10103000/> (accessed November 20, 2021). (in Russ.).

Duarte d'Almeida L. What Is It to Apply the Law?, *Law and Philosophy*, 2021, vol. 40, iss. 4, pp. 361-386. DOI 10.1007/s10982-021-09405-x

Ershov V.V. *Legal and Individual Regulation of Public Relations*, Moscow, Izdatel'stvo Rossiyskogo gosudarstvennogo instituta pravosudiya, 2018, 627 p. (in Russ.).

Federal Constitutional Law No. 1-FKZ of April 28, 1995 "On Arbitration Courts in the Russian Federation" (with amendments and additions), available at: <https://base.garant.ru/10164323/> (accessed November 20, 2021). (in Russ.).

Federal Constitutional Law No. 1-FKZ of February 7, 2011 "On Courts of General Jurisdiction in the Russian Federation" (with amendments and additions), available at: <https://base.garant.ru/12182692/> (accessed November 20, 2021). (in Russ.).

Glukhoverov A.G., Vladykina T.A. Legal regulation and methodological support for advanced training of judges of military courts, *Education and law*, 2012, no. 8, pp. 19-31. (in Russ.).

Ibragimova Yu.E. The role of judicial doctrines in the practice of arbitration courts, *Journal of Russian Law*, 2020, no. 4, pp. 172-185. DOI 10.12737/jrl.2020.050 (in Russ.).

Kashanina T.V. *Legal technique: textbook*, 2nd ed., rev., Moscow, Norma, Infra-M, 2011, 496 p. (in Russ.).

Kodan S.V. "Form of law", "source of law" and "source of knowledge of law" as basic concepts of legal source study, *Lichnost', pravo, gosudarstvo*, 2018, no. 4, pp. 42-56. (in Russ.).

Marchenko M.N. *Sources of law: study guide*, Moscow, TK Velbi, Prospekt, 2007, 760 p. (in Russ.).

Panasyuk O.S. *Gaps in the law and ways to overcome and eliminate them: abstr. of diss.*, Stavropol, 2012, 21 p. (in Russ.).

Petruchak L.A. Legal culture of modern Russia: theoretical and legal research: abstr. of diss., Moscow, 2012, 54 p. (in Russ.).

Shakun V.M. Collisions in the status (competence) of public authorities and officials, *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2006, no. 2, pp. 42-48. (in Russ.).

Svirin Yu.A. Judicial precedent from scientific discussions to uniformity of judicial practice, *Actual Problems of Russian Law*, 2015, no. 11 (60), pp. 20-25. DOI 10.17803/1994-1471.2015.60.11.020-025 (in Russ.).

Tamblyn N. The Defence of Illegality in Private Law, *Liverpool Law Review*, 2021, available at: <https://link.springer.com/article/10.1007/s10991-021-09287-y#article-info> (accessed November 19, 2021).

Temnikova N.A. The role of decisions of the Plenums of the Supreme Court in the development of family legislation, *Herald of Omsk University. Series "Law"*, 2008, no. 3 (16), pp. 170-174. (in Russ.).

The ruling of the Judicial Board for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated 12.10.2017 No. 309-ES17-7211 in case No. A76-9414/2016, available at: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-12102017-n-309-es17-7211-po-delu-n-a76-94142016/> (accessed November 20, 2021). (in Russ.).

Tikhomirov Yu.A. *Legal regulation: theory and practice*, Moscow, Formula prava, 2008, 400 p. (in Russ.).

Uporov I.V. Types, content and hierarchy of sources of law in the context of natural and positive law, *Theory and Practice of Social Development*, 2015, no. 2, pp. 39-43. (in Russ.).

Ushakov D.N. *Explanatory Dictionary of the Modern Russian Language*, Moscow, Adelant, 2014, 800 p. (in Russ.).

Zhilin G.A. *Justice in Civil Cases: Topical Issues*, Moscow, Prospekt, 2010, 576 p. (in Russ.).

Zirk-Sadowski M.A. 2012. Interpretation of Law and Judges Communities, *International Journal for the Semiotics of Law – Revue internationale de Sémiotique juridique*, 2012, vol. 25, iss. 4, pp. 473-487. DOI 10.1007/s11196-011-9239-4

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Константин Сергеевич Рыжков

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процессуального права Уральского филиала Российского государственного университета правосудия, г. Челябинск, Россия;
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-3882-6612>;
SPIN-код: 4924-7795;
E-mail: knrz2006@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Konstantin S. Ryzhkov

Candidate of Law, Associate Professor, Department of Civil Procedure Law, Ural Branch of the Russian State University of Justice, Chelyabinsk, Russia;
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-3882-6612>;
SPIN-код: 4924-7795;
E-mail: knrz2006@yandex.ru

Требования к авторам

1. Автор отправляет на редакционную почту admin@instlaw.uran.ru рукопись статьи в электронном варианте в формате .doc.

2. Статьи должны соответствовать тематике журнала: философия, политическая наука, право. Принимаются рукописи только ранее не опубликованных, оригинальных статей. Статьи представляются на русском или английском языках.

3. В случае несоответствия тематике и требованиям к оформлению материалы не принимаются к рассмотрению, автору направляется соответствующее уведомление.

4. Принятые к рассмотрению материалы проходят двойное слепое рецензирование: имена автора и рецензентов не раскрываются друг другу. К рецензированию привлекаются как члены редакционной коллегии и международного редакционного совета, так и внешние эксперты – специалисты по проблематике представленной статьи. Если мнения двух рецензентов принципиально расходятся, редакция привлекает третьего рецензента или принимает решение самостоятельно. Срок рассмотрения статей – не более 2-х месяцев с момента поступления рукописи в редакцию.

5. По результатам рецензирования статья может быть принята к печати, направлена автору на доработку или отклонена. В случае принятия к печати статья пополняет редакционный портфель, из материалов которого редколлегия комплекзует ближайшие номера журнала.

6. Рецензии хранятся в редакции в течение 5 лет. Редакция направляет авторам рукописей отзывы рецензентов или мотивированный отказ, а также обязуется направлять копии рецензий в Министерство науки и образования Российской Федерации при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса.

7. Рекомендуемый объем статьи – 40–60 тысяч знаков (с пробелами). Шрифт (гарнитура) Times New Roman, 14 кегль, 1,5 интервала, текст должен быть отформатирован по ширине без переносов, абзацный отступ – 1 см, левое поле – 3 см, правое поле – 1,5 см, верхнее и нижнее поля – 2 см. При использовании в тексте кавычек применяют типографский вариант («»). Тире обозначается символом «–» (среднее тире); дефис «-».

8. Все иллюстрации, графики, таблицы и рисунки должны иметь последовательную нумерацию, название; быть включены как в основной файл статьи, так и представлены отдельными файлами.

9. Название статьи форматируется по центру, выделяется полужирным шрифтом, 14 кеглем, все буквы прописные. В правом верхнем углу над названием статьи указываются фамилия, имя, отчество, ученая степень и звание, занимаемая

должность, место работы, электронная почта. В левом верхнем углу указывается код УДК.

После названия приводится аннотация статьи, раскрывающая ее гипотезу, основные положения и выводы. Объем аннотации не менее 2000 знаков с пробелами. После аннотации статьи приводится список ключевых слов (5–10).

10. Внутритекстовые ссылки оформляются в круглых скобках, в которых указываются фамилия (фамилии) автора или составителя (главного или ответственного редактора), или основное заглавие (если авторство нельзя установить), далее через пробел указывается год издания, затем через двоеточие – страницы цитаты, либо статьи правового акта, на который ссылается автор. Например: (Булгаков 1994: 203-204).

11. Библиографический список представлен двумя блоками – Списком литературы и References.

В Списке литературы указываются научные источники, первоначально авторские работы на русском языке в алфавитном порядке, затем источники на иностранных языках. При наличии нескольких источников одного автора, вышедших в одном календарном году, данная группа записей располагается по алфавиту заглавий, а к цифровому обозначению года добавляются строчные буквы латинского алфавита – a, b, c, d, что отражается и во внутритекстовых ссылках.

References – список литературы, где источники на кириллице даны в транслитерации и в переводе на английский язык (фамилия автора, название журнала, сборника – в транслитерации; заглавие монографии или статьи, место издания – в переводе), английские источники приводятся без изменений. Источники на иных языках также даются в переводе на английский язык. Весь массив записей располагается в алфавитном порядке.

При ссылке на книги указывается количество страниц в книге. При ссылке на статью указывается диапазон страниц (например: С. 13-29).

12. К статье должны быть приложены переводы на английский язык: имени и фамилии автора; должности и места работы; контактной информации; названия статьи; аннотации и ключевых слов.

13. Одобренные редакционной коллегией материалы публикуются бесплатно, гонорары авторам не выплачиваются.

14. К представленной в редакцию рукописи автор прилагает письменное согласие на размещение опубликованной в журнале статьи в электронных базах данных; письменное согласие на опубликование персональных данных.

Более подробно с требованиями к авторам и примерами оформления рукописей можно ознакомиться на сайте журнала по адресу: <http://yearbook.uran.ru/avtoram/trebovaniya-k-statiam>

Manuscript conditions

1. Manuscript in doc. format should be sent to the editorial board's email admin@instlaw.uran.ru.

2. Manuscript submitted to the Journal should relate to Journal's subject areas, which include philosophy, political science and law.

3. Previously published papers are unacceptable.

Manuscripts should be submitted in Russian or English.

4. If the paper doesn't comply with the subject-matter of the Journal or formal requirements it excludes from further consideration, the author is notified about it.

5. Every manuscript submitted to the Journal is a subject for double-blind review, which means that the identities of reviewers are concealed from the author, and vice versa. Reviewers are experts in the same subject area as the paper submitted. The paper is assigned for reviewing to experts, who are members of the editorial board or the international editorial council, as well as to independent experts. If the first reviewer accepts the paper, while the second reviewer rejects it, the paper will be passed for evaluation to the third reviewer or the decision on acceptance or rejection will be made by the editorial board itself. The procedure for review and approval of papers takes no more than two months.

After reviewing the article may be accepted for publication, sent to the author for revision or rejected. If accepted for publication the paper is placed in the portfolio of editorial board for further publication.

6. The editorial board retains reviews during 5 years. If needed, the editorial board sends reviews or notes of reasoned refusal to the authors. If requested, the editorial board sends copies of reviews to the Ministry of science and education of the Russian Federation.

7. The Journal normally publishes papers between 40000 and 60000 characters in length (with spaces). The texts should be typed using Times New Roman, font size 14, 1.5 spaced, justified alignment, 1 cm. paragraph indention, 3 cm. left margin, 1,5 cm. right margin, 2 cm. top and foot margins. French quotation marks «», dash «-», hyphen « - » should be used in the text.

8. Illustrations, diagrams and tables should be numbered and named. Illustrations, diagrams and tables should be both placed within the text of the manuscript and provided in a separate file.

9. Titles of papers should be centered, capitalized, semi-bold and typed using Times New Roman, font size 14. The author's personal data (full name, scientific degree, academic title, current institutional affiliation, position, e-mail) should be placed in the top-right corner above the title of the manuscript. UDC, if possible, should be placed in the top-left corner of the manuscript.

The abstract should be placed below the paper's title and be no less than 2 000 characters (with spaces). It should summarize the hypothesis and key results presented in the paper. From 5 to 10 keywords are also required.

10. References should be placed within the text in round brackets (). In-text references should include the author's last name or the editor's last name, or the title of the source (for sources with no author named), as well as the year of publication and page reference (or article of the normative legal act). Example: (Jameson 2009: 167).

11. After-text bibliography includes the List of sources and References.

The List of sources should be composed alphabetically. It should be organized in the following order: sources in Russian (books and articles); sources in foreign languages (books and articles). If there are two or more sources by the same author in the same year, lower-case letters (a, b, c, d) with the year should be used. The lower-case letters with the year should be added to the in-text references as well.

References is the List of sources which should be transliterated and translated into English (author's last name, title of the journal or collection should be transliterated; title of the monograph or article, and the place of publication should be translated into English). Titles in other languages should be translated into English as well. List of References should be alphabetized.

Description of books and articles listed in after-text bibliography should contain number of pages, while description of articles should contain page ranges. Example: P. 13-29.

12. The author should also submit a separate file containing the following information in English: full name, scientific degree, academic title, current institutional affiliation, position, e-mail, as well as title of the paper, abstract and keywords.

13. Publication of accepted papers is free of charge. Honorarium is not paid to the author.

14. In addition to the manuscript, the author provides written consent to display published paper in the electronic databases, as well as written consent to make public his/her personal data.

More detailed information for authors as well as samples of papers, abstracts et al. are provided at the Journal's website: <http://yearbook.uran.ru/en/for-authors/accepted-papers>

Научное издание

АНТИНОМИИ

Том 22

Выпуск 2

*Рекомендовано к изданию
Ученым советом Института философии и права
Уральского отделения РАН*

Ответственные за выпуск
В.С. Мартьянов, В.В. Руденко

Редактор *М.И. Лаевская*
Корректор *Е.М. Олову*
Компьютерная верстка *А.Э. Якубовского*
Дизайн обложки *Е. Ширяевой, «РА4»*

Подписано в печать 20.07.2022. Формат 70x100/16.
Бумага типографская.
Печать офсетная. Усл.-печ. л. 7,4. Уч.-изд. л. 8,35.
Тираж 500 экз. Заказ №

Институт философии и права УрО РАН
620108, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, д. 16.

Изготовлено ООО «Издательство УМЦ УПИ»
620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 17, офис 134.